Чхеидзе Алексей Александрович

Записки дунайского разведчика

Чхеидзе Алексей Александрович

Записки дунайского разведчика

Литературная запись капитана 1-го ранга Ю. Чернова

Аннотация издательства: Молодой разведчик Дунайской флотилии прошел путь от Одессы до Вены. После Победы случайным взрывом мины он был тяжело ранен и контужен - потерял обе руки, зрение, а потом и слух. Но моряк не сдался. Находясь в интернате для тяжелобольных, он организовал из школьников соседней школы отряд "Поиск", собрал материалы о своих однополчанах и написал книгу о них. Первое издание книги отмечено поощрительным дипломом на конкурсе имени Н. Островского.

С о д е р ж а н и е

Триста фронтовых дней, а потом - вся жизнь (Об авторе и его книге)

Глава I. "Желаю счастья, сынки!"

Глава II. Боевое крещение

Глава III. Страна Болгария

Глава IV. Нас ждет югославская земля

Глава V. В боях за Будапешт

Глава VI. Десант на Имперский мост

Глава VII. Отряд "Поиск"

Необходимое послесловие

Триста фронтовых дней, а потом - вся жизнь

(Об авторе и его книге)

Бывают встречи, которые врезаются в память на всю жизнь.

Обычная редакционная командировка и в то же время не совсем обычная. Много ли у нас найдется участников Великой Отечественной войны, чье имя носят пионерские отряды не только в Советском Союзе, но и в Болгарии, Венгрии, Югославии?

От Серпухова до Данков, где расположен интернат, я добрался на рейсовом автобусе. Дорога то рассекала березовые перелески, то сбегала с холмов к еловым рощам в лощинах. Вокруг неброская красота Центральной России. А я думал о человеке, который, хотя и живет здесь более тридцати лет, ничего этого уже не видит.

Наше заочное знакомство началось еще в 1980 году, когда в издательстве мне дали прочесть рукопись "Записки разведчика".

Лечебный интернат найти не составляло большого труда. Его каменные корпуса были видны издалека.

Няня провела меня в небольшую палату, где столько лет находится дунайский разведчик Алексей Александрович Чхеидзе. Он сидел за круглым столом, худощавый, облысевший, с седыми висками. Рукава больничного халата были завернуты, и первое, что бросилось в глаза, у него не было кистей рук. Нож фронтового хирурги когда-то не очень аккуратно расщепил правую руку и из лучевой и локтевой костей образовал как бы два толстых пальца.

Время не стерло с кожи красных заусениц швов. Какой-то металлический прибор размером со спичечный коробок с проводами лежал на столе.

Няня со стуком закрыла дверь. Но человек не повернулся. Она дотронулась до его плеча:

- Алексей Александрович, к вам товарищ!

Чхеидзе пошарил по столу, сведя руки вместе, поднял прибор к лицу, губами что-то поправил в нем и, помогая себе головой, вставил прибор в ухо.

- Здравствуйте, - обратился он куда-то в сторону. Потом, поняв, где я нахожусь, продолжал: - Садитесь. Сейчас придет Галя Рязанцева. Она поможет нам беседовать. А пока я расскажу, как работал над своей рукописью. Вы можете задавать мне вопросы. Только говорите в микрофон медленно. Иначе я не все разберу.

У моего собеседника было бледное лицо, с синими, как бы сли-нялыми от времени следами порохового ожога. Он пристально смотрел на меня, но я уже знал, что он ничего не видит.

Давно закончилась война. И все-таки она ежедневно напоминает о себе памятниками павшим, костылями инвалидов, болью старых ран. Война унесла миллионы человеческих жизней. Но мне не попадалась цифра, сколько же оставшихся в живых она искалечила?! Их значительно больше, чем погибших. И радует только то, что искалечить искалечила, а вот сломить не смогла.

Именно к таким людям, потерявшим руки, зрение, слух, принадлежал мой новый знакомый, моряк Дунайской Краснознаменной орденов Нахимова и Кутузова флотилии, старший матрос Алексей Александрович Чхеидзе, автор этой книги. Тбилисский комсомолец, он в семнадцать лет добровольцем ушел на фронт, служил на Черном море, стал разведчиком.

"Триста фронтовых дней, а потом - вся жизнь" - так можно было бы назвать эту книгу. Десять месяцев - это время пребывания молодого моряка на фронте, а потом госпитали, лечение, интернат для инвалидов Великой Отечественной войны.

Возможно, некоторые читатели, увидев название книги "Записки дунайского разведчика", захотят познакомиться с организацией разведки на Дунайской флотилии, с ее приемами и методами. Спешу предупредить - это тема другой книги. Перед вами бесхитростные воспоминания матроса-комсомольца, рядового разведчика о том, что он сам видел, пережил, и только о тех боевых действиях, в которых он непосредственно участвовал.

Но эта книга не о подвигах автора. Эта книга о подвиге дунайских разведчиков.

На войне бывает всякое. Мины, бомбы, снаряды и другие взрывоопасные предметы подстерегали воинов на каждом шагу. А для тех, кто прокладывал безопасные фарватеры или проводил по ним корабли в минированных водах Дуная, опасность подрыва увеличивалась еще больше. Именно этим и занимались бойцы и командиры Дунайской флотилии в первые летние дни 1945 года. Грохот взрывов, больших и поменьше, все еще раздавался над освобожденной от фашистов землей. Произошел такой взрыв и в группе Алексея Чхеидзе.

Подробности этого дня в памяти Алексея Александровича не сохранились. Просто вдруг навалилась темнота, и все исчезло. Очнулся он через несколько дней в госпитале. У него не было кистей рук. Он плохо слышал и ничего не видел.

Попробуйте хоть на минуту представить себя на месте этого юноши. Без рук, в кромешной тьме. Единственная связь с внешним миром - слух, но и она вот-вот прервется.

Человеку надо одеться, умыться, поесть. А если ты сам не в состоянии проделать все эти и другие элементарные вещи, если тебе, как младенцу, во всем требуется нянька, долго ты выдержишь такое испытание?

Он выдержал. С трудом, но все-таки преодолел эти преграды. Полусапожки с короткими голенищами. Сунул в них ноги - и нет хлопот со шнурками. Брюки, в поясе которых, как в трусиках, резинки. Не надо возиться с пуговицами. Наконец, обрубком руки можно приловчиться держать ложку.

Но ведь это только первая половина дела и притом не самая главная. Как жить дальше? Как примириться со своим положением и найти свое новое место в жизни?

Раньше Алексею Чхеидзе вечно не хватало времени. А теперь 24 часа растянулись в длиннейшие 1440 минут. Чем занять их? Как найти дело по душе, которое бы захватило целиком, как в довоенной юности заняли все свободное от школы время футбол и мотоцикл, драмкружок и изостудия?

Сколько бессонных ночей провел восемнадцатилетний моряк, чтобы найти то единственное, что отныне станет его целью жизни! Трудные были эти дни и часы, и все-таки Алексей Чхеидзе нашел такое дело.

Еще во время войны Алексей Александрович со своим другом Виталием Запсельским мечтал написать книгу о боевых действиях дунайских разведчиков. Виталий погиб. Значит, он, Алексей, должен во что бы то ни стало осуществить этот замысел и за себя и за погибшего друга. Но как это

сделать, не имея кистей рук и потеряв зрение? Вдобавок он узнал, что все его старые записи погибли при взрыве.

Алексей Чхеидзе не отступил. Начался длительный поиск боевых товарищей-дунайцев, поиск побратимов из Болгарии, Венгрии, Югославии, тех, с кем военная судьба свела молодого разведчика на фронтовых дорогах. Все это делалось ради того, чтобы написать книгу воспоминаний о них, и, пожалуй, этот поиск был не менее труден, чем боевые действия на фронте.

Шли годы, сдавало здоровье, а он не останавливался перед трудностями, не бросал начатой работы. Это был многолетний упорный труд, труд, который под силу только очень целеустремленному и сильному духом человеку.

Розыски шли медленно. Многие товарищи переменили довоенные адреса. Кого-то уже не было в живых. Конечно, одному Алексею Александровичу не удалось бы проделать столь объемную работу, если б у него не нашлось многих добровольных помощников. Школьники Данков охотно откликнулись на его призыв. Ежедневно по нескольку человек приходили к нему в интернат. Под диктовку Алексея Александровича они писали многочисленные запросы, в адресные столы, военкоматы, архивы и даже в загсы.

Да, пухлая рукопись, с которой я познакомился в издательстве, напечатанная на разной бумаге и разных машинках, подкупала детским простодушием, несколько наивными рассказами о виденном и пережитом на войне. Казалось, писал ее не убеленный сединами человек, а восемнадцатилетний комсомолец.

Теперь мне стало ясно, почему по рукописи автор производил впечатление очень молодого человека. Такими были его юные помощники.

Эта работа нужна была не только дунайскому разведчику. Она необходима была в первую очередь им, молодым, не видевшим войны и здесь, в палате, приобщавшимся к подвигу старших. Ученики заканчивали школу, разлетались но. всей стране, а на их место приходили новые ребята. И все больше и больше находилось дунайцев, которые тоже включались в поиск, писали письма, приезжали к нему в Данки.

Отряд "Поиск" и клуб интернациональной дружбы "Красная гвоздика" Данковской средней школы становились все известней. Их признали, о них заговорили газеты. Сперва местные - районная "Коммунист" и областная "Ленинское знамя", потом и центральные - "Московский комсомолец", "Советский спорт", "Комсомольская правда".

В журналах "Советский моряк", "Советский воин", "Пограничник", "Смена", "Огонек" появились очерки о дунайцах, отрывки из воспоминаний Алексея Александровича.

Центральное телевидение организовало большую передачу в разведчиках, в которой участвовал и Чхеидзе. За плодотворную деятельность по военно-патриотическому воспитанию школьников дунайский разведчик был награжден Почетной грамотой Советского комитета ветеранов войны.

Популярность данковского отряда "Поиск" и клуба интернациональном дружбы выросла еще больше, когда Всесоюзное радио дало возможность Алексею Александровичу участвовать в нескольких передачах.

И пошли в Данки письма от участников боев за Дунай, от пионеров и школьников, и из Советского Союза, и из-за границы.

Отряд "Поиск" Данковской школы занимался не только розыском дунайцев. Были у него и другие темы. Так, около пяти лет разведчики собирали материал о кораблях, ставших памятниками. Когда-то эти боевые корабли отважно сражались с врагом, но подошло время, и их в память о мужестве советских моряков поставили на пьедесталы в различных городах нашей страны. Вместе с данковскими ребятами собирали материал по этой теме школьники Измаила, Пинска, Таллина, Перми, Ейска. И этим поиском руководил Алексей Александрович. Собранные данные были обобщены и отправлены в Музей Краснознаменного Черноморского флота.

Работа шла, а судьба словно бы испытывала на прочность раненого моряка. Сперва пропала надежда на восстановление зрения. А потом отказал слух. И шумный мир, звучавший по радио концертами, спортивными репортажами, последними известиями, вдруг онемел.

На долю Алексея Александровича выпали такие испытания, которых с лихвой хватило бы на несколько человек. Вот об этом он и рассказывает в своей книге. И многие ее страницы нельзя читать без волнения. Запомнит читатель и то, как впервые, очнувшись, он изучал свои израненные руки и ноги, и то, как встретился в госпитале с фронтовым другом Ваней Бойчаком, и тот не узнал его. Запомнится и день внезапной глухоты. Как всегда, для работы к нему пришли школьники, а он их не слышал. И тогда кто-то из наиболее догадливых ребят, водя пальцем по лбу разведчика, стал писать буквы. Моряк прочел: "Не волнуйтесь, вас отвезут в Москву и там вылечат".

К сожалению, и слух восстановить не удалось. (Кстати сказать, сейчас только так и можно передавать что-либо Алексею Александровичу. Слуховой аппарат больше не помогает ему.)

И еще одна деталь. Несколько лет назад менялся профиль их интерната. Алексею Александровичу предложили переехать в новый, более благоустроенный. Но для этого надо было покинуть Данки. А это значило оставить своих верных помощников - красных следопытов ("юных разведчиков", как любовно называет их Алексей Александрович), расстаться с обслуживающим персоналом, к которому он за эти годы привык, с которым подружился, который относится к нему как к родному.

Вот Анастасия Андреевна Оленина. В интернате она работает с 1955 года. Она - "главный переводчик" Алексея Александровича, понимает его лучше других. Такими же близкими стали медицинские сестры Валентина Кондратьевна Авилова и Мария Филипповна Потапова, санитарка Аня Зотова. Внимательно относятся к бывшему моряку и директор интерната фронтовиков Николай Алексеевич Куликов и молодой главный врач Константин Васильевич Давыдов.

Алексей Александрович подумал-подумал да и отказался уезжать.

Здесь, в Данках, он и закончил работу над своей книгой, которую читатель держит в своих руках.

Ю. ЧЕРНОВ

Глава I.

"Желаю счастья, сынки!"

Не знаю, кто как, а я в седьмом классе еще не решил, буду ли после окончания школы железнодорожником, как мой отец Александр Бегларович, или стану журналистом и начну писать

фельетоны, подписывая их как-нибудь по-морскому, вроде "Краб". (Отец моего друга Тенгиза, журналист Давид Гелашвили, выступал под псевдонимом Медуза.) А может, поступлю в строительный институт и буду у нас в Тбилиси строить людям дома.

Чтобы сделать выбор, надо сперва закончить школу. А для этого предстояло еще три года сидеть за партой. В пятнадцать лет такой срок кажется чуть ли не вечностью.

В одном я был твердо уверен: какую бы профессию ни выбрал, футбол и мотоцикл останутся моими главными увлечениями.

Седьмой класс закончен. В городе меня держали только спортивные тренировки. Теперь свой день я делил между стадионом и мотоклубом. Лето 1941 года на Кавказе выдалось жаркое. Особенно хорошо было, когда на стадион надо было идти с утра. Мы занимались с футбольным мячом, пока не наступала жара. Нашим тренером был известный полузащитник футбольной тбилисской команды "Динамо" Михаил Челидзе.

А когда кончались занятия на стадионе, я отправлялся на мотодром. И драил до блеска старенький побитый мотоцикл, слушал, как ровно рокочет его мотор. Поверите, казалось, что его выхлопные газы и те пахнут как-то особенно, не так, как у других машин.

Дела в мотоклубе у меня шли успешно. Мы много ездили. Иногда нам разрешали в сопровождении тренера выезжать на горные дороги. Вот где вырабатывается настоящее мастерство, проверяется реакция, глазомер, знание материальной части.

И все-таки в том году на первом месте для всех нас был футбол. Дело в том, что весной в нашем городе проходили соревнования среди юношеских команд города.

Четыре месяца наша команда "Сокол" с Глданской улицы боролась со своими соперниками. Трудно приходилось, но пока спортивное счастье было на нашей стороне. И вот предстояла еще одна, решающая встреча.

Футбольное поле, где назначили матч, находилось за парком культуры имени Серго Орджоникидзе. На трибунах уже собрались нетерпеливые зрители. Пришли Друзья поболеть за нас, были, конечно, здесь и болельщики наших соперников футболистов "Ласточки" с Потийской улицы.

Нам очень хотелось выиграть и завоевать Почетную грамоту. Но, если сказать правду, не только грамота привлекала каждого. Усиленно поговаривали, что в случае успеха нашей команды лучшие ее игроки будут взяты в юношескую команду прославленного на весь Союз коллектива - тбилисского "Динамо".

Ребята из "Ласточки" были сильными и рослыми. Или, может, их форма - синие майки и желтые трусы - придавала им такой солидный вид? А наши вышли на поле в белых майках и черных трусах - традиционной форме тбилисских динамовцев.

Все мы с надеждой поглядывали на нашего "сухого" вратаря Гиви Вашакидзе. Пока никто из соперников не мог "распечатать" его ворот. Отлично играл и наш центральный нападающий Миша Замтарадзе. Правда, на этот раз у нас был особенно серьезный противник. Он тоже жаждал победы. Я видел, что наши ребята нервничали. Но так бывало всегда до начала игры.

Раздался долгожданный свисток судьи. Команда "Ласточка" перехватила мяч и сразу же пошла в атаку. Наши соперники хотели с первых минут взять инициативу в свои руки. Чувствовалось, что противник у нас сильный и отдавать нам победу без боя он не собирался. Форварды "Ласточки" играли на больших скоростях и легко обрабатывали мяч. Часто они били по воротам с дальних дистанций. Удары были сильные и точные. Но все мячи уверенно брал Гиви Вашакидзе.

Особенно много хлопот доставлял нам левый крайний. Он дважды выходил один на один с Гиви. Но первый удар пришелся в перекладину, а во второй раз Гиви отважно бросился в ноги нападающего и перехватил мяч.

Наши соперники наступали широким фронтом. В атаку включались полузащитники и даже защитники. Мы, полузащитники - я и Сосо Коршиа, оттянулись к своим воротам, потом к нам на помощь пришли и полусредние.

Наш "Сокол" контратаковал редко. Несколько голевых моментов возникло у ворот "Ласточки", но их рослый вратарь вовремя выходил из ворот и ликвидировал угрозу. Казалось, первый тайм так и закончится с нулевым счетом. Но за две минуты до перерыва правый крайний противника послал низом мяч в штрафную площадку. Попав в нашего защитника, мяч изменил направление и влетел в сетку ворот. "Ласточка" вышла вперед.

Больше всего был расстроен наш вратарь Гиви. Он не видел мяча. Но вся команда не винила его. Мы настроены были по-боевому и хотели отыграться.

- Во втором тайме возьмите такой же темп, как ваш противник. "Ласточка" не выдержит его два тайма. Почаще бейте по воротам, - учил нас тренер.

Быстро пролетели пятнадцать минут перерыва. Со свистком арбитра наши ребята устремились в атаку. Но защита противника действовала очень точно. "Сокол", как и учил тренер, прибавил скорости. Мы стали использовать длинный пас, это получалось. И все чаще у ворот противника возникали острые ситуации.

Оставалось всего шесть минут, когда наш вратарь Гиви Вашакидзе передал мне мяч. Удалось обойти моего подопечного, сделать рывок вперед. Я успел заметить, что оттянул на себя двух защитников. Замтарадзе оказался неприкрытым. Я передал мяч нашему центральному нападающему, и он спокойно головой направил его в ворота.

На трибунах раздались аплодисменты. Корреспонденты щелкали аппаратами.

"Ласточка" всей командой перешла в наступление. Но атаки ее были атаками отчаяния. Мы легко разрушили их и выстояли. А Миша Замтарадзе ухитрился забить еще один гол. Раздался финальный свисток судьи. На поле выскочил маленький мальчик с букетом. Он подарил цветы Мише - герою матча.

С грамотой наша команда совершила круг почета. Потом мы подошли к тренеру. Он не скрывал радости.

- Молодцы, ребята! Оправдали мои надежды. Я доволен игрой. Из вашей команды двоих - вратаря Гиви Вашакидзе и нападающего Мишу Замтарадзе - возьмем в юношескую команду "Динамо". Пусть как следует потренируются с опытными игроками, а потом посмотрим - может быть, переведем и в команду мастеров.

- Ура! - закричали наши ребята. Я тоже кричал и прыгал от радости, но было немного жаль, что не меня тренер отобрал в команду "Динамо". Впрочем, в толе-то мне шел только пятнадцатый год, я перешел в восьмой класс, а мои товарищи были на два года старше.

Зрители с трибун давно разошлись, а мы все еще переживали недавний поединок. Шли через парк, обсуждая каждый эпизод. Шли радостные и возбужденные и не сразу заметили, что вокруг нет привычной праздничной обстановки. Карусель остановилась, а на качелях, перед которыми всегда стояла длинная очередь, качался в одиночестве лишь один парнишка. Люди большой толпой собрались у темного рупора репродуктора.

- Немецко-фашистские войска без объявления войны вторглись на территорию нашей Родины, - разносился голос над парком.

Мы ничего не понимали. После одержанной победы было слишком трудно переключиться на что-то другое.

- Что случилось? - не выдержал Гиви.

- Война! - ответил кто-то из толпы.

По радио передавали выступление народного комиссара иностранных дел Молотова.

Тут только до нас стало доходить, что произошло что-то страшное, но, конечно, никто еще не мог представить всех масштабов случившегося.

Первым нарушил молчание Миша Замтарадзе. Он сказал:

- Скоро начнется мобилизация. Но я не буду ждать, когда пришлют повестку. Я пойду добровольцем на фронт.

Его поддержал Гиви Вашакидзе. Им было по семнадцать лет. А мне на три года меньше. Мы шли по своей улице. Она уже не была похожей на ту утреннюю мирную улицу. Перед каждым домом стояли люди. Они говорили о войне.

Я вошел во двор и поднялся в нашу комнату. В ней было тихо. Мама дежурила в заводском медпункте. А отец после очередного рейса спал. Даже радио у нас было выключено.

Мой отец до первой мировой войны работал матросом на рыболовном судне на Каспии. Он был связан с большевистской организацией Баку, вел агитацию против царского самодержавия среди матросов торгового флота, рыбаков, рабочих Баку и Дербента. С началом первой мировой войны он оказался на фронте, был тяжело ранен. После Октябрьской революции служил в конном отряде Серго Орджоникидзе, участвовал в освобождении Дербента и Баку. А когда этот отряд освободил Тифлис, отец остался в столице Грузии. Он работал машинистом на железной дороге. Часто рейсы были ночными. Именно после такой работы мой отец отдыхал в тот памятный день. Жалко было будить его, но пришлось. От слова "война" он сразу проснулся.

На следующий день в школе провожали выпускников десятого класса. Всего несколько дней назад они закончили учиться, а теперь выразили желание добровольцами идти на фронт. Их было человек сто. Мы с моим другом Тенгизом Гелашвили пристроились к десятиклассникам. У военкомата Сталинского района пришлось долго ждать. Там уже собралось много ребят из нашего района.

Проскочили с Тенгизом за десятиклассниками последними. В большой комнате за столом сидели трое командиров.

- А вы зачем здесь? - строго спросил нас старший лейтенант.

- Просим направить на фронт добровольцами. Командиры переглянулись. Старший лейтенант устало сказал:

- Вот что, ребята. Идите домой. Тут серьезное дело, а вы...

Не помогли доказательства, что мы комсомольцы, что хорошо подготовлены к фронту. Командир поднялся из-за стола, не очень вежливо сгреб нас за шиворот и выставил за дверь. А дежурному сержанту еще сказал:

- Больше этих пацанов сюда не пускай!

Так неудачно кончилась наша попытка летом 1941 года попасть на фронт.

Из нашей футбольной команды добровольцами в том году ушли четверо. В мае 1942 года в Севастополе погиб наш центральный нападающий лейтенант Михаил Замтарадзе. Вскоре после его гибели в боях под Новороссийском пал смертью храбрых морской пехотинец Саша Когуа. Его товарищ по команде Рачик Игезарян воевал в Белоруссии и погиб там. Наш вратарь Гиви Ваша-кидзе стал военным моряком Черноморского флота. При налете вражеской авиации на его катер он был серьезно контужен. После длительного лечения Гиви признали негодным к военной службе, и он вернулся домой.

В Тбилиси многие надели траурные платья. Только в нашем маленьком дворе на фронте в первые два года войны погибли двенадцать человек.

Первым извещение о гибели сына получил старый рабочий-железнодорожник Николай Авалиани. Его сын Дмитрий служил начальником погранзаставы в районе Бреста. Четверо суток держалась пограничная застава, пока не погибли все пятьдесят ее защитников.

Запомнился хмурый октябрьский день. В класс пришла наша учительница Кето Давидовна Кордзая. Она вела наш класс уже несколько лет, была нашей классной руководительницей. Она села за стол и долго молчала. В тот день от нее мы узнали о тяжелых боях под Москвой. А потом пришли первые радостные вести о победах под Ростовом, Тихвином, у стен столицы.

Так прошел первый военный год. С лета 1942 года война в Тбилиси стала чувствоваться еще больше. Часто гремели над головой зенитные орудия. Значительно реже земля вздрагивала от взрывов вражеских бомб: воздушные налеты большей частью успешно отбивали зенитчики и наша авиация.

В городе появилось большое количество эвакуированных. Первый этаж нашей школы был отдан под общежитие жителям Новороссийска. Говорили, что около двух миллионов эвакуированных нашли приют в Грузии.

Стало хуже с продуктами. Даже апельсинов и мандаринов, которые росли у нас и к которым мы привыкли, в годы войны не было в магазинах. Все шло на фронт, в госпитали для раненых.

Однажды на набережной я познакомился с тремя ранеными краснофлотцами с крейсера "Червона Украина". Они рассказали о защите Севастополя, о той тяжелой доле, которая легла на

плечи защитников этого города. После их рассказов мне захотелось больше помогать фронту. Разносить мобилизационные повестки военкомата - дело, конечно, нужное, но...

Случай скоро представился. На станкостроительном заводе имени Кирова в медпункте работала моя мама Ольга Александровна. Я довольно часто забегал к ней. А рядом находился цех, где делали снаряды. Однажды, возвращаюсь от матери, у горы снарядов я увидел нашего соседа Левана Татришвили. Металлическим циркулем он проверял качество работы. Леван работал контролером ОТК. Рядом с ним несколько рабочих грузили снаряды в специальные ящики. И с разрешения Левана я стал помогать грузчикам. Так мы погрузили три машины. А когда грузовики уехали, я сказал Левану, что летом мог бы каждый день приходить на завод на погрузку. Леван одобрил мое решение и отвел к главному инженеру. Высокий пожилой мужчина был в слесарном цехе. Подождав, когда он освободился, я подошел к нему и попросил:

- Товарищ главный инженер, можно мне грузить снаряды на машину?

- Как ты попал на территорию завода? - вопросом на вопрос ответил главный инженер. Но, узнав, что здесь работает мать и что сегодня я уже участвовал в погрузке, Владислав Владиславович Колосовский сменил гнев на милость. Мне выписали временный пропуск. До первого сентября я аккуратно ходил на завод и грузил снаряды.

Завод для меня был хорошей школой. Многому я научился у рабочих.

После летних каникул я и мои школьные товарищи собрались 1 сентября в нашем классе. Теперь это был уже 9-й "Б" класс.

Шла осень грозного 1942 года. Фронт смещался на восток. Он приближался к Сталинграду, к предгорьям Кавказа. Все чаще над городом пролетали вражеские самолеты. По ним вели ураганный огонь зенитные орудия. От разрывов дрожали стекла в окнах. Но мы успели привыкнуть к этому. Некоторым уже исполнилось шестнадцать. В классе рядом со мной, как и раньше, сидела Нина Мукерия. Хотя этим летом она никуда не уезжала из Тбилиси, я редко ее встречал. Поэтому так приятно было видеть рядом ее лицо. Мы оба занимались в драмкружке. Стали подыскивать пьесу о подвигах советских людей на фронте, чтобы показать ее раненым в госпитале. Мы часто ходили в палаты к раненым, читали им газеты, выступали со стихами. Уроки живописи я сменял на более нужные для войны - на занятия на курсах инструкторов рукопашного боя.

Весной 1943 года мы с Тенгизом Гелашвили еще раз предприняли попытку отправиться добровольцами на фронт. Предварительно узнали, что военного комиссара нашего районного военкомата зовут Михаил Леванович Гахокидзе, что человек он очень строгий, за отличия на фронте получил звание Героя Советского Союза. Все это не остановило нас, и в конце апреля мы отправились в военкомат Сталинского района. Военный комиссар оказался свободным. Он принял нас в своем кабинете.

- Я вас слушаю. Какое у вас дело ко мне?

Тенгиз подтолкнул меня. Еще по дороге мы спорили, кому обращаться к военкому, да так и не договорились. Значит, надо вести речь мне.

- Товарищ капитан, мы оба спортсмены, комсомольцы. Нам уже идет семнадцатый год. Мы можем выдержать все трудности. Отправьте нас на фронт.

Военком внимательно осмотрел нас.

- Это похвально, что вы стремитесь быть защитниками Родины. Но, ребята, пока на фронт вам рано. Потерпите еще немного.

Мы с Тенгизом переглянулись. Военком понял наше состояние.

- В октябре будет призыв молодежи в армию. Придут те, кто родился в 1926 году. Вот тогда и загляните ко мне. Может быть, что-то и придумаем вместе.

Мы поблагодарили военкома и окрыленные вылетели на улицу. Казалось, после такого ответа и солнце светило веселее.

- А помнишь, как нас отсюда выставили в сорок первом? - смеясь, спросил Тенгиз.

Еще бы не помнить. Но это было без малого два года назад.

Весной у наших мальчишек нагрузка прибавилась. Почти все ходили на курсы мастеров рукопашного боя. К июню занятия на курсах закончились. Подошли школьные экзамены. Надо сказать, что во время войны все учились особенно старательно. В нашем классе было семь круглых отличников. Забегая вперед, скажу, что из 36 учеников нашего класса 25 получили высшее образование.

Летом 1943 года тбилисские школьники 9-10-х классов на каникулы не разъехались. Мы проходили специальную военную подготовку. Изучали оружие, военное снаряжение, тактику - бой в наступлении и т. д. Нашими преподавателями были фронтовики. Особенно запомнился старший лейтенант Василий Татришвили. Он воевал на Севере, был награжден орденом. После тяжелого ранения старшего лейтенанта направили обучать военному делу молодежь.

Мы каждый день участвовали в тактических занятиях, совершали многокилометровые марши. А вечером ко мне хоть на десять минут обязательно забегала Нина.

До Тбилиси доходили вести о боях на Курской дуге. Потом по радио мы услышали первый победный салют. Трудно описать, какой радостью наполнились наши сердца. После салюта мы с Тенгизом снова встретились и обсудили положение. Победа под Курском, конечно, радостное событие, но это означало, что война скоро кончится нашей победой и мы не попадем на фронт. Мы решили снова идти к капитану Гахокидзе в военкомат. По нашим понятиям, война без нас никак не могла обойтись, но получили опять "от ворот поворот". Но далее события развернулись совсем иначе, и мы с Тенгизом попали на флот даже раньше, чем предполагали.

1 сентября начались занятия в 10-м классе. Прошли первые уроки. Еще не улеглось волнение от встречи с друзьями, а школу уже облетела новая весть: приехал представитель Центрального Комитета комсомола Грузии и с ним моряк-черноморец. Комсомольцам разрешили подавать заявления и идти служить на флот.

Кажется, больше всех этому известию радовались мы с Тенгизом. Все никак не верилось, что наша мечта сбывается. Мне все казалось, что нас не возьмут по возрасту или еще по какой причине.

Комсомольскую путевку надо было получать в Центральном Комитете комсомола. Мы с Тенгизом пришли туда часа за два до начала работы. И получили путевки первыми. А еще через три дня, 5

сентября 1943 года, на перроне вокзала состоялись проводы. Выстроился наш комсомольский отряд. С речью обратился представитель Центрального Комитета комсомола Грузии товарищ Лели. Закончил он свое выступление такими словами:

- Дорогие товарищи! Скоро вам придется поехать на фронт, лицом к лицу встретиться с фашистами. Держите высоко честь тбилисских комсомольцев!

Нас пришли провожать наши одноклассники. Была среди них и Нина Мукерия.

Перрон качнулся, поплыл, замахали в прощальном привете наши друзья. А у меня перед глазами осталась Нина, ее глаза, полные слез. Я видел ее в последний раз. Разошлись по своим купе товарищи. А я все стоял у окна.

С Ниной мы познакомились в первом классе, когда нас, малышей, мамы привели во вторую железнодорожную школу. Пожилая учительница с добрым лицом рассаживала всех по партам. Моей соседкой оказалась Нина. Сперва я был недоволен. Меня больше бы устроил сосед мальчик. Но скоро мое мнение изменилось. Нина была человеком добрым, а потом, когда мы стали постарше, у нас оказались общие интересы. Оба стали заниматься в драматическом и литературном кружках.

В восьмом классе, если я не видел Нину несколько дней, я чувствовал себя очень скверно. И если бы не война, ни за что бы не уехал из Тбилиси.

Поти встретил нас дождем. Наш отряд, сорок тбилисских комсомольцев, в сопровождении морского командира пешком направился в экипаж Черноморского флота. Здесь уже были комсомольцы из Москвы, Ленинграда, Горького, Калинина, Казани, Челябинска. Мы быстро подружились. В новой морской форме долго не узнавали друг друга. Тельняшка, признак морского братства, покорила нас всех, но еще больше мы гордились бескозырками, на лентах которых золотом горело "Черноморский флот".

Медицинскую комиссию прошли быстро, а вот распределение по морским школам заставило немало поволноваться. В приемной, длинной большой комнате, стояло более десятка столов. За каждым столом сидел представитель школы, а рядом его секретарь, обычно кто-то из старшин.

На всех столах стояли номера, и только на последнем номера не было. За ним находился председатель приемной комиссии - генерал-майор береговой службы. К нему по очереди подходили комсомольцы-новобранцы. Подошли и мы с Тенгизом. Генерал внимательно просмотрел мои документы и поставил номер - 6. Это значило, что мне надо идти к 6-му столику. Направился куда следовало и узнал, что буду учиться в объединенной школе младших командиров Черноморского флота. Надеялся, что сюда же направят и Тенгиза, но генерал распорядился иначе. На его документах он вывел цифру 8. Так мой друг попал в школу зенитной артиллерии.

Это нас очень огорчило, и мы расстроенные вышли в коридор. В дверях у приемной стояла секретарь, красивая молодая женщина в морской форме. Она внимательно выслушала нас и велела подождать. Когда прием и распределение добровольцев закончились, генерал вышел к нам.

- Товарищ генерал, - обратился я, - мы с Тенгизом тбилисские комсомольцы, девять лет учились вместе в одном классе, добровольно пришли служить. Просим вас не разлучать нас и направить в одну школу.

Генерал с улыбкой выслушал нас и развел руками:

- Чудаки вы, право. Закончите разные школы и попадете на один корабль. Вот и будете снова вместе.

На военной службе со старшими не спорят. Пришлось нам с Тенгизом расстаться. Он с другими зенитчиками выехал в Кобулети, а нас повезли в Батуми.

Опять лил дождь. И хотя нас с Тенгизом разлучили, настроение не портилось. Впереди была флотская служба. И когда поезд подошел к станции, мы с радостью высыпали на перрон. Нас уже ждали три грузовые машины.

Я раньше бывал в Батуми. Поэтому с интересом посматривал, куда мы поедем. Двинулись к предместью Барцаны по дороге, усаженной пальмами, потом дорога, петляя, пошла в гору. У подножия виднелись чайные плантации, их сменили кусты лимонов, апельсинов, мандаринов. Мои новые товарищи были северянами. Они с восхищением смотрели, как красива субтропическая природа Грузии.

Остановились на вершине у двухэтажного дома. Нас вышли встречать командование и преподаватели школы. Позднее узнали, что когда-то здесь была чайная фабрика. В двух ее двухэтажных домах разместилась школа. Первый этаж занимали классы, а на втором этаже были два больших кубрика.

Рядом со входом в столовую висел стенд с портретами прославленных героев-черноморцев. Много было среди них интересных людей, но мне особенно запомнился Ной Петрович Адамия. Он учился в Тбилиси в 33-й средней школе, недалеко от нашего дома. В районе Дидубе все хорошо знали его. Это был спортсмен, подающий большие надежды. Когда началась война, он стал известным снайпером. На его боевом счету было около 200 уничтоженных гитлеровцев. Адамия погиб в последние дни обороны Севастополя.

Из нашего корпуса хорошо было видно море. Стоило с горы пройти вниз начинался берег. Всех нас такое соседство очень обрадовало. Занятия начались сразу же. Вначале проходили курс молодого краснофлотца. Преподавали заслуженные командиры. Особенным авторитетом в школе пользовался Батя, как за глаза у нас все называли начальника школы полковника Ивана Федоровича Касилова. Это был высокий, плотный, немногословный человек, начавший свою матросскую службу еще во время первой мировой войны. Потом он участвовал в боях с белыми на суше. После гражданской войны поступил в военно-морское училище и успешно закончил его. Командовал батареей береговой обороны, во время обороны Севастополя был уже комендантом сектора. В мае 1942 года во время налета вражеской авиации наш Батя был тяжело ранен в голову. Он лечился в Тбилиси, а после госпиталя его назначили начальником военно-морской школы в Батуми.

Полковник подобрал для школы достойные кадры. Заместителем Касилова был капитан Червенчук. Под Севастополем осколок вражеского снаряда оторвал ему кисть руки. Имели фронтовой опыт и другие командиры и преподаватели.

Всем моим товарищам было по семнадцать лет, и только я один был шестнадцатилетним. Но ни в физическом развитии, ни в учебе не отставал от них. Сказывался опыт военной подготовки в Тбилиси. В нашей школе младших командиров учились 150 курсантов, разделенных на две батареи. Наш класс был очень дружным. Особенно быстро я подружился с Владимиром Малым - комсомольцем из Севастополя. Мы сидели с ним за одной партой, в кубрике наши койки стояли рядом. Это был настоящий севастопольский парень - смелый, веселый, трудолюбивый. Он много рассказывал о своем родном городе. И мы оба очень хотели участвовать в освобождении Севастополя.

Вскоре меня выбрали комсоргом батареи. В средней школе я уже имел некоторый опыт комсомольской работы. По заданию комиссара Червенчука несколько раз выступал в школах Батуми, рассказывая школьникам о войне и о подвигах героев-черноморцев. Как комсорг я поддерживал тесную связь с комсомольской организацией Батумского мореходного училища и часто бывал там.

Прошел месяц. Курс молодого краснофлотца был пройден. Мы приняли присягу и стали еще серьезней относиться к военной службе.

Однажды подошла моя очередь заступать в ночной дозор. Достался мне участок территории нашей школы в самой отдаленной ее части, близ моря. С винтовкой в руках обходил я его. Было темно, дул холодный, порывистый ветер, непрерывно шел дождь.

Морская шинель вскоре намокла, давила плечи. Я шел по узкой тропинке вдоль густой посадки высоких кустов. Поворачивался на каждый слабый шорох, но пока все было спокойно.

Неспроста была у меня эта осторожность. Три дня назад на территории нашей школы произошло нападение на часового. Случилось это так. У ворот военной школы часовым стоял ночью семнадцатилетний курсант Сорокин, тихий, не очень расторопный парень. В ту ночь начальник строевой части вместе со старшиной решили проверить бдительность часового. Пользуясь темнотой, капитан Хихленко и старшина 1-й статьи Савенко незаметно приблизились к воротам и спрятались за кустами.

Когда Сорокин повернулся к ним спиной, Савенко ловко накрыл курсанта толстым одеялом, а рослый капитан Хихленко считал, что ему по служебному положению необходимо проверять бдительность курсантов. Вот он и доказал, что молодежь несет караульную службу недостаточно хорошо. Другие находили подобную проверку крайней мерой. На следующий день наши ребята горячо заспорили об этом. Ко мне обратился Андрей Андреев:

- А ты, комсорг, что скажешь?

- Я уважаю капитана Хихленко, но мне кажется, что в этом случае он поступил неправильно. Кроме того, ему просто повезло.

- Как это - "повезло"?

- Если б в ту ночь у ворот стоял другой курсант, более расторопный, он мог бы заколоть штыком капитана.

Вскоре стало известно, что большинство преподавателей не одобрили "метод воспитания" капитана Хихленко, а наш Батя - полковник Касилов, когда узнал об этом, даже рассердился.

В тот же день он собрал всех командиров школы. Многоопытный Иван Федорович сказал:

- Наши курсанты всего два месяца несут военную службу. Их надо постепенно закаливать морально и физически. Сразу подвергать таким испытаниям нельзя.

Это событие было свежо у всех в памяти, поэтому и я был начеку. Маршрут мой проходил вдоль аллеи к площадке, на которой стоял большой дальномер. Дождь лил сильно. Ветер налетал порывами. Под ногами сплошная лужа. Шел прямо по воде, стараясь только поменьше шуметь. Подошел к лестничной площадке, ведущей к дальномеру. Предусмотрительно оглянулся. Убедившись, что все в порядке, поднялся наверх. Площадка была ровная, засыпанная битым кирпичом. Посредине ее стоял морской дальномер, покрытый широким брезентовым чехлом.

На возвышенности ветер дул сильнее. Он то стихал, то усиливался. Внизу глухо шумело море.

Я пошел вдоль дальномера. И вдруг неожиданно почувствовал тяжелый удар в спину. На ногах устоял, а вот бескозырка упала на землю. "Нападение", мелькнула мысль. Я резко повернулся, выбросил винтовку штыком вперед.

- Стой! Руки вверх!

Но рядом со мною никого не было. Глаза, привыкшие к ночной темноте, видели довольно хорошо. Внимательно осмотрел площадку, но ничего подозрительного не заметил. Что такое?

В это время снова налетел ветер. Брезентовый чехол, опускавшийся до самой земли, внезапно приподнялся и своим краем больно хлестнул меня по лицу. Сразу стало весело, хотя затрещина получилась увесистой. Было радостно, что действовал я как и положено часовому.

Учеба у нас была очень интенсивной, поэтому увольнений в город не было. Мы усиленно изучали корабельную технику, много времени в нашей программе отводилось боевым учениями в поле и в море. Из дома часто приходили письма. Вот только отвечать на них оставалось мало времени.

Из преподавателей школы мне особенно запомнился командир нашей батареи старший лейтенант Николай Андреевич Голотенко. Он умел как-то особенно доходчиво объяснить даже самые трудные вопросы. Это был глубоко образованный человек. До войны он закончил в Ленинграде Высшее военно-морское инженерное училище имени Дзержинского. Служил на корабле Черноморского флота, с началом войны ушел в морскую пехоту, участвовал в обороне Севастополя и Новороссийска. После ранения стал преподавателем.

Мы часто по душам разговаривали с Голотенко. Он охотно рассказывал о своем родном городе Первомайске, о Ленинграде, где учился в училище, о героической обороне Одессы и Севастополя.

Именно наш командир батареи помог мне детально изучить рулевое и сигнальное дело, что очень пригодилось в дальнейшем.

23 февраля, как раз в День Красной Армии, день выдался чудесный. Светило солнце, радовало глаз голубое небо. Стоял легкий мороз, было сухо.

После завтрака я и Володя Малый пришли в класс. Скоро к нам присоединились и другие товарищи из нашей шестой смены. У всех было праздничное, приподнятое настроение. Ждали свежую корреспонденцию. Почтальоном у нас была восемнадцатилетняя комсомолка краснофлотец Оля Пекуш, очень скромная симпатичная девушка с приятным лицом. Приход

Оленьки всегда радовал нас, курсантов. Вот и сейчас мы с надеждой поглядывали на дверь. Мы дружно поздравили девушку с праздником. Она вытащила толстую пачку писем. Каждый брал весточку, отходил в сторону и тут же вскрывал. Я терпеливо ждал своей очереди. Наконец Оля посмотрела в мою сторону и лукаво улыбнулась: я сразу понял, что есть письмо от Нины. Так и есть. А на конверте жирная надпись: "Осторожно фото". Нет, сегодня действительно праздник!

Снимок был сделан недавно. Я застыл от счастья. Оля попросила фото.

- Очень красивая девушка.

Подошли товарищи, стали рассматривать фотографию. Простодушный Андрей Андреев сказал:

- Алеша, твоя школьная подруга - настоящая красавица. Но раз ты идешь на войну, она тебя не дождется.

- Не знаю, может быть. Зато я буду ее помнить всегда.

Мы вышли во двор. Украшенная алыми полотнищами и яркими транспарантами, наша школа выглядела празднично. К первому корпусу подходили преподаватели. Они были в парадной форме, с орденами и медалями. Мы, комсомольцы, с восхищением смотрели на героев. Каждый из нас мечтал о подвиге во имя Родины.

В день этого популярного праздника наше командование решило организовать для курсантов спортивные состязания.

Начали в одиннадцать утра. Первыми вышли на старт ребята первой смены. Дистанция бега - 800 метров. Все мы были в морской форме, без шинелей. 400 метров шел подъем в гору. Там стояли наши контролеры, от них надо было бежать обратно по тому же пути к финишу.

Наконец подошла очередь и нашей шестой смены. За красным столом, покрытым бархатной скатертью, сидело все начальство школы - полковник Касилов, комиссар капитан Червенчук, капитан Хихленко, старшие лейтенанты Власов и Голотенко. Николай Андреевич одобряюще смотрел на нас. Видно было, он желал успеха именно нашей смене. Судья соревнований старшина 1-й статьи Михальченко держал в руке секундомер. В правой поднятой руке у него был красный флажок. Наши взоры прикованы к этому флажку. Судья резким движением опустил флажок. Мы рванулись вперед. Старт взяли резво. Небольшой подъем у ворот школы преодолели быстро. Велико было желание занять первое место. Но я хорошо понимал, что впереди еще длинная дистанция кросса. В таком темпе долго не выдержишь. И действительно, группа лидеров стала быстро сдавать. Я обошел товарищей. Но чем дальше, тем дорога становилась круче. Мелькали кавказские сосны. Метров через двести увидел первого контролера. Он флажком указал мне направление. Новый контролер стоял у поворота. Он заулыбался мне, помахал флажком, приветствуя первого из смены. Вторую половину пути предстояло бежать под гору. Можно было бы и приналечь, но я старался экономно расходовать силы. До финиша всего 150 метров. И тут впереди меня из кустов неожиданно выскочил курсант Леонид Николаев. Я и мои товарищи бежали потные. А этот даже не запыхался. Но побежал он не в гору, а назад, к финишу. Вот это номер! Я попытался нагнать его, да разве такого догонишь?

Леонид пришел к финишу первым. Я ничего не сказал о его проделке. Но ребят не заставишь смолчать. Да и контролеры не видели на горе нашего Леонида. Пришлось ему в школе на авралах работать за двоих, чтобы загладить свой проступок.

Наступил май 1944 года. Все чаще по радио на всю страну звучали победные салюты. Но мы теперь твердо знали: войны хватит и на нашу долю, скоро придет и наша очередь идти на фронт. Курсанты с большим усердием готовились к экзаменам. Перед ними командование решило проверить наши боевые навыки в учениях на суше. Первая батарея стала "синими", а наша батарея - "красными". Стояла отличная погода. "Красные" заняли оборону в поле, быстро вырыли окопы. Зарядили винтовки холостыми патронами, приготовили к бою гранаты. Мы были готовы отразить нападение противника. Рядом со мною окопался Владимир Малый. Вскоре подошел и наш командир батареи. Он приказал мне произвести разведку обороны противника.

Я выбрался из окопа, взял в правую руку винтовку и по-пластунски пополз вперед. Высокая трава хорошо укрывала от посторонних глаз. Вскоре стали слышны голоса "синих". Близ их окопов я свернул к лесу. Теперь в тени деревьев можно было осмотреться. Отсюда позиции противника хорошо просматривались. Я заметил, как "синие" разделились. Оставив небольшую часть батареи, они основными силами направились к лесу. Разгадать их план не составляло большого труда. Конечно, большими силами они решили зайти к нам в тыл и оттуда нанести удар. Я быстро вернулся и доложил нашему командиру результаты разведки. Голотенко принял решение: треть людей оставил в окопах, а две трети вывел в лес, где они замаскировались, поджидая "синих".

Противник прошел недалеко от нас. Он не предполагал ловушки. Когда, выйдя из леса, он устремился на наши окопы, наша батарея с тыла внезапно атаковала "синих".

Полковник Касилов и капитан Хихленко наблюдали за учебным боем. Они присудили победу нашей батарее.

Потом начальник школы вызвал меня к себе. Я вытянулся перед Батей, не зная, зачем вызвали.

- Курсант Чхеидзе, объявляю вам благодарность за находчивость в разведке!

Это было так неожиданно, что, кажется, я забыл ответить как положено. Полковник понял мое состояние и добавил:

- Помните, на фронте будет значительно трудней. Но из вас может выйти хороший разведчик.

На всю жизнь запомнилась мне эта первая в моей службе благодарность. Наш Батя как в воду смотрел. На фронте я действительно стал разведчиком.

Тогда, кажется, впервые я понял, как много в боевой обстановке зависит от разведки, как важны для успеха боя точные данные о противнике, и именно тогда я решил стать разведчиком. Правда, наш учебный бой "красных" и "синих" был детской игрой по сравнению с настоящей войной. Но я очень благодарен тому бою, подсказавшему, где мое место на фронте.

Наступило время распределения по базам Черноморского флота. А наши войска тем временем уже вступили на территорию Румынии, началось освобождение Крыма. Симферополь, Феодосия, Ялта и наконец Севастополь были освобождены нашими наступающими войсками. (Так и не осуществилось наше желание с Владимиром Малым участвовать в освобождении города русской славы, но мы не очень грустили об этом.)

1 июня после завтрака я прошел к морскому обрыву. Море было спокойно. Вот-вот должна была решиться моя судьба. В каком приморском городе буду служить?

С кем из товарищей попаду вместе? Возможно, оставят здесь, в Батуми. Ведь здесь базируется много черноморских кораблей. Жаль, что я поздно родился. Видимо, уже не придется самому участвовать в Великой Отечественной войне. Черное море почти все свободно.

- Алексей, где ты? - раздался голос Владимира Малого.

Я откликнулся.

- Нашел время морем любоваться. Там у кабинета Бати вывесили списки распределения.

- И куда же нас с тобой направили?

- Не знаю. Я как увидел, сразу за тобой побежал.

Мы рванули во второй корпус. Там уже толпились наши ребята. Они с волнением просматривали длинный список. Протолкались поближе. С волнением я начал читать: "Направить в Батуми...", "Направить в Поти...", "Направить в Сухуми..." Моей фамилии нигде не было. Пробежал большой лист глазами. Ага, есть и другие города: Сочи, Новороссийск, Анапа. Однако и здесь моей фамилии не оказалось. Решил, что направили в Крым. Стал читать дальше: Феодосия, Керчь, Евпатория, Севастополь. Но и здесь себя не нашел.

Может быть, от волнения просто не заметил в списках? Однако в самом конце стояло: "Направить в Дунайскую флотилию..." Вот там вместе с двумя товарищами стояла и моя фамилия.

Я не выдержал и закричал:

- Ура! Да здравствует Дунайская флотилия!

Мой друг Владимир Малый попал в Керчь. Приходилось опять расставаться с другом. Но мы договорились не терять связи.

На следующий день все были на вокзале. Светило солнце. На перроне стояла группа преподавателей. Наш Батя пришел в парадном мундире при всех боевых орденах и медалях.

Вагоны дернулись. Мы все приникли к открытым окнам. Полковник Касилов поднял руку и коротко сказал:

- Желаю счастья, сынки!

"Прощай, милый Батуми", - подумалось мне. Я, конечно, не знал, что попаду сюда только через четверть века, попаду искалеченным, вернусь с фронта, чтобы рассказывать молодым о героях войны.

Глава II.

Боевое крещение

О замечательном южном городе Одессе нам часто рассказывал командир нашей батареи Николай Андреевич Голотенко. В октябре 1941 года с ротой морских пехотинцев он, израненный, одним из последних покидал город. Но говорил он не только о мужестве черноморцев, защищавших важнейший порт, об отваге советских партизан, ушедших для борьбы с гитлеровцами в катакомбы, немалое место в его рассказах уделялось историческим памятникам города. А такие названия, как Аркадия, Дерибасовская, Воронцовский маяк, Кагарлык, Сухой

лиман, звучали для нас как манящая музыка. Наверное, каждый хотел бы участвовать в освобождении этого города, побывать в знаменитом оперном театре (Голотенко утверждал, что Одессу часто называли "Парижем в миниатюре", а оперный театр по своей красоте уступал лишь двум театрам в Европе - Парижскому и Миланскому), спуститься в порт по известной нам по картине "Броненосец "Потемкин" лестнице, постоять у памятника Ришелье.

Но утром 10 апреля 1944 года, когда мы еще постигали азы морских наук, наши наступающие войска штурмом освободили Одессу. По радио передавали приказ Верховного главнокомандующего. Вечером гремел праздничный салют, кричали "ура!", а командир батареи ходил именинником.

Прошло еще три месяца. И вот вместе с группой выпускников нашей школы я приехал в Одессу. Бросился в глаза взорванный вокзал. Груды щебня подступали к железнодорожным путям. Летние деревья стояли в зелени листвы, но и она не могла прикрыть обгоревших зданий. На улицах еще не были засыпаны воронки. В уцелевших домах вместо стекол стояла фанера. Все напоминало о недавних боях.

Это был еще не фронт, но подступы к нему.

Трамваи в городе ходили редко. По Одессе нас вел Голотенко. Три года назад он оставил город. И вот теперь он снова идет по улицам освобожденного города. Идет и на ходу рассказывает нам о горячих днях обороны. А мы задаем ему все новые и новые вопросы.

Шли долго. Наконец добрались до тихого дачного местечка, где располагался экипаж. Оно называлось Одиннадцатой станцией. Все мы с грустью расстались с нашим воспитателем Голотенко. С ним были связаны воспоминания о школе младших командиров в Батуми.

На следующий день группу матросов, в которую попал и я, повели на экскурсию по городу. С моря дул легкий ветер. В этом районе Одессы много фруктовых садов. Мне вспомнился родной Тбилиси, район Дидубе. Наш экскурсовод, коренной одессит, человек веселый и общительный, рассказывал нам о городе, провел к оперному театру, который фашисты перед отступлением пытались взорвать. Но наши партизаны помешали этому варварскому акту.

Вернулись в экипаж к вечеру усталые, но с богатыми впечатлениями. Мы многое увидели и узнали об Одессе и ее защитниках.

Через три дня я получил назначение на корабль. У причала в Одессе нашел минометный катер No 21, где мне предстояло служить рулевым. Командовал катером лейтенант Евгений Чесноков. Это был спокойный и внимательный человек, который тепло принял меня, расспрашивал о доме, об учебе в батумской школе. В заключение нашей беседы командир сказал:

- Спортсмен и отличник в учебе должен и в бою показать себя образцово.

С хорошим настроением я вышел из каюты командира. По трапу поднялся на палубу. Здесь расположилась вся команда. Матросы курили, слушали веселые байки, смеялись. Команда катера состояла из десяти человек, им было от девятнадцати до двадцати двух Это были комсомольцы, уже успевшие просолиться в морской воде и понюхать пороху в боях.

Меня тут же познакомили с нашим небольшим кораблем. Наш минометный катер был деревянным, на носу его стоял гвардейский миномет - "катюша".

В ту ночь я долго ворочался на койке. Первые впечатления от города, новый корабль, новые товарищи - все было ново и мешало заснуть. Подружился я с ребятами быстро. От них узнал, что командует нашей флотилией контр-адмирал Сергей Георгиевич Горшков, человек волевой и решительный, отличившийся во многих боевых делах. Под стать ему и начальник штаба флотилии капитан 1-го ранга Аркадий Владимирович Свердлов. Оба они пользовались большим авторитетом у моряков.

С нетерпением я ждал выхода в море. Хотелось посмотреть, на что способен наш минометный катер в бою. Обстановка под Одессой в то время была напряженной. Фронт находился недалеко от города. Иногда над нами пролетали вражеские самолеты. В море было выставлено много мин. Недавно на них подорвались два наших катера. Бригада траления днем и ночью очищала море.

Помню, я испытал особое волнение, когда впервые стал за штурвал катера. Сразу же бросилось в глаза, что море под Одессой не такое глубокое, как у побережья Кавказа.

Наш минометный катер вместе с другими кораблями Дунайской флотилии выходил выполнять боевые задачи. Чаще всего мы приближались ночью к вражескому берегу у Днестровского лимана и вели огонь по береговым укреплениям врага. Мне тогда очень пригодилась хорошая теоретическая подготовка, полученная в школе младших командиров.

Запомнился мне и первый бой с фашистскими самолетами. Нас прикрыли истребители, вызванные нашим командиром.

Мне нравилась служба на корабле и ночные набеги, обстрел вражеского берега. Но все чаще приходила мысль попроситься в морскую пехоту. А еще лучше - в разведку.

У нас на катере о флагманских разведчиках, как с уважением называли разведчиков из разведотряда штаба флотилии, которыми командовал Борода старший лейтенант Виктор Калганов, ходили целые легенды. Попасть к ним я и мечтал. Долго я не решался попросить об этом командира, а потом все-таки подал рапорт. Мотивировал тем, что спортсмен, знаю приемы самбо, хорошо стреляю и могу водить мотоцикл, знаю немецкий.

26 июля меня вызвал к себе командир нашего катера лейтенант Евгений Чесноков. В его руках был вскрытый пакет. Я так и решил: ответ на мой рапорт. Сердце учащенно забилось. Неужели разрешили?

Чесноков спокойно сказал:

- Алексей, командование удовлетворило твою просьбу. Тебя переводят в 369-й Краснознаменный отдельный Керченский батальон морской пехоты. Будешь разведчиком.

Конечно, разведчик батальона - это не флагманский разведчик. И все-таки я был очень обрадован.

Чесноков протянул мне толстый водолазный свитер.

- А это подарок от меня и от всей нашей команды. Носи его и помни, что ты с гвардейского катера.

В тот же день я прибыл на Шестнадцатую станцию, где располагался 369-й батальон морской пехоты. Сформированный в тяжелые дни лета 1942 года из моряков Каспийской военной

флотилии, батальон этот участвовал в освобождении городов Тамани и Крыма. Особенно он отличился в Керченско-Эльтингенской десантной операции, за что получил почетное наименование Керченского. Меня направили в разведку батальона. Морские пехотинцы в это время готовились к наступательным боям.

Здесь я и познакомился, а вскоре и подружился с двумя разведчиками старшим матросом Виталием Запсельским и старшиной 2-й статьи Иваном Бойчаком.

Девятнадцатилетний комсомолец Виталий Запсель-ский был родом из Ворошиловграда. Осенью 1941 года он добровольно ушел на фронт, участвовал в героической обороне Севастополя, а потом Новороссийска. Высаживался в десантах на Азовском и Черном морях. Был ранен. Он мечтал быть журналистом и после каждого боя по горячим следам писал статьи и отправлял их в газету "Красный черноморец" или в другие газеты. Матросы и офицеры с удовольствием читали фронтовые очерки и заметки нашего корреспондента.

Если Виталий был горячим и общительным, то Ваня Бойчак, который был на три года старше Виталия, казался сдержанным, несколько даже хмурым. Он родился и вырос на Украине и любил говорить, что Николай Островский его земляк. Иван повоевал больше, чем Виталий, больше успел всего повидать и, наверное, поэтому был серьезней.

В разведке батальона служила восемнадцатилетняя комсомолка из Ленинграда Катя Михайлова. Она успела закончить курсы медицинских сестер в школе и сов-сом девочкой ушла воевать с гитлеровцами. Была ранена, попала в Каспийскую флотилию, добровольно пошла в батальон морской пехоты.

В нашем батальоне все офицеры имели немалый боевой опыт. Но особенно мне запомнился командир пулеметной роты лейтенант Павел Кирсанов. Ему шел двадцать третий год. В бою он всех заражал храбростью, а на отдыхе - весельем. Я внимательно присматривался к бойцам и командирам батальона. Свои наблюдения на грузинском языке записывал в тетрадь. Одновременно в альбоме под рубрикой "В бою и на отдыхе" делал зарисовки.

Вечерами наши разведчики устраивались на отдых прямо на траве. Я играл на гитаре, а мои товарищи пели морские песни. Часто мы мечтали о будущей жизни. Каждый рассказывал, какую мирную профессию он выберет. Виталий Запсельский, Ваня Бойчак и я решили стать журналистами. Мы хотели вместе написать книгу о Великой Отечественной войне, рассказать, как геройски дрались с врагом моряки Азовской и Дунайской флотилий.

А еще мы вслух читали письма. Во время войны немало писем от незнакомых людей приходило фронтовикам. И они очень радовали бойцов. Трогательные весточки о мирной жизни присылала нам в бригаду из города Ейска Нина Даниленко. Она писала о студенческой жизни, о своих подругах, о себе. В каждое письмо она вкладывала какое-нибудь стихотворение. Мы с большим интересом слушали ее письма и присланные стихи.

Из Одессы часто приезжали делегации. Привозили подарки, рассказывали о жизни в тылу, устраивали концерты самодеятельности. Каждый такой приезд для моряков был настоящим праздником, а однажды во время такой встречи нам, трем разведчикам, подарили ножи. Этот нож прошел со мной от Одессы до Вены, а сейчас он находится в числе экспонатов музея Краснознаменного Черноморского флота.

В августе наш батальон усиленно готовился к преодолению Днестровского лимана. У впадения в Черное море Днестр образует обширный лиман, ширина которого более десяти километров.

Наши войска занимали левый берег лимана. Правый берег находился в руках оккупантов. В это время готовилась Ясско-Кишиневская наступательная операция. Содействуя нашим наступающим частям, флотилия должна была осуществить высадку десанта на правый берег лимана. Высаживаться должны были южнее и севернее Аккермана в районах Шабо-Тырг и Молога.

Командующий флотилией и начальник штаба уделяли большое внимание специальной подготовке десантников. Поэтому на северо-западной окраине Одессы в течение двух недель мы, бойцы морской пехоты, проводили регулярные тренировки. Отрабатывали посадку и высадку. Учились длительное время идти на веслах. Нередко на берегу во время тренировок мы видели командующего флотилией или начальника штаба, которые интересовались нашей подготовкой.

12 августа наших разведчиков перевели на левый берег Днестровского лимана. В Овидиополь переехал штаб флотилии. Южнее этого города тянется большая деревня Роксоляны. В конце деревни у моря в колхозном саду поставили палатку и наши разведчики.

Я и мои товарищи Виталий и Иван впервые попали в эти края. Природа тут богатая. Много фруктовых деревьев, отличные луга. Припекало солнце, но жары совсем не чувствовалось. С лимана веял освежающий ветер. Мы с интересом рассматривали Днестровский лиман. Внешне он очень похож на море. Но у берега по лиману мирно плавали домашние гуси и утки. В некоторых местах из воды вставала дружная стена камышей. Берега здесь высоки и круты.

В том месте, где находился наш наблюдательный пункт, лиман не так широк. Всего пять километров. А на противоположном берегу на небольшой возвышенности расположился город Аккерман (ныне Белгород-Днестровский), там засел враг.

Мы круглосуточно вели наблюдение за правым берегом. А с наступлением темноты на лодке пересекали лиман и выходили на берег, занятый фашистами. В зарослях камыша прятали лодку, выбирали удобный для наблюдения пункт и оттуда следили за противником, изучали его оборону, уточняли расположение огневых точек, границы минных полей.

К рассвету на лодке возвращались к своим.

Конечно, с самолета снять план вражеской обороны было проще. Это тоже делалось. Но на фотоснимке далеко не все можно расшифровать, а от глаз разведчиков укрыться трудней.

Накануне десанта меня послали еще раз уточнить район нашей высадки у Мологи. С наступлением темноты по обрывистому берегу я спустился к воде, автомат в лодке положил к ногам, а сам прихватил с собой длинную бамбуковую палку. Ялик быстро двигался по воде. Скоро наш берег скрылся из вида. Не один раз я переплывал лиман, поэтому чувствовал себя уверенно. Стоял август, но по воде дул холодный пронизывающий ветер. Когда до вражеского берега оставалось метров четыреста, в небо взлетела ракета. Я перестал грести и упал на дно лодки. "Если немцы заметили, выпустят вторую ракету". Но кругом стояла темнота. Снова взялся за весла.

Подойдя к берегу, укрылся в камышах и стал наблюдать. Установил, что через каждые десять минут фашисты выпускают обыкновенные ракеты, а через час большую, самую опасную. Эта ракета спускалась на парашюте и горела несколько минут, освещая довольно большое пространство.

Накануне наши разведчики установили, что у Аккермана фашисты в воде выставили проволочные заграждения. Надо было проверить участок высадки у Мологи. Нет ли и тут подводных препятствий.

Я разделся, взял бамбуковую палку, ялик оставил в камышах. Двигался по горло в воде, ощупывая дно палкой. В некоторых местах приходилось плыть. Долго пробыл в воде, продрог, но довольный вернулся к лодке. Никаких препятствий на этом участке для десантников не было.

Накануне форсирования у нас состоялось комсомольское собрание. Политработник из штаба флотилии рассказал о роли Дунайской флотилии в наступлении, напомнил о совместной многовековой борьбе народов Балканских стран вместе с русскими против иноземных захватчиков, о злодеяниях фашистов.

Наконец наступило 21 августа. Как только спустились сумерки, штурмовой отряд нашего 369-го отдельного батальона морской пехоты подошел к берегу северней Овидиополя в районе Калаглея. Здесь у причалов было собрано 240 лодок. Офицеры флотилии направляли к ним людей.

В 23 часа 40 минут наш отряд с десантниками отошел от берега. В каждой лодке находилось по 12 бойцов с оружием. Лодки с разведчиками шли первыми.

Непростое дело - грести несколько часов без отдыха. Такое под силу только хорошо натренированному человеку да спортсмену.

В нашей лодке разместилось трое. Мы с Виталием на веслах, а на корме Ваня Бойчак. В носу лодки ящик с сигнальными ракетами. Мы должны были не только указать курс десанту и привести их к месту высадки, но во время боя еще и давать команды нашим морским батареям.

Я первый раз в жизни шел в десант. От боевых друзей слышал, что это дело трудное. Морякам приходилось штурмом преодолевать укрепления противника. Потери в бою при высадке десанта бывают значительные. А как сложится обстановка на этот раз? Мы-то, разведчики, хорошо знали, что у противника на противоположном берегу большое количество артиллерийских батарей. Если фашисты своевременно заметят лодки, они обрушат на нас мощь своей артиллерии.

Советское командование следило за тем, чтобы ничем не выдать подготовку к форсированию лимана. Накануне десанта на левом берегу не было никаких плавучих средств. Все бойцы укрывались в садах. Это усыпило бдительность врага.

Наши лодки шли бесшумно. Зато, как и в предыдущую ночь, советская авиация стала бомбить западную часть лимана. Чтобы не демаскировать свои огневые точки, фашисты прекратили пускать ракеты.

Вражеский берег был погружен в темноту. Впереди лодок разведчиков двигались два катера. На палубе у них были приготовлены к действию дымовые шашки. Если б противник обнаружил наш десант в лимане и осветил его, на катерах сразу бы поставили дымовую завесу.

Было около четырех часов утра, когда мы различили очертания берега. До него оставалось метров пятьсот. По приказу Шальнова десантники приготовились к бою. Но, к нашему удивлению, противник молчал. И только когда до берега осталось метров двести, заговорили вражьи пулеметы. Однако было уже поздно. Наши шлюпки устремились вперед. Мы вскочили первыми и дали три красные ракеты. Это означало, что десант подошел к берегу и можно открывать огонь.

Наш сигнал приняли артиллеристы морских батарей. Вскоре снаряды начали рваться в глубине расположения вражеской обороны.

Все чаще взлетали разноцветные ракеты. Я оглянулся и увидел: несколько наших шлюпок успели высадить десантников. С остальных морские пехотинцы прыгали прямо в воду. Кто-то плыл, а большинство брело по воде, стремясь выйти на сушу.

Слева от нас фашисты из пулемета вели огонь по десантникам. Ваня Бойчак подполз к пулеметчикам и бросил гранату. Пулемет замолчал.

Наши десантники приблизились к вражеским окопам. В бой пошли гранаты, завязалась рукопашная схватка. Вскоре первая траншея врага была захвачена.

После этого мы выпустили три белые ракеты. Это означало, что десантники закрепились на берегу. Теперь к нам двинулся второй эшелон с десантом.

Штурм продолжался. Почти три тысячи морских пехотинцев наступали на Мологу. Впереди лежала вторая линия обороны. Там проволочные заграждения, доты и дзоты. Наступать на нее в лоб значило понести большие потери. Корректировщик по радио передал координаты целей. И скоро через наши головы на противника понеслись снаряды.

Наше наступление развивалось успешно. К девяти утра Молога была освобождена. К берегу потянулись буксиры с паромами. На них переправляли пушки, танки, артиллерию.

Более упорные бои развернулись южнее Аккермана, а затем и за сам Аккерман. К одиннадцати часам десантники соединились западнее этого города, а на следующий день к восемнадцати часам он был полностью освобожден.

В августе 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР городу было возвращено его древнее русское название, и он стал называться Белгород-Днестровский.

После освобождения Аккермана наш 369-й отдельный батальон морской пехоты на катерах и паромах начал переправляться обратно на левый берег Днестровского лимана. День был солнечный. Я сидел на корме катера и держал букет полевых цветов. Нарвал их специально для Кати Михайловой, но не успел ей вручить. Она где-то задержалась и не попала на наш катер. Рядом сидели Виталий Запсельский и Ваня Бойчак. Виталий, как всегда, что-то писал в блокноте. Наверное, это была очередная его статья в газету о форсировании Днестровского лимана.

Раньше мне и моим боевым друзьям несколько раз приходилось пересекать лиман. Обычно это делалось ночью. Естественно, все мы испытывали нервное напряжение, а сейчас впервые, почти как туристы, плыли по лиману, беззаботно рассматривали его живописные берега.

Меня и раньше привлекали его красоты, но в мирной обстановке, когда не нужно было думать об опасности, спокойный синий лиман показался мне еще красивей. Я повернулся к Виталию Запсельскому:

- Кончай писать, Виталий. Посмотри, как кругом красиво!

- Я готовлю очерк для газеты, - отложил блокнот мой друг, - ребята, да вы сами-то понимаете, что участвовали в историческом десанте? Во время войны советским морякам так быстро еще не

удавалось форсировать такой широкий водный рубеж. После войны историки будут изучать этот опыт.

Мне показалось, что наш друг говорит очень верно. И я согласился:

- Да, десант - дело интересное.

Ваня Бойчак внимательно посмотрел на меня, грустно улыбнулся, но ничего не сказал. Тогда я еще не знал, что бывают десанты, когда нужно стоять насмерть, драться до последнего солдата, вести огонь до последнего патрона. А из десантников мало, а то и совсем никого не остается в живых. Иван побывал в таких десантах.

Наш катер приблизился к берегу. Я выпрыгнул на песок. С букетом ходил по берегу, ожидая, когда покажется Катя.

Когда она появилась, я подал ей букет и сказал:

- Это подарок тебе от нас, разведчиков. В знак уважения за мужество во время форсирования лимана.

- Спасибо, Алеша.

Тут же увидел: Виталий смотрит на нас и что-то быстро записывает в блокнот.

- Это ты тоже занесешь в очерк?

- А как же! Катя - гордость нашего батальона и всей Дунайской флотилии. А ты хочешь один оказывать ей знаки внимания?

Это была, конечно, шутка, но от этих слов я все же покраснел. К Кате все мы относились как к сестре.

В тот же день на грузовых машинах наш батальон прибыл в Одессу. Пошли разговоры о реорганизации батальона, о новых задачах, которые теперь поставят перед нами. Утром у нас во дворе оказалось сорок новых больших и мощных грузовых машин, а возле них появились незнакомые морские пехотинцы.

24 августа 1944 года по инициативе командования Дунайской флотилии был сформирован Береговой отряд сопровождения кораблей флотилии. В него вошел наш 369-й батальон морской пехоты, штурмовой отряд под командованием старшего лейтенанта И. Т. Кочкина, две батареи 122-миллиметровых пушек, четыре тяжелые минометные батареи, батарея тяжелых зенитных пулеметов и наша единственная бронемашина. Новые грузовые машины позволили всех бойцов перебросить в нужное место быстро. Поэтому отряд стал мобильным.

Забегая вперед, скажу: наш отряд оправдал надежды командования. Он отличился в боях за Дунай и был одиннадцать раз отмечен в приказах Верховного Главнокомандующего.

Вскоре взревели моторы наших новых машин. Раздалась команда. Мы погрузили все необходимое и покинули Одессу. Наш курс лежал к Дунаю. Двигались вперед на большой скорости. Я очень люблю езду быструю и чувствую себя в подобных условиях как рыба в воде.

Разведчики опять были на головной машине. Рядом со мной сидела Катя Михайлова. Невысокого роста, худощавая, с типично русским лицом и большими серыми глазами, она внушала всем уважение. Одета она была в гимнастерку с эмблемой морской пехоты и военной, цвета хаки, юбке. Война наложила на нее свой отпечаток. В пятнадцать лет ей пришлось взять в руки автомат. Она испытала горечь отступления. Была ранена, снова вернулась в строй. На ее погонах теперь главстаршинские лычки, а грудь украшают ордена Отечественной войны и Красного Знамени. Мои друзья Виталий и Иван сидели рядом. Запсельский, как всегда, что-то писал, а Ваня задумчиво поглядывал на фруктовые сады, обступившие с двух сторон нашу дорогу.

Здесь же с нами был и наш командир старший лейтенант Иван Тимофеевич Кочкин. Он командовал штурмовым отрядом морской пехоты и одновременно ему была подчинена разведка нашего отряда сопровождения. Он родился в Челябинске. Первый удар фашистов принял на границе Белоруссии. Весной 1944 года попал в морскую пехоту. На многих фронтах довелось бить фашистов этому боевому офицеру. На его гимнастерке четыре нашивки: три красные - за легкие ранения и одна золотая - за тяжелое.

На нашей машине говорили о голубом Дунае, о котором пока мы только слышали. Лишь счастливцы перед войной успели посмотреть фильм "Большой вальс", снятый на берегах этой реки.

Неожиданная остановка. Какой-то человек выскочил на дорогу, отчаянно машет рукой. Оказалось, что в следующей деревне немцы. Спасибо тебе, друг!

На войне обстановка меняется быстро. Еще утром здесь были наши... Командир отряда приказывает произвести разведку дороги.

Наша машина снова набирает ход. Движемся на разведку не одни. За нами следует броневик. Стоя у бортов, мы приготовили автоматы к бою и внимательно осматриваем окрестность. Вот вдоль извилистой речкп забелели домики большого села Татарбунары. Машина въехала в село. Насторожила нас такая деталь: не видно ни одного человека. Тишина подозрительная. Поэтому головная машина сбавляет ход, а затем и вовсе останавливается.

Наш командир, старший лейтенант Кочкин, в бинокль осматривает село. А мы тем временем по его команде выпрыгиваем на землю.

Не знаю, чего выжидали гитлеровцы, только огонь они открыли не сразу. Оставшихся в грузовике словно ветром сдуло на землю. Замешкался лишь наш шофер, и тут же был смертельно ранен в голову.

Разведчики залегли по канавам, прижались к стенам домов. Кочкин приказал рассыпаться цепью, а сам по рации доложил обстановку. Видимо, у фашистов в деревне были небольшие силы. Перейти в атаку они не решались. Нас огнем из пулемета поддерживал броневик. Вскоре к деревне подошла рота автоматчиков. А затем ударила наша артиллерия. Взлетела зеленая ракета. Пехотинцы вместе с моряками пошли на штурм деревни.

Вскоре по деревне вели колонну пленных, где-то вдали еще раздавались редкие выстрелы. Тяжело дыша, я остановился возле брошенных фашистами грузовых машин. На них виднелись ящики с боеприпасами, какие-то мягкие тюки. Вдруг у соседней машины я заметил мотоцикл с коляской. Он словно преграждал дорогу вражеским машинам.

Мое сердце радостно забилось. Недаром моим спортивным увлечением были мотогонки.

Судя по виду, мотоцикл был исправен. Наверное, совсем недавно кто-то приехал на нем сюда. Я побежал к мотоциклу. Мои надежды оправдались: он завелся мгновенно. Знакомый ровный рокот мотора приятно взволновал. Я проверил бензобак. Он был почти полон. Похлопал по шинам: надежные, неизношенные. Машина марки "цундап" оказалась в полной исправности. Для разведчиков такой трофей просто находка. Теперь надо кого-то посадить в коляску за пулемет. Я сел на упругое сиденье. Увидел поблизости Виталия Запсельского и махнул ему. Он подбежал, осмотрел пулемет и сел в коляску.

Я дал газ, и мотоцикл покатил по изрытой дороге. Виталий зарядил пулемет и показал мне большой палец.

Объезжая пленных, которых вели наши солдаты, мы достигли околицы деревни и вдруг заметили легкую пыль на дороге. Открытая легковая машина уходила в сторону фашистов. Ее тут же заслонил дом. Указав Виталию на машину, я прибавил газ и помчался вслед за машиной. Навстречу грянули выстрелы. Виталий ответил длинной пулеметной очередью.

Вот мы выскочили на открытое место у реки. На другом берегу увидели легковую машину с немецкими офицерами. До них было метров двести. Расстрелять сидевших в машине не составляло труда. К тому же автомобиль буксовал, выбираясь из глинистого грунта. Позиция у нас была очень удобная: мы находились на высоком берегу, и цель была как на ладони. Но Виталий сказал мне:

- Стреляй поверх голов.

Я хорошо понимал товарища. Мы разведчики, и наша цель - брать "языка" живым.

- Не уйдете, колбасники!

И наш мотоцикл рванулся по обрывистому берегу. Казалось, наступила развязка, и вражеские офицеры вот-вот будут у нас в руках. Но легковая машина преодолела грязь и вырвалась на дорогу. Да, видно, за ее рулем сидел опытный водитель. Такого догнать не так-то просто.

Автомобиль удалялся. Запсельский дал несколько коротких очередей, а потом не выдержал и крикнул:

- Алеша, уйдут. Гони!

Меня охватил азарт гонщика. Заметил наезженную колею - брод через речку. Свернул к нему. Разбрызгивая воду, мотоцикл пересек речку, тяжело взревев, взлетел на берег. Вот мы и снова на дороге. А вражеский автомобиль все равно впереди нас. Мы хорошо видели сидевших в машине. Два офицера на заднем сиденье не отрываясь следили за нами. Сидевший рядом с шофером не поворачивал головы.

Сзади послышался гул мотора. Удивленно оглядываюсь: нас догоняет наш броневик. Значит, в деревне заметили эту необычную гонку и послали подмогу. Корпус его содрогается, очевидно, водитель выжимает все, что только возможно. Но мы шли на такой скорости, что броневик скоро стал отставать.

А расстояние между нами и вражеской машиной сокращалось. Оно было метров восемьдесят-сто. Я взглянул на спидометр: сто километров в час.

Для полевой дороги эта скорость немаленькая. Мне приходилось участвовать в гонках, и я старался определить технические качества автомобиля и тактические ошибки водителя. Заметил, что мы выигрываем на поворотах, а на прямой наше преимущество минимальное.

Я напряженно следил за крутыми виражами вражеского автомобиля и лихорадочно соображал, как сократить разрыв.

В азарте погони не оставляла и другая мысль: не влететь бы в расположение фашистских войск. Это же беспокоило и моего друга. Виталий посмотрел на меня горящими глазами. Его взгляд говорил: "Давай я прошью их из пулемета. Иначе все равно уйдут!" Но я все еще надеялся на успех.

- Держись, Виталий! - крикнул Запсельскому и, резко свернув с дороги, погнал мотоцикл по полю. Просто чудо, что нас не выбросило на кочках. Прошла еще минута. Мы "спрямили" наш путь и вырвались на дорогу впереди вражеской машины. Теперь наш мотоцикл остановился посреди дороги, а на него на большой скорости неслась легковая машина с вражескими офицерами. Виталий припал к пулемету.

Автомобиль надвигался неукротимо. Я вскинул автомат. В голове стучало: "Даже если срезать водителя, машина по инерции пойдет вперед и раздавит нас. Пойдут ли немцы на таран?"

До автомобиля оставались считанные метры. Я уже хотел нажать на спусковой крючок, но стрелять не пришлось. Машина, сбавив ход, резко затормозила. Она еще какую-то часть пути проехала на неподвижных шинах и, слегка толкнув мотоцикл бампером, остановилась. Фашистские нервы не выдержали.

Только здесь я почувствовал, как заливает мои глаза пот. Но нужно было доводить дело до конца. Пока фашисты не опомнились и не начали стрелять, я соскочил с сиденья и, вскинув автомат, подошел к машине. Водитель с побелевшим лицом нервно облизывал сухие серые губы. Меня же интересовал его сосед. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что рядом с водителем сидел гитлеровский генерал.

Так окончилась гонка на фронтовой дороге. Захваченный генерал оказался командиром дивизии, а два офицера - его адъютанты.

Открыто по шоссе на Тарабунары впереди ехал наш мотоцикл с коляской. За ним двигалась захваченная легковая машина. Ее вел пленный немецкий водитель. Рядом с ним сидел генерал-майор, командир немецкой пехотной дивизии, за ним полковник - начальник штаба дивизии и майор из оперативного отдела. За легковой машиной двигался как охрана наш броневик зеленого цвета.

С мотоцикла я и Виталий видели, как высыпали на окраину деревни морские пехотинцы. Мы осторожно пересекли вброд речушку, въехали в деревню.

Полетели в воздух бескозырки, раздались радостные возгласы, как только морские пехотинцы увидели, какой важный "язык" привезен в деревню. Мы подъехали к штабу. Вытянувшись перед рослым командиром нашего отряда, я доложил:

- Товарищ подполковник! Неподалеку от города Новая Килия нами захвачены в плен немецкий генерал, два офицера и водитель машины.

Кажется, Яблонский не очень поверил моему докладу, пока сам не увидел пленников.

- Молодцы разведчики!

Наш командир направился к машине. Моряки, окружившие ее, почтительно расступились. Яблонский по-немецки задал генералу несколько вопросов. Тот отвечал вежливо. Держался он спокойно и с достоинством. И в отличие от своих спутников, кажется, совсем не волновался. А те с почтением рассматривали нашего гиганта, советского морского офицера Яблонского.

После короткого разговора с пленными наш командир в сопровождении конвойных отправил легковую машину, и пленных в Одессу.

Тарабунары мы захватили с небольшими потерями. У армейцев было убито десять бойцов, у нас в отряде убитых не было, но одиннадцать моряков получили ранения. Их отправили на машине в госпиталь в Одессу. Только наш Виталий Запсельский отказался ложиться в госпиталь. Ему повезло. Пуля не задела кость руки. Катя Михайлова перевязала его рану. И он остался с нами, чему все мы были очень рады.

Вскоре по радио получили приказ двигаться к Новой Килии. Наш мотоцикл и бронемашина возглавляли колонну. Я сидел за рулем. В коляске рядом был Виталий, а за спиной примостился с автоматом в руках Иван Бойчак.

Наша колонна двигалась вперед без задержки. Остановились в двух километрах от Новой Килии. Уже виднелись невысокие дома города. А кто в нем, мы этого не знали. Позднее оказалось, что с кораблей Дунайской флотилии в город был высажен десант. Вот ему на помощь мы и спешили.

По приказанию Яблонского наши артиллерийские и минометные батареи заняли огневые позиции, а морская пехота начала наступление на Новую Килию. Не встречая сопротивления, вошли в город с востока и тут узнали, что бои уже закончились. По улицам проводили пленных - вражеских солдат и офицеров.

Наступил полдень. Припекало солнце. В городе было тихо. Мы прошли к берегу и долго смотрели на полноводный быстрый Дунай.

Река действительно была величественна и красива. Недалеко от нашего берега зеленел остров, покрытый камышом. Возле него был хорошо виден потопленный вражеский монитор. Над поверхностью воды возвышались разбитые орудия.

Ребята из 613-й роты рассказали, что вражеские корабли пытались помешать высадке десанта. С ними в бой вступили наши бронекатера под командованием Героя Советского Союза старшего лейтенанта Константина Воробьева. Они вышли победителями из этого боя и потопили вражеский корабль.

Любовалась Дунаем и Катя Михайлова. Потом Виталий достал фотоаппарат, сделал несколько снимков вражеского корабля, а потом фотографировал и нас, разведчиков, на берегу Дуная.

На улицах города стали появляться местные жители. Они выносили нам цветы, угощали виноградом. С нами познакомился местный портной Гордеенко. Это был человек лет сорока, общительный и доброжелательный. Он представил нам молодую девушку:

- Надя Нанаева - активный организатор молодежи, комсомолка.

Оказалось, что четыре года назад, когда Новая Килия вошла в состав Советского Союза, Надя первой из молодежи вступила в комсомол. Потом к нам подошла группа партизан. Они были одеты в теплые осенние куртки, а на головах у них были бараньи шапки. У каждого на груди висел трофейный автомат. Они с любопытством рассматривали Катю и ее правительственные награды.

Гордеенко познакомил нас с партизанами и с особым уважением отметил одного из них - Александра Волкова. Это он накануне ночью поднял красный флаг на колокольне церкви. Внимание смутило партизана.

- Я был не один. Мне помогал Борис Андреев, наш комсомолец.

Запсельский, морщась от боли, опять достал фотоаппарат и сделал несколько снимков.

Гордеенко усиленно приглашал нас к себе в гости. Мы охотно приняли это приглашение, однако никто не знал, останется ли на ночь отряд в Новой Килии или мы двинемся дальше. Мы все рвались к Измаилу. Ноу нашего командования были свои планы. Оно знало обстановку на всем фронте.

Подполковник Яблонский разрешил разведчикам отдохнуть несколько часов. Вместе со своим командиром Иваном Кочкиным мы направились к Гордеенко. Он жил недалеко от порта в маленьком деревянном доме из двух комнат. Портной и его жена очень радушно встретили нас. На столе появились вазы с виноградом и яблоками. Из погреба он принес бутыль с красным вином.

Первый тост подняли за победу Советской Армии. Мы пили мускат, закусывали фруктами и с большим вниманием слушали рассказы нашего хозяина. Он рассказывал о нелегкой жизни в оккупации, с гордостью поведал, что маршал Семен Константинович Тимошенко родился в Килийском районе.

Нашу беседу прервал рассыльный из штаба. Подполковник Яблонский вызвал нашего командира. Мы поняли, что предстоит новое боевое задание, и тепло простились с гостеприимными хозяевами.

В кабинете у Яблонского, куда вскоре вызвали и всех разведчиков, кроме Кочкина, находился наш новый знакомый партизан Александр Волков. Нам была поставлена задача к западу от Новой Килии произвести разведку и взять "языка". Волков должен был помогать нам при выполнении этого задания. Он хорошо знал здешние места.

Подошли к причалу. Возле баржи на волне покачивалась большая рыбацкая лодка. Первым в нее спустился Волков. Он уверенно взялся за весла. Рядом с ним сел я. Запсельский и Бойчак расположились на корме.

- До рассвета надо вернуться! - напомнил нам Кочкин.

- Есть! - ответил Бойчак.

Лодка двинулась к вражескому берегу. Шли, прижимаясь к левому берегу. Волков греб уверенно и легко. По всему было видно, что он не только опытный рыбак, но еще и хорошо знает Дунай.

Скоро скрылся из глаз порт. Позади осталась погруженная в ночную темноту Килия. Волков объяснил, что мы идем выше Новой Килии в безлюдное укромное место, куда можно подойти незамеченными. Наш лоцман резко повернул лодку к правому берегу. Высокие кусты здесь подступали к самой воде. Волков обладал острым зрением и отлично ориентировался. Я понял, что он ищет какое-то знакомое ему место, и не ошибся. Толстое дерево, видимо, подмытое весенним паводком, склонилось почти до воды. Вот здесь можно надежно укрыть лодку и сухим выйти на берег. Течение было быстрое, но рыбак сноровисто привязал лодку и вылез на ствол. Несколько минут все молчали, прислушиваясь к ночной темноте. Но, кроме плеска воды, ничего слышно не было. Волков жестом показал, что можно выходить. Я перелез на дерево, за мною Запсельский и Бойчак. Внимательно осмотрелись. Ветки скрыли нашу лодку. Даже вблизи ее невозможно было рассмотреть. Решили двигаться в сторону Старой Килии. Передним шел Волков. Замыкал цепочку командир нашей группы разведки Бойчак. Так прошли метров пятьсот, пока не заметили силуэты людей. Сразу же разведчики бросились на землю.

Неизвестные приближались. "Может быть, заметили?" - пронеслось в голове. И сразу шепот Бойчака:

- Они нас не видят. Мы шли на фоне высоких кустов.

Это был вражеский патруль. Их было пятеро солдат с винтовками в руках. Они молча прошли мимо, двигаясь вдоль берега.

- Вот бы напасть на концевого, - предложил я Бойчаку.

- Нельзя. Их много, и кто-нибудь да успеет выстрелить. Поднимется тревога, тогда все немцы поспешат сюда и сорвется наша разведка.

Бойчак был старше и опытней меня. Он, конечно, был прав. Я не мог спорить с ним. Мы выжидали в кустах. Минут через пятнадцать снова мимо нас прошел немецкий патруль. Когда он исчез в темноте, мы вышли из укрытия и продолжили путь. Метров через триста увидели аллею. Вдоль нее ходил человек. Дойдет до конца аллеи и поворачивает обратно. Видимо, часовой что-то охраняет. Решили на обратном пути осмотреть это место более подробно.

На подступах к городу немцы стали встречаться чаще. Вдоль Дуная обнаружили две линии вражеских окопов. За ними рассмотрели две артиллерийские батареи. Фашисты не спали. Видимо, напуганные наступлением Советской Армии, они ожидали ночного десанта и в этом районе.

Дальше идти было рискованно. Решили взять "языка" у аллеи и возвращаться обратно. Высокая трава позволила незамеченными пробраться к часовому. Оказалось, что за деревьями стоят вражеские пушки. Целая батарея. Возле каждой из них ходил часовой. Высились палатки, где отдыхали расчеты. К каждой вел телефонный провод.

Четверо часовых находились друг от друга слишком близко, чтобы пытаться брать здесь "языка". Казалось, наш план срывался, нужно было найти другой выход. Мы подождали у тропинки, но, как нарочно, никто из гитлеровцев на ней не появлялся. А рассвет уже приближался. Надо было спешить. Поэтому решили отойти подальше, перерезать телефонный провод. А телефониста,

посланного искать обрыв, захватать как "языка". Так и сделали. Волков хотел перерезать провод ножом, но Бойчак запротестовал.

- Перерезанный провод может насторожить немцев. Пусть лучше думают о случайном обрыве.

Он несколько раз согнул провод, а потом наступил на него и порвал.

Укрылись за кустами. Расчет наш оказался верным. Минут через пятнадцать на тропинке показался солдат. Он шел по проводу. Телефонист наклонился и стал искать на земле второй конец провода. Это был самый удобный момент, чтобы взять "языка". Дальше все шло как на учениях. Удар прикладом по голове, кляп в рот, Бойчак умело связал руки и ноги солдату.

Минуту мы прислушивались, не привлекла ли наша возня в кустах внимание фашистов. Но кругом все было тихо. Волков повел нас назад к лодке.

С грузом на плечах идти было значительно тяжелее. Кусты царапали лицо. Под ногами оказывались какие-то выбоины, которых я раньше не замечал. Но вот наконец мы у того места, где оставили лодку. Волков опять прыгнул в нее первым. Мы передали ему фашиста, быстро спустились в лодку сами.

Видимо, наш проводник очень волновался, хотя и не показывал этого. Он очень долго не мог отвязать лодку. Но вот она освобождена, течение ее подхватило и вынесло из-под дерева. Я первым взялся за весла, направил ее поперек реки. Скоро грести стало легче, это Волков тоже сел на весла. К середине реки нервное напряжение стало проходить. Гребли размеренно, боевое задание выполнено, самое трудное осталось позади.

Вниз по течению лодка двигалась ходко. В сумерках показались знакомые строения Новой Килии. Было около пяти часов утра. Мы с Волковым нажали, подходя к пристани. И вдруг с удивлением увидели на ней старшего лейтенанта Кочкина и Катю Михайлову.

Оказалось, что они всю ночь здесь ждали нашего возвращения. Друзья очень обрадовались, увидя нас живыми и невредимыми. Первым из лодки поднялся Бойчак, затем Запсельский и я. Волков наклонился, со дна поднял пленного и вытащил его на берег.

Он все еще не пришел в себя и не мог стоять на ногах. Солдаты развязали ему руки и ноги, вытащили кляп. Волков зачерпнул ладонью дунайской воды и выплеснул ее в лицо немцу. Только тут солдат окончательно очнулся.

Как потом мы узнали, он дал нужные сведения о расположении огневых точек в Старой Килии и о ее гарнизоне. Они пригодились нашему командованию.

Глава III.

Страна Болгария

На войне, особенно если идет наступление, люди подолгу не засиживаются на одном месте. Вместе со всеми стремительно продвигался и наш Береговой отряд сопровождения Дунайской флотилии. Только что мы были в районе Старой Килии, а утром 7 сентября перебазировались в румынский город Джурджу.

Дунай здесь очень широк. С левого берега с трудом был виден правый, болгарский. Река в этих местах не только широка, но и глубока. По ней свободно ходят морские корабли. У пристани

Джурджу и поблизости на якоре стояло большое количество барж и различных вспомогательных судов. Виднелись суда и у правого болгарского берега.

Во главе со старшим лейтенантом Кочкиным наши разведчики прошли в голову пирса. Отсюда открывалась величественная картина: полноводный Дунай, стоящие суда, в легкой дымке противоположный берег. Над нами с криком пролетали чайки.

Но наше внимание больше привлекали не красоты природы, а болгарский город Рущук (Русе). Еще в прошлом веке русские войска освободили его от турецкого ига. Тогда болгарский народ с большой любовью встретил русскую армию-освободительницу. Ну а как встретят сейчас, если в Болгарии находятся немецкие войска, а у власти болгарские фашисты и они делают все, чтобы рассорить болгар с русскими?

День был по-южному теплым и солнечным. Морские пехотинцы уже бултыхались в спокойной воде. До нас доносились их радостные крики. А нам было не до купания. Мы ждали приказ о высадке на болгарский берег.

Вечером я и Запсельский получили задание выяснить обстановку на болгарском берегу. Я сел за весла. Виталий - на корму. Пришлось изрядно потрудиться, чтобы быстрое течение не снесло нашу лодку далеко в сторону.

Рущук лежал в темноте, и ориентироваться было нелегко. Наконец обозначились контуры торговых судов у пристани. Но ни на них, ни на набережной огни не горели. Эта полная светомаскировка невольно насторожила.

- Может быть, болгары ждут десанта и встретят нас огнем? - спросил Виталий. Что я мог ему ответить?

Осмотревшись, мы поняли, что течение снесло нас и мы оказались в южной части города. В конце пристани стояла баржа. Мы осторожно подошли к ней. Некоторое время прислушивались, но вокруг все было спокойно. Время было около 24 часов. Я встал на нос лодки, подтянулся и поднялся на баржу. На палубе никого не было. Осмотрелся. Рядом стояли баржи, буксиры, пассажирские пароходы. Военных кораблей не было видно.

В корме баржи виден был люк. Держа автомат наготове, спустился по трапу, разглядел дверь и осторожно постучал в нее. В каюте послышались шаги. Если там фашисты, придется стрелять. Дверь широко распахнулась, и показался высокий широкоплечий мужчина в морской форме.

Увидев человека с автоматом, болгарский моряк протянул мне руку и сказал радостно:

- Здравствуй, братку!

Он пригласил меня в каюту, прикрыл дверь. Предгавился:

- Старшина баржи Колев.

- Матрос Алеша. Есть ли в порту немцы?

- Не беспокойся. Ни в порту, ни в городе немецких солдат нет. Зато в трех километрах от Рущука стоит немецкий моторизованный полк.

- Есть ли у пристани военные корабли немцев?

- Сейчас нет. Дней десять назад с нижнего течения Дуная пришло много кораблей. Но они только сутки стояли здесь и ушли вверх по реке по направлению к Югославии. Правда, говорят, что до места дошли немногие. Их потопила румынская артиллерия. У нас в Рущуке много немецких военных транспортов с грузами. Фашисты не успели угнать их вверх по Дунаю.

Эти сведения были интересными. Можно было возвращаться, но я все-таки спросил:

- Почему в порту светомаскировка?

- Болгарские власти опасаются боевых действий со стороны румын.

- Есть ли в районе порта болгарские части и как настроение у болгарских солдат?

Колев поспешил успокоить меня:

- В районе порта наших воинских частей нет. Только на набережной рядом с железной дорогой находится пограничная застава. Там всего пятнадцать человек. Да вы не беспокойтесь. Болгарские солдаты не откроют огня по русским. Болгарский народ встретит вас с доброй душой, хлебом и солью.

Эти слова меня очень обрадовали. Мы вместе вышли из каюты. По палубе прошли к носу, где стояла лодка. А на прощание крепко обнялись. Для нас, советских воинов, Колев был первым другом, встреченным на болгарской земле.

Вместе с Виталием налегли на весла. Когда пересекли Дунай, чувствовалась усталость, но в душе был такой подъем, что все остальное отступало на второй план. Виталий до мельчайших подробностей расспрашивал о беседе с Колевым.

9 сентября мы получили приказ грузиться на десантные корабли. Усиленная рота автоматчиков из отряда старшего лейтенанта Кочкина разместилась на двух быстроходных десантных судах. Светило солнце. Противоположный берег быстро приближался. Но оттуда не раздалось ни единого выстрела. Разведчики тоже находились на головном корабле. Рядом со мною стоял Виталий. Он приготовил фотоаппарат, чтобы запечатлеть встречу с болгарскими трудящимися.

Я на правах уже побывавшего в Рущуке первым выскочил на причал и побежал к пограничной заставе. Болгарские пограничники заметили нашу высадку и теперь спешили к причалу. Я встретил пятерых пограничников во главе с их командиром. Это был болгарский поручик. Он радостно сказал мне:

- Здравствуй, братку! - Потом обхватил и поцеловал. - Как твое имя?

- Матрос Алеша.

За мной спешили наши разведчики и старший лейтенант Кочкин. Они тепло поздоровались с болгарскими пограничниками. Запсельский отошел в сторону и сфотографировал всю группу.

По приказу Кочкина рота автоматчиков заняла порт. Старший лейтенант дал условный сигнал - зеленую ракету. Это означало, что встреча прошла дружественно. По этой ракете от Джурджу отошли новые буксиры с баржами. На них разместился весь Береговой отряд сопровождения.

Буксиры подводили баржи к пристани. Десантники быстро выгружали артиллерию и грузовые машины. С головного десантного корабля сошел на берег подполковник Яблонский. Наш

командир в сопровождении офицеров морской пехоты направился в город. К нему подошел начальник болгарской погранзаставы, козырнул и торжественно сказал:

- Болгарские пограничники приветствуют Красную Армию на земле Болгарии. В городе Рущуке нет немецких войск. Но за городом расположен моторизованный полк.

Яблонский внимательно выслушал болгарского офицера, поблагодарил его и крепко пожал руку. И этот момент наш Виталий зафиксировал на пленке.

Береговой отряд направился в предместье Рущука. Его поддерживал высадившийся танковый полк. Но гитлеровцы не приняли боя и поспешно отошли.

К вечеру в Рущук прибыли бронекатера под командованием Героя Советского Союза капитана 2-го ранга Державина. На головном корабле находились командующий флотилией и начальник штаба. Вскоре на набережной собралось почти все население города. Болгарские жители устроили теплую встречу советским воинам.

Вечером 9 сентября 1944 года Москва салютовала советским войскам, вступившим на болгарскую землю. До поздней ночи не расходились с набережной люди. Мы с интересом слушали рассказы наших болгарских друзей об их жизни и борьбе с фашизмом. Болгарский коммунист Борис Воинов рассказал, как ему удалось укрыть четверых советских военнопленных. Он был рад, что мог сделать что-то доброе для советских людей.

Виталий Запсельский так и вцепился в этого болгарского коммуниста. Он засыпал его вопросами. Темпераментный Борис Воинов отвечал очень охотно, но Виталий не все понимал и не все успевал записывать, поэтому просил говорить медленней.

Только около часа ночи, тепло попрощавшись с Воиновым и старшиной баржи Колевым, мы вернулись в здание речного вокзала, где разместилась наша штурмовая рота автоматчиков. Долго еще мы обменивались впечатлениями о теплой встрече. Помню, старший лейтенант Кочкин тогда сказал:

- Борис Воинов - храбрый и честный человек. Но он в Болгарии не исключение. На своем пути мы еще встретим немало патриотов, которые с риском для жизни будут помогать нам освобождать Европу от фашизма.

Потом не раз я вспоминал эти вещие слова нашего командира.

Ночью разведчиков разбудили. К нам приехал капитан-лейтенант Игорь Золотов и лейтенант Леонид Ки-мельфель. Подняли Бойчака, Запсельского, Григоровича и меня. Старший лейтенант Кочкин представил нас и дал каждому самую лестную характеристику. Кимель-фель, покуривая трубку, изучающе рассматривал нас, а голубоглазый Золотов широко улыбался.

- Разведчик - это хорошо. Мне как раз нужны отважные разведчики.

Так из Берегового отряда мы попали в распоряжение капитан-лейтенанта Золотова. Вместе вышли из здания речного вокзала. На улице было еще довольно темно. Прошли к пристани, поднялись на румынскую яхту "Доминика Флорида". Эту яхту я заметил дня два назад у причала Джурджу. Но вот уж не думал, что на ней придется совершить разведку вверх по Дунаю.

Командовал яхтой пожилой румынский капитан. Я узнал, что яхта построена из лучшего дерева. Команда насчитывала пятнадцать человек. Это были молодые, но уже опытные моряки.

В носовой части яхты была надстройка, в которой располагался салон. За ним возвышался ходовой мостик. На юте была вторая надстройка, там жила команда.

Яхта была построена корабелом-умельцем. Она легко резала воду и двигалась с приличной скоростью. Мы направились к Железным воротам. Скоро нас пригласил в салон Золотов. Бросилось в глаза богатое убранство салона. Стены были отполированы, над большими иллюминаторами висели бархатные занавески. Палуба покрыта мягким красным ковром. А в углу поблескивало лакированными боками небольшое пианино. Посреди салона протянулся длинный стол, покрытый накрахмаленной белой скатертью. Во главе его в мягком кресле сидел капитан-лейтенант Золотов и внимательно рассматривал атлас Дуная. Увидя нас, Игорь Николаевич достал портсигар, раскрыл и предложил нам закурить. Но из нашей четверки никто не курил. Золотов засмеялся, закурил сам и, усадив нас напротив, принялся расспрашивать, где мы жили, чем занимались, в каких боевых делах участвовали.

Оказалось, что с нашим Виталием Золотов уже встречался. Они познакомились в Новороссийске осенью 1943 года после успешной высадки десанта. Тогда Виталий брал интервью у участника высадки Золотова.

Золотов объяснил нам цель нашего похода. Нужно выяснить, где на Дунае немцы выставили минные поля, нужно определить обстановку на берегах реки.

Вскоре рассвело. Яхта шла с большой осторожностью. Предполагалось, что в этом районе фашистами выставлены мины. Мы, разведчики, в бинокль рассматривали берега. Иногда яхта останавливалась возле населенного пункта. Вместе с румынскими матросами мы сходили на берег, расспрашивали рыбаков о выставленных на Дунае заграждениях. Золотов наносил на карту предполагаемые минные поля.

10 сентября наша яхта подошла к причалу болгарского города Свищева. Причал здесь был небольшой. Возле него стояла одна баржа. Но ни на ней, ни на площади не было видно людей. Меня послали выяснить обстановку.

По крутой лестнице я поднялся на гору, на которой располагался город. Первыми, кого увидел, были три болгарских моряка. Болгарские моряки удивились и обрадовались встрече.

- У причала Свищева уже появился советский корабль?

Мне не хотелось отвечать на такой вопрос, хотя спрашивали они от чистого сердца. Поэтому я сам спросил:

- Есть ли в Свищеве немцы?

Моряки сказали, что вчера они видели немецких солдат. А где они сейчас, точно не знают. Сообщили они и о том, что в городе фашисты. Я вернулся на яхту.

Вскоре на набережной стали слышны выстрелы. Это насторожило нас. Разведчики приготовили автоматы. Но нам было непонятно, что происходит на горе и кто ведет стрельбу. Потом на лестнице показался болгарский офицер с револьвером в руке, рядом с ним бежал высокий

сержант с винтовкой в руках. Болгарский офицер сделал несколько выстрелов по преследователям. Затем они оба скатились с лестницы и побежали к яхте.

Задыхаясь, офицер попросил предоставить ему и его товарищу убежище. Он сказал, что они болгарские революционеры, а их преследует фашистская полиция.

Золотов, не раздумывая, разрешил им пройти на яхту и предоставил каюту. Вскоре на причале появились полицейские. Они потребовали выдачи военных бунтарей. Золотов это сделать отказался и приказал капитану яхты отходить.

Полицейские остались недовольны таким решением, но они ничего сделать не могли. Яхта направилась к румынскому берегу.

Нам не терпелось познакомиться с болгарскими революционерами. Золотов разрешил зайти к ним. Они занимали большую правительственную каюту. На диванах лежали ковры.

Болгары еще не пришли в себя после погони. Офицер был среднего роста, лет тридцати. У него было смуглое лицо и смелые глаза. Сержант был моложе и выше. Наш командир дружески протянул руку:

- Капитан-лейтенант Золотов Игорь Николаевич. Болгарский офицер, пожимая руку, назвал себя:

- Поручик Иван Денев.

Он представил нам и сержанта. К сожалению, фамилия его не сохранилась в памяти.

Из рассказа болгарского офицера мы узнали, что он является командиром армейской роты. Вечером 9 сентября, узнав, что в Болгарии пришел к власти Отечественный фронт, а в придунайском городе Рущуке уже высадились советские войска, поручик Денев решил арестовать фашистов в городе и установить власть Отечественного фронта. Но его опередила фашистская полиция. Фашисты арестовали поручика и сержанта. Но тем удалось бежать. Узнав, что у причала советский корабль, они поспешили к нам.

Золотов попросил рассказать, есть ли в городе немецкие части.

- Сейчас их нет. Но вчера из Рущука к нам прибыл моторизованный полк. Ночью на грузовых машинах его перебросили куда-то к Югославии.

Золотов положил на круглый стол карту Дуная. Попросил нашего собеседника указать на ней, где поблизости находятся немецкие части. Поручик Денев охотно выполнил эту просьбу. Он быстро нанес на карту расположение немецких частей на болгарском берегу реки. По его данным, главное скопление фашистских частей наблюдалось в районе болгарского города Лом близ югославской границы.

Золотов поблагодарил нашего товарища и сказал, что пока власть Отечественного фронта установлена не по всем городам Дуная, он со своим подчиненным сержантом может оставаться на яхте. Пожелав нашим гостям хорошо отдохнуть, Золотов поднялся. Встали и мы.

Капитан-лейтенант собрал всех нас в салоне. Нужно было решать, что делать дальше. Золотов предупредил, что случай со спасенными болгарами показывает, что даже в Болгарии есть еще фашисты, поддерживающие свергнутое правительство. Поэтому нам надо быть осторожней.

Мы разошлись, чтобы продолжить наблюдение за берегом. Подошел вечер. В такие часы Дунай выглядит еще красивей. Виталий Запсельский не выдержал и сделал несколько снимков вечерней реки.

Впереди увидели большой остров. Здесь судохо-дна была только левая часть реки. Наша яхта шла вдоль румынского берега.

Показался огромный элеватор румынского порта Турну-Мэгуреле. Яхта миновала его и подошла к причалу. Нашли здесь большое скопление судов. Золотов решил уточнить, какой груз находится на них. Сперва навестили четыре больших морских танкера. Они оказались с авиационным бензином для немецких самолетов. На остальных были ящики с боеприпасами, на баржах - большие запасы продовольствия. Все это гитлеровцы не успели увезти вверх по Дунаю.

Золотов решил немедленно выставить охрану на трофейных судах. Пока с Кимельфелем он решал, что для этого надо сделать, мы в иллюминатор разглядывали противоположный берег. На нем находился небольшой старинный болгарский город Никопол. Ширина Дуная здесь невелика. Поэтому с яхты хорошо была видна набережная, а на ней большое движение людей. Это нас заинтересовало. Поскольку разведка румынского берега была закончена, капитан-лейтенант Золотов решил подойти к Никополу. Причал здесь небольшой. У него стоял лишь один болгарский катер. К нам на борт сразу же поднялся его командир сержант Василий Нико-лов. Золотов пригласил его в салон. От сержанта мы узнали о событиях в Никополе. Еще 8 сентября гарнизон города восстал против фашистского правительства. Восстанием полка руководил коммунист поручик Демьян Верняков. Солдаты и офицеры единодушно избрали его комиссаром революционного полка. По его приказу солдаты арестовали всех фашистов. Была арестована и городская полиция. Сразу же из надежных людей сформировали народную милицию. Начальником милиции назначили коммуниста Николая Кацарова. Никопол стал первым городом в Болгарии, где была установлена народная власть.

Побеседовав с сержантом, мы вышли на палубу. По набережной строем шли демонстранты. Они пели "Интернационал". Виднелись большие плакаты: "Да здравствует наша освободительница Красная Армия!", "Да здравствует власть Отечественного фронта!", "Да здравствует Георгий Димитров!" Военный духовой оркестр играл "Марсельезу".

Я и мои товарищи разведчики только по истории знали о Великой Октябрьской социалистической революции. Но сейчас мы собственными глазами видели рождение новой революции в Болгарии. Мы вместе с жителями города волновались и радовались этим счастливым минутам.

Весть о прибытии нашей яхты облетела весь город. К нам на корабль стали приходить делегации. Первыми прибыли коммунисты во главе с начальником народной милиции Николаем Кацаровым. У всех делегатов на левом рукаве была широкая шелковая красная повязка.

Золотов провел наших гостей в салон, пригласил туда же разведчиков. Запомнился мне Николай Каца-ров - высокий, решительный человек с черными глазами. Одет он был в плащ, а на голове была шляпа. Он говорил горячо и быстро. Болгарский язык родствен русскому. Мы обходились без переводчиков. Беседа шла непринужденно. Каждый задавал вопросы такие, какие хотел. Рядом со мной сидела двадцатитрехлетняя болгарская революционерка Расица Христова. Это была симпатичная блондинка, элегантно одетая. Но на поясе у нее висела кожаная кобура с револьвером. Она расспрашивала меня о Советском Союзе, о моем родном Тбилиси. Ее очень

интересовала работа нашего комсомола. Иногда на нас поглядывал Виталий Запсель-ский и что-то записывал. Расица заметила и спросила:

- А что записывает ваш товарищ Виталий?

Я объяснил, что мой друг - корреспондент.

Потом на яхту пришла делегация от революционного полка во главе с комиссаром Демьяном Берняковым. Опять в салоне стало шумно.

С интересом мы, разведчики, поглядывали на революционного комиссара. Ему было за тридцать. Коренастый, в мундире, Демьян Верняков, казалось, как никто, цодходил на такую ответственную должность.

С ним беседовал Золотов, а я старался прислушиваться к рассказу болгарского комиссара. Он говорил, что в Никополе власть Народного фронта держится крепко. Организация коммунистов Никопола поддерживает постоянную связь с Софией. Золотов спросил, что известно его собеседнику о расположении немецких частей вдоль Дуная. Комиссар сказал, что, по его сведениям, фашисты поспешно отходят вдоль правого берега Дуная к границе Югославии. Только в районе города Лом, все еще остается крупная группировка противника.

В свою очередь, Золотов рассказал гостям о положении в Рущуке и Свищеве. Упомянул и о том, как советские моряки помогли вырваться из лап полиции двум болгарским революционерам.

- А где они сейчас? - поинтересовался Бер-няков.

- Отдыхают внизу, в каюте.

Через несколько минут Ваня Бойчак пригласил наших спасенных в салон. Берняков, познакомившись со спасенными, скоро предложил им служить в его революционном полку в Никополе. И Денев и сержант с радостью согласились.

Наш капитан-лейтенант не забывал и о деле. Он попросил помочь комиссара собрать сведения о минных постановках на Дунае.

- У нас в Никополе есть специалист по этому вопросу - офицер Георгий Тараканов.

Вскоре и Тараканов был приглашен на яхту. По карте Дуная он подробно обрисовал обстановку. Дело осложняло то обстоятельство, что в августе американская авиация выставила от Рущука до Никопола много мин. Эти сведения совпадали с теми данными, какие мы получили от болгарских и румынских рыбаков.

- В сентябре, уходя вверх по реке, немецкие тральщики поставили еще и свои мины на участке от Никопола до Лома, - продолжал Тараканов. - Но я пока не имею точных координат этих минных полей. Два дня назад немецкая авиация выставила мины также от Никопола до Сомови.

Сведения Тараканова были для нас очень важными. Но, к сожалению, время летело быстро. Как ни хорошо было беседовать с болгарскими друзьями, а настал час прощания. Яхта должна была продолжать разведку.

Выше Никопола по левому румынскому берегу тянется густой лес, а у правого - болгарского - густые камыши. В них водились дикие утки. В ночной тишине раздавалось их кряканье. Светила луна. И широкая лента реки казалась сказочной дорогой.

- Если б не напряженная обстановка, какое было бы удовольствие прокатиться на яхте по этим местам и наслаждаться природой ночного Дуная.

- Если наша яхта подорвется на мине и пойдешь ко дну, будешь наслаждаться холодной водой Дуная, - ответил Виталий.

- Если нам не суждено погибнуть на мине, значит, не подорвемся, отозвался Ваня Бойчак.

Чего скрывать - мы верили в свою судьбу и надеялись, что смерть обойдет нас.

Яхта бесшумно скользила по реке. Скоро на левом берегу показался населенный пункт - Сомови - болгарская деревня с большим хорошим причалом. Возле него стояло шесть немецких барж. Фашисты не успели увести их вверх по реке. Через несколько минут по правому борту показался румынский порт Корабия. Здесь судов не было.

Чем выше поднимались мы по Дунаю, тем уже он становился, а течение - все стремительней. Вдоль Дуная стояли километровые столбы, отмечая, как на шоссе, километраж. При лунном свете они были хорошо видны. Золотов распорядился, чтобы мы стали на нос яхты впередсмотрящими. Мы получили сведения о том, что здесь были потоплены вражеские корабли. Их потопила румынская артиллерия. Поэтому наш капитан-лейтенант опасался напороться на такой затонувший корабль.

Яхта шла с большой скоростью. Золотов торопился до утра прибыть в румынский порт Калафат.

Ночью мы четыре раза замечали потопленные вражеские корабли. Каждый раз сбавляли скорость и осторожно обходили опасные места.

Калафат - небольшой тихий городок. У его причала стояли две груженные продовольствием баржи. Но вокруг все было спокойно, и мы отдыхали после нелегкого перехода. Из широкого иллюминатора был хорошо виден на противоположном берегу город Лом. У причалов его было несколько кораблей, в том числе мы узнали большой болгарский тральщик "Кирилл Попов". Вот где должны точно знать минные поля на Дунае. Доложили об этом капитан-лейтенанту. Он решил ночью произвести разведку правого берега.

Весь день из иллюминатора в бинокль мы наблюдали за противоположным берегом. Хотя все говорили нам, что в Ломе находятся немцы, мы их не видели ни у причалов, ни на набережной. Все же Золотов принял меры предосторожности и запретил нам появляться в форме на палубе.

К вечеру погода испортилась. Небо заволокли густые тучи, пошел дождь. По реке подул сильный ветер. Приближение осени давало о себе знать. Наш капитан-лейтенант поручил нам новое боевое задание. На противоположный берег разведчики пойдут двумя группами. Одна - на болгарский тральщик, другая - в город. В первую назначил он Григоровича и меня, во вторую - Запсельского и Бойчака. Виталий и Иван переоделись в гражданское. Так неожиданно было и непривычно видеть наших товарищей в гражданской одежде. И только короткие прически могли их выдать. Смуглый и черноглазый Виталий с короткими усиками сильно смахивал на болгарина. Впрочем, ночью все кошки серы.

Когда стемнело, мы вышли на палубу. Дождь усилился. По Дунаю гуляли высокие волны. Румынские матросы быстро спустили на воду две маленькие лодки. В первую прыгнули мы с. Григоровичем, во вторую - наши товарищи.

Грести было трудно. Сильный ветер и дождь больно секли лицо, мешали вести наблюдение. Чем ближе мы подходили к середине реки, тем злее и круче становились волны. Нашу лодку как щепку швыряло то вверх, то вниз. Иногда казалось, что следующая волна непременно зальет или опрокинет ее. Гребли изо всех сил. Правый берег стал медленно приближаться.

Вскоре обнаружили тральщик, зашли к нему с кормы. Прислушались - ничего подозрительного. Я осторожно поднялся на палубу, Григорович остался в лодке.

На палубе было безлюдно. Только в носовой части был виден человек в черной шинели. Я постарался незаметно подойти к вахтенному. Оставалось до него метра три, когда он оглянулся и увидел меня. Сперва не мог понять, кто я и как оказался на палубе, затем взглянул за борт, увидел нашу лодку и, кажется, все понял:

- В Лом пришли советские корабли?

Я приложил палец к губам. Болгарский офицер понимающе кивнул, взял меня под руку и повел в свою каюту. Здесь ярко горел свет. Мы представились друг другу.

Он назвал себя:

- Мичман Никола Давидов.

Я себя:

- Матрос Алеша.

Предложив мне сесть, Никола стал охотно .отвечать на мои вопросы. Оказалось, что в городе немцев нет, но они стоят поблизости от города. Оборонительных сооружений они не строят, так как скоро собираются отсюда уходить. Укрепления возводят у границы с Югославией. Кроме того, у Прахова они затопили много старых судов, чтобы преградить путь по Дунаю советским кораблям.

Я сказал Николе, что нас интересуют минные поля, и попросил его сообщить, где они находятся.

Мичман вытащил из стола атлас Дуная. Открыл его и стал объяснять.

- Здесь точно указано расположение минных полей от Рущука до Лома.

Он закрыл атлас и протянул его мне.

Я засунул атлас за пояс, застегнул бушлат. С этим грузом спустился в лодку.

Лодка была сильно залита дождем. С большим трудом, вычерпывая воду, мы добрались до яхты.

Наши друзья вернулись за полночь. Промокшие до нитки, они прошли по ночному Лому, но немцев не видели. От местного жителя узнали, что фашистов в городе нет. Их части стоят севернее города. Наши товарищи прошли по берегу и обнаружили немецкие -батареи и вражескую пехоту. Дальше они пробраться не смогли и вынуждены были вернуться.

Золотов принял решение идти к Прахову. Дождь не прекращался. Мы хотя и вели наблюдение, но мало что могли видеть. Шли, прижимаясь к левому берегу, без огней. В любую минуту правый берег мог встретить нас стрельбой.

В районе югославского города Прахова усилили наблюдение за поверхностью реки. И вовремя. Впереди показалась преграда из затопленных кораблей. Баржи и старые транспорты лежали очень плотно, перегораживая Дунай от берега до берега. Над водой возвышались рубки, трубы, сломанные мачты. Невдалеке просматривалась вторая такая же преграда.

Яхта повернула к правому берегу и двинулась вдоль затопленных кораблей. Зазора, через который смог бы пройти корабль, нам обнаружить не удалось. Дошли до середины реки и повернули обратно. Капитан-лейтенант считал, что наша задача выполнена. Яхта стала спускаться вниз по течению. Мы начали разведку из Рущука на 495-м километре, а закончили ее у Прахова на 850-м километре.

На обратном переходе наш командир дал нам возможность отоспаться.

В Никопол мы вернулись 13 сентября, и тут меня и Григоровича вызвал к себе капитан-лейтенант Золотов.

- Вы оба остаетесь в Никополе. Примите трофейный глиссер. Главный старшина Григорович назначается командиром катера, а старший матрос Чхеидзе - рулевым. Будете проводить вверх по Дунаю корабли через минные поля.

От Золотова мы вышли расстроенными. Нас встретили Запсельский и Бойчак. Я сказал им о нашем новом назначении. Виталий помолчал, а рассудительный Бойчак сказал:

- Может быть, вы еще вернетесь к нам в отряд.

Мы сошли на причал, а яхта двинулась дальше, оставив нас в Никополе.

Но желание - одно, а приказ - дело другое. Надо было приниматься за новое для нас дело. Трофейный глиссер стоял тут же, у причала. Мы спустились на него, тщательно осмотрели. Это был катер шести метров в длину. В носовой части его стоял большой двигатель - дизель мощностью в 200 лошадиных сил. Глиссер развивал скорость до восемнадцати узлов. Мы познакомились со своим новым хозяйством и остались им довольны. Рядом с нами стоял катер сержанта Василия Николова. Он узнал нас, обрадовался, что мы теперь будем служить на глиссере. Предложил, как освободимся, погулять по набережной. Мы охотно согласились, нам очень хотелось познакомиться с городом.

Никопол сохранил своеобразие маленького старинного болгарского уютного городка. С набережной мы свернули на главную улицу. Она была украшена красными флагами. На видных местах висели лозунги и портреты вождей болгарской революции.

С главной улицы поднялись на гору. На ней возвышался величественный памятник. Оказалось, что это памятник русским воинам, освободившим Болгарию от турецкого ига. Мы молча постояли перед ним. Не мы первыми были на этой земле освободителями. Наши деды в прошлом веке уже побывали здесь.

Вскоре мы опять встретили капитан-лейтенанта Золотова. Его назначили старшим морским начальником румынского порта Турну-Мэгуреле. В его подчинении оказался и причал Никопола,

расположенный на противоположном берегу реки. Сюда же перешли тральщики под командованием капитана 2-го ранга Миронова. К ним присоединился болгарский тральщик "Кирилл Попов" и румынский "Майкан". Они немедленно приступили к тралению Дуная. 17 сентября мы с Григоровичем получили боевое задание. Надо было провести бронекатера капитан-лейтенанта С. И. Борботько через минное поле.

Сказать правду, мы оба с Григоровичем нервничали. Раньше лоцманами нам с ним не приходилось бывать. Но бронекатера с опытными рулевыми шли точно в кильватер за нами и не думали отклоняться в сторону. Мы благополучно провели их в порт Карабия. Потом пришлось участвовать в проводке известного на Черном море монитора "Железняков".

Хорошо запомнилось следующее задание Золотова. Нас послали встретить в Свищеве караван с танками. Надо было провести его через минное поле и направить на выгрузку к Никополу.

Первая часть задания проходила без помех. Мы встретили караван, встали в голову. Григорович семафором передал: "Каравану следовать за катером".

Благополучно прошли минное поле. Стали подходить к Турну-Мэгуреле. Григорович передал на головной корабль: "Стать на якорь у левого румынского берега".

Наш катер быстро причалил к большому болгарскому буксиру, на котором находилось командование танкового полка. Григорович подошел к командиру и доложил, что маленький причал Никопола не может принять караван. Поэтому по приказанию старшего морского начальника караван остановлен у румынского берега. Отсюда баржи по одной будут подходить к причалу Никопола и выгружать танки. Старший морской начальник находится на берегу в Никополе. Он просит командира полка прибыть на место выгрузки, чтобы обсудить с ним организационные мероприятия по выгрузке танкового полка.

Полковник и майор - его заместитель - перешли на наш катер. Вскоре они встретились с Золотовым. Тут же я увидел болгарских офицеров - Демьяна Бернякова, Ивана Иванова и Георгия Тараканова. Возле моста стоял взвод болгарских солдат. Они успели поставить дополнительные крепления, завели стальные тросы. Командир танкового полка познакомился с Золотовым и болгарскими офицерами, осмотрел причал и мост, ведущий к нему.

Мост показался ему ненадежным. Но Георгий Тараканов заверил, что танки по нему пройдут.

На противоположный берег мы доставили одного майора. Он должен был с румынского берега направлять по одной барже.

Скоро первый буксир подошел к Никополу. На барже, которую он вел, находилось четыре танка. Болгарский буксир подвел баржу точно. Командир полка прошел к своим танкистам, предупредил, что мост слабый и надо быть внимательным при переходе его. На головном танке с грохотом заработали моторы. С баржи по толстой сходне тяжелая машина сошла на причал, медленно приблизилась к деревянному мосту. Болгарские солдаты ухватились за стальные канаты. Танк медленно двинулся вперед. Мост сильно прогнулся. Казалось, еще немного, и он развалится. Но первый танк преодолел его и вышел на берег. Мы все облегченно вздохнули. А с баржи уже двигался второй танк.

Как переправлялись остальные, мы не видели. Получили приказ срочно выйти к Свищеву, встретить караван и провести его по реке.

По Дунаю шли войска и военные грузы. Движение было очень оживленное, и нам приходилось много раз выходить навстречу караванам и проводить их через минные поля. Однажды мы встретили своих друзей из Берегового отряда сопровождения. Они посоветовали попросить Золотова вернуть разведчиков в разведку отряда.

Выполнив очередное задание и доложив о нем Золотову, мы осмелились обратиться с этой просьбой.

Золотов долго молча курил, наконец решил:

- Вы оба знаете фарватер и успешно проводите суда. Отпустить вас сразу двоих я не могу. Но раз Чхеидзе так настойчиво просит, его отпущу сразу. А тебе, Григорович, дам нового опытного рулевого.

С начальством не спорят. Как решил капитан-лейтенант, так тому и быть. И хотя я добился своего, мне стало грустно расставаться с Григоровичем. А уж он совсем был расстроен. Наверное, жалел, что затеял этот разговор.

При расставании Золотов попросил у меня краснофлотскую книжку. Он ее внимательно пролистал и трофейной ручкой сделал в ней какую-то приписку. Как я узнал потом, это была благодарность за отличное выполнение боевых заданий. Она была сделана рядом с благодарностью старшего лейтенанта Голотенко, нашего преподавателя из школы младших командиров.

Золотов сообщил, что Береговой отряд находится где-то у югославской границы. Его лучше всего догнать из Никопола на попутной машине. Искать надо в районе города Лом.

До города я добрался только поздно вечером. Грузовая машина с советскими воинами остановилась на площади города. Я пешком направился к причалам Дуная. Но там каравана с нашим отрядом не оказалось. Или он еще не подходил, или они успели пройти и теперь высадились где-то у югославской границы.

Спросил болгарского моряка, не проходил ли караван с морскими пехотинцами. Моряк ответил, что морских пехотинцев здесь не видел, но вчера тут находились советские разведчики. Они ушли в сторону Югославии. Вернется ли их катер сюда или нет - этого он не знал.

- А кто командовал разведчиками?

Болгарский моряк не знал фамилии командира. Но хорошо запомнил: у этого еще молодого офицера была борода.

Неужели это старший лейтенант Виктор Калганов? У нас ходило много рассказов о подвигах его разведчиков.

Что было делать? Болгарский моряк предложил переночевать у него на барже, а утром на попутной машине двинуть к границе Югославии и там ждать свой отряд.

Но случай изменил все мои планы. Пока я на палубе разговаривал с болгарским моряком, к барже направился большой белый катер. На его рубке был установлен ручной пулемет.

- Вот катер разведчиков, - указал мне болгарский моряк.

Теперь я решил у наших разведчиков узнать, где Береговой отряд.

Катер быстро пришвартовался к причалу. Из боевой рубки вышел высокий молодой офицер с бородой. Он что-то сказал разведчикам и спустился к себе в каюту. Скоро остался на палубе только один вахтенный. Это был коренастый парень, из-под его бескозырки выглядывал черный курчавый чуб. Я спустился с баржи и подошел к катеру разведчиков.

Вахтенный с лычками старшины 2-й статьи на погонах удивленно уставился на меня:

- Кто такой и как сюда попал?

- Разведчик Берегового отряда сопровождения. Разыскиваю свой отряд, но не знаю, где он сейчас находится. Командует им подполковник Яблонский. Вы только что с фронта? Там наших ребят не встречали?

- Я не встречал. Но наш командир наверняка знает. Постой здесь, я сейчас мигом.

Старшина вернулся через несколько секунд. Он подвел меня к каюте командира и сказал:

- Можешь заходить.

Я постучал, а затем шагнул в каюту. Калганов сидел за столом, просматривал какие-то бумаги. Это был человек лет двадцати пяти, широкоплечий, с высоким лбом и проницательными глазами. Борода, расчесанная надвое, украшала его мужественное лицо. Внешне он чем-то напоминал мне артиста Николая Черкасова. На его кителе были два ордена Красного Знамени и орден Александра Невского.

- Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться.

- Да.

- Я разведчик Берегового отряда сопровождения. Догоняю свой отряд, но не знаю, где он находится. Калганов нахмурился.

- Почему отстали от своей части?

Я объяснил, что был направлен в распоряжение капитан-лейтенанта Золотова проводить суда через минные поля, и вот теперь мне разрешено вернуться в отряд.

Лицо у Калганова смягчилось.

- Комсомольский билет при себе?

Я протянул билет.

- Покажи краснофлотскую книжку. Калганов прочел вслух обе мои благодарности, вернул документы.

- Разведчик, говоришь? Тебе повезло. У меня как раз не хватает разведчиков. Хочешь остаться на катере и служить в моем отряде?

Это было неожиданно. Да я мечтать только мог о таком предложении. Но не хотелось оставлять боевых друзей. Ведь только сейчас появилась возможность снова быть с ними вместе. Я понимал,

что в отряд Бороды приглашают не каждого. И наверное, мои друзья посчитали бы меня глупым, если б я не принял этого предложения.

Пока я все это обдумывал, Калганов пристально рассматривал меня.

- Готов служить в вашем отряде.

- Вот и хорошо.

Калганов позвал своего заместителя, главного старшину Венедикта Андреева. В каюте появился рослый голубоглазый моряк.

- Это наш новый разведчик Алексей Чхеидзе. Ты его покорми и отведи в кубрик. Пусть отдыхает.

Новое назначение так взволновало меня, что я не хотел ни есть, ни спать. Поднялся на палубу катера. Было прохладно. Ночь стояла безлунная, темная.

Старшина 2-й статьи Василий Глоба с автоматом в руках ходил по палубе.

- Ну как, узнал, где находится твой отряд?

- Нет. Калганов предложил мне остаться у вас на катере.

С Глобой мы сразу подружились. Всю ночь, пока он стоял на вахте, мы вдвоем шагали по палубе. Он рассказывал о товарищах из отряда, о своем славном командире. Глоба познакомился с ним еще под Новороссийском. Он воевал на Кавказе. Отряд Бороды отличился во многих трудных заданиях. Он состоял из комсомольцев и коммунистов. По своему составу отряд был многонациональным. Здесь были русские, украинцы, белорусы, татары, грузины... Сам Калганов был хорошим спортсменом. Поэтому он уделял большое внимание физической подготовке разведчиков. В отряде проводились регулярно тренировки по плаванию, бегу, стрельбе.

В августе 1944 года отряд Бороды вошел в состав Дунайской флотилии.

После смены Глобы мы пошли отдыхать, но скоро раздалась команда "Подъем!". Предстоял поход. В большой каюте завтракали мои новые товарищи. Здесь были Калганов и его заместитель Андреев, Гло-ба, комсорг отряда Алексей Гура, старший матрос Григорий Коцарь - бывший шахтер из Кривого Рога, молодой старшина 2-й статьи Геннадий Чечилов и старшина 1-й статьи Александр Морозов из Курской области. Вместе с разведчиками завтракали два румынских матроса мотористы с катера. Этот катер разведчики захватили в Браилове. Он принадлежал немецкому адмиралу, который успел удрать.

Новые товарищи произвели на меня хорошее впечатление. У каждого на фланелевке были ордена и медали. А держали они себя очень скромно и совсем не кичились своими заслугами.

После завтрака старший лейтенант Калганов сказал мне:

- Станешь у руля.

В пять часов мы отошли от причала города Лом, катер направлялся к фронту. На реке было еще темно. Я внимательно поглядывал вперед. Передо мной лежал открытый атлас Дуная. Этот участок мне был уже знаком, поэтому я уверенно вел катер. Рядом стоял Калганов. Он молча

наблюдал за моими действиями. Я понимал, что это первое мое испытание. Но почему-то совсем не волновался.

Первый экзамен в отряде Бороды для меня прошел успешно.

Глава IV.

Нас ждет югославская земля

На подходах к столице Югославии Белграду, прикрывая проход через Восточно-Сербские горы к столице, противник создал мощный узел обороны. В связи с этим Дунайская флотилия получила новую задачу: высадкой десантов в югославские города Радуевац и Прахово и артиллерийской поддержкой содействовать нашим наступающим стрелковым корпусам.

Нам, разведчикам, приказали в кратчайший срок определить огневые точки противника в Радуеваце. Времени было мало, поэтому командир отряда Калганов принял решение произвести разведку боем. Раньше мне выполнять такой задачи не приходилось. Наоборот, как правило, разведчики всегда стремились пройти незамеченными. А тут надо было приблизиться к вражескому берегу, вызвать огонь на себя и засечь его огневые точки.

С наступлением темноты наш катер отошел от румынского берега и направился к линии фронта. Стояла холодная осенняя погода. Я был за штурвалом. Калганов, подойдя ко мне, сказал:

- Наша задача - привлечь внимание противника. Начнется обстрел - смотри внимательно и маневрируй.

- Есть маневрировать при обстреле.

Мы приближались к Радуевацу с юга. Берег уже был отчетливо виден. Немцы не могли нас не заметить - и все-таки огня они почему-то не открывали. Уже хорошо различались вражеские солдаты, выскочившие на набережную. Может быть, они принимали нас за своих? Но это никак не входило в наши планы. Поэтому Василий Глоба дал длинную пулеметную очередь по фашистам. Немцы ответили огнем из тяжелого пулемета, потом открыли огонь две минометные батареи. Мы повернули обратно, и тогда заговорила замаскированная артиллерийская батарея. По вспышкам ее засекли сразу же, а вот с минометными батареями дело обстояло сложнее. Они стреляли откуда-то с закрытых позиций.

Василий Глоба вел обстрел из пулемета, я стоял за штурвалом, а наши разведчики Алексей Глоба, Григорий Коцарь, Геннадий Чечилов, Александр Морозов и заместитель командира главный старшина Венедикт Андреев отмечали расположение вражеских огневых точек в Радуеваце. Ими руководил наш командир Калганов. Собранный, быстрый, он не дергал своих подчиненных, приучая их к самостоятельном действиям, подсказывая, если видел промашку. Калганов, казалось, успевал замечать все и на все реагировать.

Несколько раз наш катер основательно встряхивало от близких разрывов, но мотор продолжал надежно работать, все были на своих местах, и поэтому беспокоиться за разведчиков не приходилось.

Наконец командир разрешил мне повернуть и отходить к своим.

Это оказалось весьма кстати. Мотор начал давать перебои. Оказалось, он поврежден осколком, а сам моторист - румынский моряк, добровольно оставшийся на катере, был ранен. Несмотря на ранение, моторист устранил повреждение и до конца боя не отходил от мотора. К сожалению, в моей памяти не сохранилась его фамилия.

На палубе легкое ранение в ногу получил и наш разведчик, заместитель командира Венедикт Андреев.

Возвращение на базу было трудным. Мотор барахлил. Стало ясно, что он нуждается в серьезном ремонте. Но задание все же было выполнено.

Чтобы высадить десант в Радуеваце, командование выделило три бронекатера для непосредственной высадки и еще три бронекатера вошли в отряд артиллерийской поддержки. На первых трех катерах разместилась усиленная стрелковая рота 113-й стрелковой дивизии в количестве 120 бойцов. На головном катере с десантом пошел сам Калганов, взяв с собой и нас.

Предварительно к вражескому берегу вышел отряд артиллерийской поддержки. В 3 часа 30 минут бронекатера открыли огонь по выявленным огневым точкам. Позднее они прорвались к самому Радуевацу и обстреляли фашистов в районе высадки десанта. В 4 часа бронекатера с десантом подошли к берегу и за десять минут высадили всю стрелковую роту. Она повела наступление в двух направлениях: одна часть роты, поддержанная бронекатерами, - на Радуевац, вторая - на юг, навстречу нашим наступавшим частям.

Через несколько часов Радуевац был полностью очищен от врага.

К вечеру 29 сентября наши войска подошли с юга к Прахову и Неготину, 75-й стрелковый корпус приблизился к Неготину с северо-запада. Создалась угроза окружения всей неготинской группировки. Но для этого нужно было сперва ликвидировать противника в Прахове.

Снова потребовалась помощь кораблей флотилии. Готовясь к отражению нашего наступления, фашисты создали на побережье сильную противодесантную оборону. Вдобавок подходы к Прахову затруднены в навигационном отношении. На фарватерах фашисты затопили десятки судов. Поэтому необходимо было найти проход через Дунай в этом районе.

Наше командование заблаговременно подумало об этом. Поэтому 27 сентября нашему разведывательному отряду было поручено на катере подняться вверх по Дунаю и обследовать затопленные фашистами корабли.

Больше всего здесь было затоплено барж: румынских, болгарских, югославских. Многие баржи были загружены камнями, чтобы их труднее было поднять. На середине реки возвышались надстройки какого-то потопленного транспорта.

С катера мы шестом пытались найти проход, но все было тщетно. Фашисты заметили нас, выпустили осветительную ракету. Несколько трассирующих очередей прошили ночь. Но стреляли они наугад, видно, не зная, где находится катер. Трижды мы подходили к затопленным кораблям, и каждый раз фашисты пускали осветительные ракеты, а потом по нас сделали несколько выстрелов вражеские пушки. Так мы убедились, что фашисты внимательно следят за этим районом, о чем и доложили начальнику штаба флотилии.

Через сутки мы повторили свой выход. Была полночь, когда мы отошли от берега. В большой рыбацкой лодке разместились старший лейтенант Калганов, Андреев, Гура, Коцарь, Глоба и я. Во второй - маленькой - двое разведчиков, Морозов и Чечилов.

Мы начали поиск от левого румынского берега Дуная. Погода была ветреная, шел дождь. Шестом разведчики под водой ощупывали расположение барж, определяли ширину прохода между ними, глубину. Иногда приходилось прыгать за борт, чтобы определить, есть ли здесь проход, достаточный для бронекатера. У первой баржи от поверхности воды до палубы было 35 сантиметров. На второй - немногим больше. Катера не пройдут. Течение Дуная здесь быстрее, вода не из теплых, а ходить по металлическим палубам затопленных барж было скользко. Того и гляди сорвешься в воду. С трудом перебрались на третью баржу. Но и там тот же результат - зазор между баржами такой, что и рыбацкой лодке трудно пройти. Где тут рассчитывать на бронекатер.

Так постепенно дошли до середины реки. Здесь был затоплен крупный немецкий транспорт. Лодку привязали к носу, сами выбрались на возвышавшийся над водою борт. Течение реки тут было значительно быстрее.

Время от времени с берега, занятого фашистами, раздавалась пулеметная очередь. Пули над нашими головами уходили куда-то в сторону румынского берега. Фашисты нас не видели, а стреляли для острастки и самоуспокоения.

За транспортом была затоплена опять большая баржа. Вероятно, дно здесь было неровное. Поэтому нос баржи ушел глубоко под воду. В результате образовался проход шириною около шести метров, а глубиной в полтора метра. Через такую горловину уже мог проскочить бронекатер.

Найти это место было нетрудно. Помогали ориентироваться надстройки вражеского транспорта.

Было известно, что фашисты затопили и второй ряд кораблей. Но или нам сразу повезло, или он действительно был неплотным. Только мы сразу же нашли достаточно широкий проход и оставили возле него шест. Калганов послал маленькую лодку, чтобы посмотреть, нет ли еще преград. Их больше не оказалось.

Все разведчики благополучно вернулись и доложили результаты разведки начальнику штаба флотилии.

Днем под ожесточенным обстрелом противника катер с разведчиками прорвался к вражескому заграждению, чтобы проверить и уточнить береговые ориентиры, замеченные ночью, обеспечивающие проводку катеров с десантом.

Я на этот раз на катере не выходил. Но наши товарищи успешно прошли весь маршрут и еще раз наметили наиболее приметные ориентиры.

30 сентября после полудня бронекатера под командованием, капитан-лейтенанта С. И. Борботько приняли морских десантников из Берегового отряда сопровождения и вышли в Прахово. Их сопровождали бронекатера, выделенные для артиллерийской поддержки. Корректировочный пост артиллеристов находился вместе с десантниками на бронекатере. Вел их катер дунайских разведчиков.

Еще накануне я узнал, что для десанта в Прахово выделены мои друзья из роты морской пехоты старшего лейтенанта И. Т. Кочкина. Я очень хотел с ними встретиться, но никак не мог выбрать свободного времени. Наконец Калганов накануне десанта отпустил меня на час.

Почти бегом пустился к друзьям. Уже у дороги увидел замаскированные орудия Берегового отряда сопровождения, а дальше в поле располагались бойцы штурмового отряда. Они готовились к предстоящему бою: чистили оружие, набивали патронами диски автоматов. Первым меня заметил Виталий Запсельский:

- Алеша вернулся!

Мы обнялись и расцеловались. К нам подошли Ваня Бойчак, Катя Михайлова. Они улыбались, и по всему было видно, что все очень рады этой неожиданной встрече.

- Вот мы и снова все вместе.

Мне не хотелось их огорчать, но я все-таки сказал:

- Ребята, я очень рад, что вижу вас. Но я всего на полчаса.

Пришлось рассказать, как в болгарском городе Лом я встретил разведчиков Калганова и как командир оставил меня в своем отряде.

Чувствую, что товарищи огорчены моей новостью, мне тоже было жалко с ними расставаться, но уж так сложилась наша военная судьба.

Около 17 часов на бронекатере, которым командовал капитан-лейтенант С. И. Борботько, началась погрузка морских пехотинцев. Борботько и Калганов были старыми знакомыми и относились друг к другу с большим уважением. Рядом с головным бронекатером стоял катер разведчиков. За хорошую скорость и маневренность его прозвали "Жучкой". Наш большой катер после вылазки в Радуевац получил повреждения и требовал серьезного ремонта.

На нашем катере было восемь разведчиков. Я стоял у руля, рядом находился Калганов, поглаживая свою бородку. Вдоль набережной похаживал командир бригады бронекатеров Герой Советского Союза капитан 2-го ранга П. И. Державин. Он ждал штурмовую роту. Вскоре морские пехотинцы под командованием старшего лейтенанта Кочкина подошли к катерам. Командир бригады сказал несколько теплых напутственных слов, и моряки привычно поднялись на бронекатера. На головном я увидел своих друзей, помахал им рукой.

В начале шестого десантные катера отошли от берега и взяли курс на югославский город Прахово. Впереди направляла и указывала им курс наша "Жучка".

Когда мы приблизились к линии фронта, одиннадцать выделенных для артиллерийской поддержки бронекатеров начали обстрел вражеского берега. Скорее всего фашисты видели наш отряд. Но они были уверены, что затопленные баржи послужат непреодолимой преградой.

Однако мы быстро отыскали проход и не мешкая устремились в него. Вчерашний шест помог ориентироваться. Калганов с опаской оглянулся. Головной бронекатер уверенно следовал за нами. На бронекатере были опытные рулевые. Они отлично справились с этим нелегким заданием.

Фашисты спокойно пропускали нас только до затопленных барж. Но, убедившись, что для советских кораблей преграды больше нет, они открыли сильный артиллерийский огонь. Стреляли главным образом по головным кораблям. Поэтому немалая опасность была и для нашей небронированной "Жучки". Для нее было достаточно одного снаряда.

Находясь у штурвала, я поглядывал на нашего командира. Калганов молчал и ничем не выдавал своего волнения. Железная выдержка была у этого отважного командира.

Район высадки находился недалеко от затопленных вражеских барж. Его обстреливали батареи Берегового отряда сопровождения. Я видел, как на головном катере по тревоге выбежали на верхнюю палубу десантники с автоматами в руках. Матросы с катера выбросили на берег трап. Передние морские пехотинцы устре мились по нему на набережную. А большинство прыгали прямо в воду, они быстрее старались попасть на берег. Вскоре старший лейтенант Кочкин повел своих бойцов в наступление на Прахово. С ними вместе высадился и корректировочный пост артиллерии.

Вражеские огневые точки были в основном подавлены. Это позволило десантникам поч-ти без потерь продвинуться к городу, завязать уличные бои. Через час югославский город Прахово был полностью освобожден.

Морские пехотинцы уничтожили 55 гитлеровцев, захватили 18 орудий и минометов, 4 самолета. Их трофеями стали 9 нефтеналивных барж с бензином, дизельным топливом и техническим маслом, 45 груженных различными грузами железнодорожных вагонов.

В этот же день 30 сентября наступающие советские части освободили Неготин, ликвидировали вражескую неготинскую группировку и открыли себе путь в глубь Югославии.

Бронекатера под командованием капитан-лейтенанта Борботько, поддерживая продвижение морских пехотинцев, прямой наводкой уничтожили вражеские огневые точки. В числе первых ворвавшихся в Прахово были мои друзья Виталий Запсельский, Катя Михайлова, Ваня Бойчак, Антон Куропаткин, Алексей Карпов, Иван Мазура. С громким криком "полундра!" десантники выбивали гитлеровцев из одного дома за другим. Нередко приходилось пускать в ход и ручные гранаты.

К нашим морякам часто приходили югославские юноши и просили зачислить их в отряд. Так было и на этот раз. 1 октября в Прахове по разрешению нашего командования Калганов сформировал из молодых югославских добровольцев конный отряд разведки. Югославская молодежь, ненавидевшая немцев, отлично знающая местность, могла оказать нам немалую помощь.

Этот отряд насчитывал 27 человек. Командиром его выбрали двадцатитрехлетнего серба Милано, рыбака с Дуная. Калганов снабдил разведчиков оружием. Дал задание произвести разведку вражеских сил на подходах к Белграду, вдоль правого берега Дуная.

Задание было нелегкое, но югославские ребята отлично с ним справились и вскоре доставили ценные сведения нашему командованию.

Наша Дунайская флотилия готовилась принять активное участие в боях за освобождение столицы Югославии. Боевые корабли сосредоточились в районе румынского порта Турну-Северин.

Активно работал политотдел дивизии, разъясняя стоявшие задачи. Мы усиленно изучали карту Дуная и план города Белграда. По инициативе начальника штаба отряд разведчиков пополнился

новыми проверенными бойцами. Так, к нам пришел старшина 2-й статьи Николай Максименко, ставший вскоре парторгом наших разведчиков. Прибыли старший матрос Павел Неверов, старший матрос Шота Мжаванадзе. Нам передали еще девять новых советских полуглиссеров. Теперь численность нашего отряда выросла до 42 человек.

На пути к Белграду советским кораблям предстояло преодолеть наиболее трудное место на Дунае - Железные ворота. Для проводки требовались опытные лоцманы. По просьбе наших товарищей командование югославской Народной армии направило к нам группу лучших югославских лоцманов. Среди них были братья Любиша и Владимир Жоржевичи, Будемир (ударение на первом слоге) Петрович, Александрович и другие уважаемые в Югославии моряки. Некоторые из них остались добровольно служить в нашей флотилии. Калганов сразу приметил тридцатилетнего Любишу Жорже-вича и взял его разведчиком в наш отряд. Югославский коммунист Любиша Жоржевич до войны водил по Дунаю суда. Он был капитаном Дунайского пароходства. Он увлекался спортом, успешно выступал на рииге и даже был чемпионом Белграда по боксу в своей весовой категории. Когда фашисты напали на Югославию, Любиша ушел в партизанский отряд, был несколько раз ранен. Любиша среднего роста, худощавый, у него смуглое мужественное лицо и живые глаза. Ко всему прочему, он знал Дунай как свои пять пальцев, свободно владел несколькими языками. Такой человек был, конечно, находкой для нашего отряда.

3 октября наши бронекатера вышли из порта Турну-Северин и направились к Железным воротам. На каждом был югославский лоцман, а для учебы Калганов направил еще и по одному разведчику. На головном катере находился лоцман Любиша Жоржевич. Я стоял рядом с ним и старался учиться искусству проводки катеров у опытного специалиста. У нас много говорили об этом месте Дуная. Сейчас представлялась возможность увидеть Железные ворота самому. Здесь с югославской стороны подступают к реке Балканы, а с румынского берега Карпаты. Могучие горные массивы сошлись совсем близко и образовали глубокое ущелье. Через него бурно прорывается Дунай.

Природа напоминала мне Грузию, Дарьяльское ущелье и могучий Терек.

Сдавленный со всех сторон горными кручами, Дунай у Железных ворот несется с большой стремительностью, а под водой суда ожидают многочисленные подводные препятствия. Поэтому участок реки здесь считают непригодным для судоходства. У югославского берега проложен канал, где течение не такое быстрое. Вдоль него построили специальную ветку железной дороги. И паровоз служит для кораблей своеобразным буксиром. Он тащит их против течения.

Наши катера от буксировки отказались. Они вошли в канал и двинулись вверх своим ходом. Наш бронекатер острым форштевнем распахивал дунайскую волну.

- Замечательный корабль! - сказал с восторго Любиша Жоржевич.

И все находившиеся на палубе, кто слышал эту вы сокую оценку, конечно, с благодарностью вспомнил кораблестроителей, построивших такие добротные маленькие боевые корабли.

Любиша внимательно следил за действиями рулевого, указывал опасные места, и вскоре Железные ворота остались позади.

Катера сосредоточились в румынском порту Оршов. 5 октября сюда прибыл Береговой отряд сопровождения под командованием подполковника И. Б. Яблонского.

Бои за Белград с каждым днем становились все более упорными. Нас посылали произвести разведку мостов на Дунае на пути к Белграду, уточняли мы расположение огневых точек по побережью, несколько раз захватывали в фашистском тылу "языков", разведывали и уточняли расположение минных полей. Именно дунайские разведчики донесли нашему командованию, что, по всем данным, группировка в районе Смедерова собирается отойти к югославской столице.

В этих условиях наступающим советским войскам была поставлена задача выйти к Белграду, соединиться с войсками Народно-освободительной армии Югославии, окружить группировку противника в районе Смедерова и че дать ей возможность отойти в Белград.

15 октября 1-я механизированная бригада прорвалась к правому берегу Дуная и перерезала дорогу Смедерово - Белград. Фашистское командование предпринимало ожесточенные контратаки, чтобы пробиться из окружения. Командование флотилии решило высадкой десанта и огнем артиллерии оказать помощь нашим наступающим частям.

Высаженные западнее Смедерова десантники перерезали прибрежную дорогу Смедерово - Гроцка и тем самым разобщили войска противника на приречном фланге, что облегчило штурм. Еще накануне бронекатера совершили несколько набегов на этот порт, подавили до 15 огневых точек противника, подожгли склад горючего.

Днем наш прорвавшийся бронекатер снова уточнил расположение вражеских огневых точек, которые еще продолжали действовать. На участке высадки две группы разведчиков вскрыли систему обороны противника и определили границы двух противопехотных минных заграждений.

В ночь на 16 октября наступающие части 75-го стрелкового корпуса возобновили штурм Смедерова, а около 24 часов в одном километре выше него бронекатера высадили роту десантников. Успеху десанта во многом способствовал наш новый разведчик Любиша Жорже-вич. Он точно вывел катера к месту высадки.

Десант поддерживали своим огнем бронекатера. Часть их обстреливала порт, чтобы отвлечь внимание от десантников. А они успешно продвигались, перерезав дорогу, укрепились на ней. Неоднократные попытки фашистов сбросить десантников в Дунай не увенчались успехом. Этому помог корректировочный пост, находившийся в рядах десантников.

17 октября гарнизон фашистов в Смедерове был разгромлен.

Теперь наши бронекатера включались в бой за освобождение Белграда. Вечером Калганов вызвал к себе в каюту троих разведчиков - Павла Неверова, Шоту Мжаванадзе и меня. Наш командир сидел над картой Дуная. Он не отдыхал несколько суток, но выглядел все таким же подтянутым и бодрым. Чувствовалась физическая закалка хорошего спортсмена.

- Бои идут в Белграде. Ваша задача вести наблюдение на правом берегу Дуная и регулярно сообщать, как развиваются боевые действия. Выходите в Белград на полуглиссере. Катер оставите близ передовой. На берег сойдет Чхеидзе. Необходимо вести наблюдение не только в районе набережной, но и постараться проникнуть в глубину обороны противника. Все достойное внимания отметить в донесениях, которые надо направить в 8 часов и 18 часов. Старшим на катере назначаю Неверова. Он и будет доставлять мне донесения.

Передав мне конверты, бумагу, сургуч, спички, Калганов добавил:

- Без большой необходимости в бой не ввязываться. Ваша задача - наблюдать за противником.

На полуглиссере мы трое вышли в Белград. Ночь стояла темная. Было известно, что Дунай у Белграда засорен вражескими минами. Но для полуглиссера с маленькой осадкой они не представляли большой опасности. В городе продолжался бой. Темноту ночи прорезали сильные взрывы. Часто в низкое небо взлетали разноцветные ракеты. Слышалась ожесточенная перестрелка, грохот танковых моторов доносился до нас.

Минут двадцать мы кружили у правого берега, пока не определили, где проходит передовая. Нашли подходящее место, чтобы можно было укрыть наш катер.

Я проверил свой автомат, в карманах лежали четыре надежные гранаты-"лимонки" да еще и пистолет ТТ. Поблизости шел бой. Слышны были очереди фашистского пулемета, крики югославских бойцов. Простившись с товарищами, пошел в город. Поравнялся с первым домом. Возле него стоял разрушенный фашистский дзот с поникшим пулеметом. Рядом лежало с десяток погибших югославских бойцов. Нелегкой ценой доставалось освобождение Белграда.

За следующим домом накапливались для атаки до двух рот югославов. Ждали подхода советских танков. Я быстро познакомился с двумя молодыми парнями Миколой и Владимиром. Это были бойцы сербской дивизии, входившей в состав 3-го сербского корпуса. Я попытался у них узнать, где сейчас находится отряд югославских разведчиков во главе с Милано, но они этого не знали и посоветовали обратиться в штаб дивизии. Конечно, обращаться в штаб я не стал. К сожалению, для меня так и осталась неизвестной судьба этого отряда.

Вскоре подошли наши танки. Они воодушевили югославских бойцов. Первая югославская рота разместилась на девяти бронированных машинах, вторая стала продвигаться следом за танками. Я решил, что лучше всего уточнить положение на передовой, двигаясь вместе с наступающими.

Впереди на перекрестке улицы виднелся дот, за ним проходила сложенная из кирпича баррикада. Из-за нее изредка раздавались автоматные очереди. Там засели фашисты.

Как только передний танк приблизился к доту, весь огонь был сосредоточен на нем. Мотор у него заработал с перебоями, танк остановился. Несколько убитых или раненых югославских солдат сорвались на мостовую. С соседнего танка к ним бросились на помощь. Воздух загрохотал от частых выстрелов. Это следующие за первым танки открыли скорострельный огонь, и вскоре вражеский дот в клубах пыли и дыма смолк, прекратил сопротивление.

Я перешел на соседнюю улицу. Там наблюдалась такая же картина. Югославские воины при поддержке советских танков бесстрашно уничтожали гитлеровских захватчиков. По дороге я обдумывал, что можно доложить об обстановке в Белграде в донесении нашему командиру.

На набережной все еще продолжали рваться вражеские снаряды, но катер наш я нашел на месте. Товарищи набросились на меня с расспросами. Рассказал им, что видел. Тут же написал донесение, запечатал конверт и отдал его Неверову. Сказал, что вернусь сюда к восемнадцати, и опять вышел на набережную.

Белград - красивый современный город. Фашистов меньше всего занимала красота этого веками сложившегося города. Их сопротивление к центру города все возрастало. Видимо, они решили превратить югославскую столицу в груды щебня.

Теперь я проходил по улицам, где уже отшумели бои. Все больше появлялось на них гражданских людей. Жители возвращались в свои квартиры, хотя поблизости еще гремела война.

Среди югославских воинов я заметил немало девушек. Одетые в военную форму, они не только перевязывали раненых, но и с оружием в руках бесстрашно сражались с гитлеровцами.

Хотя вражеские снаряды продолжали рваться то тут, то там, двигаться по улицам Белграда было приятно. В воздухе полностью господствовала наша авиация. Как только танки встречали сильное сопротивление, радисты вызывали наши самолеты, и вскоре путь для наступления становился свободным.

Я наблюдал и за событиями на Дунае. Видел, как прорвались вверх по реке наши катера. Они открыли огонь по противнику, укрывшись за островом Ратна.

Наступал вечер. Надо было возвращаться на набережную. Пришел туда точно к восемнадцати часам, а нашего катера на месте не оказалось. Может быть, фашисты заметили его и потопили? Но в это верить не хотелось.

Я остался ждать в условленном месте. Минуты без дела тянулись медленно. Вскоре на Дунае показался полуглиссер. Стало видно, что на нем не двое моих товарищей, а значительно больше. Потом рассмотрел, что они одеты в морскую форму. Вскоре увидел, что на катере девушка в морской форме, и узнал Катю Михайлову. Полуглиссер подошел к нашему мосту. Я подал руку Кате и помог спуститься на берег. За нею вышли мои боевые товарищи Виталий Запсельский, Ваня Бой-чак, Леонид Борзик, радист с рацией и лейтенант - командир морской артиллерийской батареи. Эту группу прислал командир Берегового отряда сопровождения для корректировки огня наших батарей в Белграде.

У Виталия Запсельского на груди висел автомат, а через плечо был перекинут фотоаппарат. Как всегда перед боем, он был очень оживлен.

Павел Неверов передал мне приказание нашего командира: показать разведчикам удобные места для наблюдения за противником.

Я написал новое донесение, отправил катер и рассказал товарищам о том, что видел в югославской столице. Потом провел их и подсказал, где, по моему мнению, удобнее всего наблюдать за противником.

Разведчики разделились на две группы. Иван Бой-чак и Леонид Борзик остались на набережной, а Катя Михайлова и Виталий Запсельский обосновались в центре города. На крыше четырехэтажного дома разместились офицер-артиллерист и радист с рацией.

К ним часто приходили наши разведчики и указывали выявленные цели. Офицер по рации вызывал огонь наших батарей Берегового отряда сопровождения, развернутого на левом берегу Дуная, и корректировал его.

Вскоре стало известно, что противник, видя бесполезность дальнейшей борьбы, решил начать отвод своих войск по мосту через реку Саву.

Бои за Белград продолжались. Помню такую картину: на советских танках с автоматами в руках разместился югославский десант. Все было готово к началу атаки. К головному танку подбежал Виталий Запсельский и сфотографировал его. В это время раздалась команда. На танках заработали моторы. Виталий забежал сбоку и сделал новый снимок.

Вражеская баррикада находилась отсюда совсем рядом. Фашисты прекрасно видели, чем занят военный корреспондент. И несколько выстрелов прогремело на улице. Пули взрыли мостовую у ног Виталия, просвистели над головой. И только по счастливой случайности наш отважный корреспондент уцелел.

Сосредоточив войска в северо-западной части города, гитлеровцы удерживали Земунский мост через реку Саву, по которому они из Земуна сперва подбрасывали подкрепления, а потом начали отводить туда свои части. Флотилия получила задачу парализовать движение на мосту вражеской техники. На подступах к нему наши бронекатера уничтожили много живой силы и техники противника.

20 октября столица Югославии была освобождена от фашистских захватчиков.

Жители столицы очень тепло встречали советских воинов. Они угощали советских бойцов вином и виноградом, приглашали к себе домой. Наши югославские друзья братья Любиша и Владимир Жоржевичи, а также Будемир Петрович были коренными белградцами. Братья пригласили к себе троих разведчиков - Василия Глобу, Шоту Мжаванадзе и меня. Мы с удовольствием приняли это приглашение. В сопровождении Лю-биши пошли в гости на улицу Мачванскую. Нас очень тепло встретила сестра Любиши - Любинка. Эта молодая женщина с добрым симпатичным лицом провела нас в светлую комнату, усадила на диван. А сама ушла хлопотать на кухню. Я осмотрелся. На стене напротив висели портреты братьев Жоржевичей в морских мундирах. В углу комнаты на полированном столике стояла большая модель корабля, вырезанная из кости. Любиша и Владимир сели рядом, принесли семейный альбом. Интересно было смотреть фотографии незнакомой нам жизни, и далекой для нас, и в то же время очень любопытной.

Любинка пригласила нас к столу. На белоснежной скатерти стояли вазы с фруктами и несколько больших бутылок красного югославского вина, а в тарелках уже дымились сербские национальные кушанья.

Я сидел рядом с Любинкой. Меня и моих товарищей интересовали подробности жизни в оккупации. Любишка сразу стала серьезной.

- Трудно было примириться с мыслью, что нашу страну оккупировали фашисты. Но югославский народ не покорился им. Многие сразу же ушли в горы партизанить. А остальные, кто остался, стали вести подпольную борьбу. Мой двоюродный брат Душак был активным подпольщиком. Немцы выследили его и расстреляли.

Мы с большим интересом слушали рассказ Любинки.

- По всей стране фашисты создали концентрационные лагеря. В них содержались не только югославы, но и многие советские военнопленные. Было немало случаев, когда патриоты, рискуя жизнью, спасали от гибели советских военнопленных. Фашисты привезли из Советского Союза молодых девушек, чтобы они работали на их заводах. Они работали по четырнадцать часов в сутки, находились на голодном пайке, часто не выдерживали такого режима и умирали. Югославская патриотка Ангелина Добникар укрыла у себя четырех советских девушек. Немцы узнали об этом, страшно избили Ангелину, а потом бросили ее в концентрационный лагерь. Три года властвовали у нас фашисты. Вот почему день освобождения Белграда мы считаем самым большим праздником, а советских воинов - нашими братьями.

Столица Югославии была освобождена. Но севернее ее фашисты еще удерживали ряд югославских городов. Оккупированная земля ждала своих освободителей. Впереди предстояли новые жестокие бои.

В начале декабря мы размещались в маленьком югославском городке Бачко-Паланка на левом берегу Дуная. Сюда же перевели и Береговой отряд сопровождения. Мы с Любишей Жоржевичем направились навестить своих друзей разведчиков этого отряда.

Рота старшего лейтенанта Кочкина находилась в одноэтажном доме недалеко от Дуная. В комнате не было мебели. Только матрацы были расстелены на полу. На них сидели и лежали разведчики. Окна были прикрыты толстыми ставнями. На подоконнике горела керосиновая лампа. Возле нее сидел Виталий Запсель-ский и что-то быстро писал. Товарищи встретили нас очень тепло. Как раз накануне они получили письма и теперь предложили их прочитать сообща. Писали молодые девушки - шефы разведчиков. Они прислали стихи Константина Симонова "Жди меня" и свои фотографии. И стихи и фотографии произвели впечатление.

Кто-то подал мне мою гитару. Со времен форсирования Днестровского лимана не держал ее в руках. Пришлось долго настраивать. Я начал негромко напевать народные грузинские песни. Особенно нашим товарищам понравился "Светлячок".

Твой далекий огонек

Мне покоя не дает...

Ее пришлось повторить. Потом мы передали гитару Любише Жоржевичу. Он с большим задором исполнил огневые югославские песни, они очень понравились нам. И морские, и грустные протяжные в его же исполнении. Раньше мне никогда не приходилось слушать югославские песни, но я уловил мелодию и как мог аккомпанировал моему другу. Неожиданный концерт продолжили наши украинцы Запсельский, Бойчак, Лысенко. Кажется, их трио произвело на разведчиков самое сильное впечатление.

Сидел, глубоко задумавшись, Антон Куропаткин, подперев голову, слушала песню Катя Михайлова. В Ленинграде у Кати погибла во время бомбежки сестра, а старший брат лет.чик был сражен в воздушном бою с врагами.

Все наши разведчики присмирели. Они видели на боевом пути разрушенные города, осиротевших детей, тысячи несчастных, потерявших родных и близких.

В комнате было тихо и тепло, а на улице дул декабрьский ветер. Как редок и недолог у бойца на фронте такой вечер!

Мы с Жоржевичем скоро простились с товарищами. Шел снег. На Дунае поднимались волны. Мы поглядывали на правый берег. И хотя в темноте там ничего не было видно, знали: где-то недалеко находится старинная югославская крепость Илок. Там засел враг. И без помощи кораблей флотилии его не выкуришь.

3 декабря Калганов направил Любишу Жоржевича и меня к начальнику штаба флотилии. Обычно задание разведчикам давал сам командир отряда. Только в исключительных случаях мы встречались с капитаном 1-го ранга Свердловым.

- Крепость Илок препятствует продвижению наших войск. Необходимо оказать помощь армии и высадить у крепости десант. Для этой цели произведите разведку района крепости.

Такое задание мы получили от начальника штаба.

Вышли ночью на маленькой лодке. Дунайские волны то высоко поднимали ее вверх, то швыряли вниз. Иногда мне казалось, что нас зальет набежавшей волной и мы оба с Жоржевичем окажемся в ледяной воде. Я сидел на веслах, а Любиша спокойно управлял лодкой. Было видно, что ему привычна такая погода. Его спокойствие и уверенность и в меня вселяли веру в успех дела. Любиша хорошо знал эти места. Лодка приблизилась к вражескому берегу в камышах. Мы несколько минут осматривались и убедились: у камышей на берегу противника нет. Нам было хорошо известно, что на ниболее угрожаемых участках фашисты минируют берег. Чтобы не попасть на вражескую мину, решили пробираться в камышах прямо по воде. Лодку мы спрятали в камышах. Жоржевич первым спустился в холодную воду. Я последовал за ним. Вода доставала нам до пояса. Так, стараясь ступать осторожно, прошли мы порядочное расстояние. В темноте на берегу часто появлялись силуэты вражеских солдат. Это патрули обходили берег. Обратили внимание, что фашисты к самому, урезу воды не подходят, а сворачивают метрах в тридцати до него. Это натолкнуло на мысль, что берег от уреза воды минирован метров на 20-25. Нам удалось заметить и вражеские окопы.

Судя по бдительности, решили, что фашисты опасаются нашей высадки и внимательно следят за берегом.

Вернулись к лодке в камышах. Окоченевшие ноги передвигались с трудом. Жоржевич предложил осмотреть камыши, убедиться, нет ли там заграждений. Промерили глубину и ощупали грунт у берега. Это могло пригодиться при высадке.

Окоченели сильно не только ноги, но и руки. Едва забрались в лодку. Я взялся за весла, Жоржевич жестом указал мне на небольшой остров у крепости. Я направил лодку туда.

Паводок затопил большую часть острова. Толстые деревья поднимали ветви к небу, казалось, прямо из дунайской воды. Мы тщательно осмотрели островок. При высадке десанта и он мог принести пользу.

Я согрелся лишь тогда, когда вышли на середину реки и можно было грести в полную силу.

Сейчас, вспоминая, сколько раз за войну разведчикам приходилось принимать ледяные ванны, просто удивляешься, как обходилось все без простуды, как никто не слег с воспалением легких. Наверное, не давало заболеть то постоянное нервное напряжение, которое не проходит у бойца на фронте, где бы он ни служил - в разведке, в артиллерии или в пехоте.

Десант в Илок должен был облегчить наступление нашим сухопутным частям. Командование решило высадить его двумя группами. Основная - в количестве сорока человек - высаживались на остров, а вторая группа - двенадцать человек - в районе камышей.

Жоржевичу и мне поручили провести десантников к месту высадки. 4 декабря у причала Бачко-Паланка стояли три катера флотилии, готовые принять десант. Командиром высадки был назначен капитан-лейтенант Николай Савицкий. В десант была выделена штурмовая рота старшего лейтенанта Ивана Кочкина. А точнее - не вся рота, а только отобранные 52 человека.

Первые два катера приняли по двадцать человек, на третий под командованием старшины 1-й статьи Ивана Бойчака поднялось двенадцать человек, в том числе Запсельский, Куропаткин, Лысенко, Петров, Русяев:

Вышли к правому берегу в тумане. Поэтому дистанция между катерами была сокращена. Когда я выглянул из боевой рубки, второй катер за нами едва угадывался, а третьего вообще не было видно.

Среди десантников была одна девушка - Катя Михайлова. Ее очень уважали в отряде, но сегодня все десантники не хотели брать ее с собой, так как слишком велик был риск. Но Катя настояла на отправке. Старшему лейтенанту Кочкину пришлось уступить.

Нужно сказать, что Любиша Жоржевич как лоцман и Николай Савицкий как командир десантного отряда успешно справились с нелегкой задачей.

Остров медленно приближался. Мы с Любишей вышли из боевой рубки. Кочкин подал команду десантникам подняться на верхнюю палубу. В носовой части катера я увидел Катю Михайлову. В руках у нее был автомат, а на боку висела санитарная сумка.

С головных катеров началась высадка. Первой оказалась в воде наша Катя. За ней последовали Алексей Карпов, Иван Мазура, Михаил Князев, юнга Ваня Соловьев. Десантники старались спускаться в воду тихо, чтобы не привлечь внимания фашистов. Сорок человек растянулись по острову, укрываясь за деревьями и кустами. Туман был нашим союзником. Фашисты не заметили высадившихся.

Катера на малых оборотах направились к камышам. И здесь удача сопутствовала морским пехотинцам. На берегу Виталий Запсельский установил станковый пулемет. Вторым номером у него был матрос Иван Лысенко. Командир десантной группы старшина 1-й статьи Иван Бойчак приказал товарищам окопаться. Моряки вгрызлись в землю, но плохо поддавалась лопате промерзшая влажная земля.

Наши катера медленно удалялись от вражеского берега. Мы свое задание выполнили. Но как не хотелось оставлять друзей на вражеском берегу!

Туман надежно укрыл от нас остров, глушил всякие звуки. Скоро на правом берегу завязалась перестрелка.

Николай Савицкий взглянул на свои часы и с досадой произнес:

- Обнаружили. Не успели окопаться.

Бой на правом берегу начался.

Уже позднее, по рассказам уцелевших товарищей, мне удалось восстановить картину тех событий. Когда фашисты у себя под боком увидели десантников и обстреляли их, первым по врагу открыл огонь из пулемета Виталий Запсельский. Десантники, расположившись в камышах, вступили в бой. Из-за тумана наши боевые корабли и артиллерия Берегового отряда сопровождения не могли поддержать их.

Я видел, что Любиша очень переживает. Наши товарищи оказались один на один с врагом, а силы были явно неравные. Волновался и капитан-лейтенант Савицкий. Ответственность за успех десанта и за судьбы моряков лежала в первую очередь на нем.

Может быть, в каких-то деталях это описание и не совсем точно. Но, насколько я знаю, об этом нигде еще ничего не написано. И, как я думаю, лучше рассказать о нем хотя бы недостаточно подробно, чем ничего не рассказать.

Фашисты решили расправиться с советским десантом. Оказалось, что мы ошиблись и по самому урезу воды мин не было. По этому узкому пространству фашистские автоматчики бросились на наших моряков.

Станковый пулемет косил фашистов на таком расстоянии без промаха. Его поддерживали автоматы дунайцев. Фашисты потеряли до взвода только после первой атаки.

Немцы подбросили подкрепление. Мало того, что с фронта наших товарищей атаковали фашисты, с флангов их стали обстреливать из минометов. Положение десантников несколько улучшилось, когда с острова десантники тоже нанесли удар по фашистам. Это оказалось неожиданностью для гарнизона Илока. Из-за тумана и ночной темноты фашисты не сразу определили численность моряков на острове.

Предположив, что там высадились значительные силы, фашисты спустили на воду несколько шлюпок. Автоматчики на них двинулись к острову.

Организовав круговую оборону, десантники уничтожили их до подхода к острову. Солдатам только одной шлюпки удалось высадиться. Но все они были перебиты на берегу.

Отважно вел борьбу с фашистами десантник Иван Мазура. Из автомата он уничтожил многих гитлеровцев на приближавшейся шлюпке. И стрелял до тех пор, пока на лодке были видны вражеские солдаты. А потом пустую лодку понесли вниз по течению дунайские волны. Другой десантник, Алексей Карпов, отличился тем, что очень точно бросал гранаты во вражеские лодки и подорвал четыре лодки с фашистами. За время боя по приказу командира Кочкина десантник Алексей Карпов дважды переплывал Дунай, чтобы добраться к десантной группе Бойчака, находящейся в камышах.

Особенно тяжело пришлось нашим десантникам у камышей. Станковый пулемет Запсельского наносил фашистам значительные потери. Поэтому на нем фашисты сосредоточили сильный огонь. Сперва погиб за пулеметом Лысенко. Его заменил Петров, но от разорвавшейс поблизости мины вышли из строя и Петров и Запсельский. Оба они получили тяжелые ранения. Но пулемет продолжал стрелять.

Мы слышали, что в камышах огонь слабел. Но ни чем помочь своим товарищам не могли. Мы с нетерпением ждали, когда же перейдут в наступление армейские части и облегчат положение десантников.

В живых осталось только четверо: Виталий Запсельский, Антон Куропаткин, Петров и командир группы десантников старшина 1-й статьи Иван Бойчак.

Раненый Куропаткин пополз с гранатами к вражеским окопам. Фашисты, увидев, что к ним по снегу ползет десантник без оружия, решили, что он собирается сдаваться в плен. Тем более что он

был весь в крови. Но когда фашисты приблизились, отважный моряк взорвал противотанковую гранату.

Этот подвиг видели трое наших десантников. Ценою своей жизни Куропаткин уничтожил еще несколько фашистов.

В трудном положении оказались десантники и на полузатопленном острове.

И здесь большая часть товарищей погибла. Бесстрашно оказывала помощь раненым Катя Михайлова. А когда вражеские шлюпки стали приближаться к острову, Катя Михайлова взялась за автомат и вместе со всеми отбивала вражескую атаку.

Раненый парторг лейтенант Николай Соколов показывал пример мужества. Он руководил боем на левом фланге. Фашисты заметили советского офицера. Скоро вражеская пуля попала ему в голову, и он упал в воду. Товарищи вытащили его на берег. Но парторг был уже мертв.

Погиб и младший лейтенант Павел Елисеев. Из отряда старшего лейтенанта Кочкина в живых осталось только двенадцать бойцов.

Наконец со стороны Илока раздалось дружное "ура!". Это пошла на штурм крепости советская и югославская пехота. 4 декабря крепость Илок была освобождена от фашистов.

Посланный на остров бронекатер старшего лейтенанта Давида Микаберидзе снял с острова оставшихся в живых. Из пятидесяти двух человек лишь семеро оказались в строю. В тяжелом состоянии раненых десантников доставили в лазарет Бачко-Паланка.

Узнав, где находятся наши боевые друзья, мы с Любишей Жоржевичем побежали в лазарет. Нас долго не пропускали в палаты. Мне пришлось доказывать, что беседа будет короткой и от нее никто из раненых не пострадает. Наконец лазаретный начальник разрешил свидание. Но пропустили только одного меня. Любиша остался ждать в приемной моего возвращения.

Герои илокского десанта лежали в маленьких палатах. Я с большим трудом узнавал друзей. Так ранения и выпавшие им тяжелые испытания изменили их лица. Я спросил сопровождавшую сестру:

- Где находятся Виталий Запсельский и Катя Михайлова?

Она провела меня в крайнюю палату. На койке неподвижно лежал человек. Черты его лица были искажены. Я не узнал его. Оказалось, это Виталий. Он был уже мертв.

У меня невольно потекли слезы. Я взял руку друга и поцеловал ее. Она была холодная и плохо гнулась.

Сестра подвела меня к другой кровати. На ней лежала девушка с перевязанной рукой. Катя Михайлова была в полузабытьи. Под нашими шагами заскрипела половица, Катя открыла глаза и слабо улыбнулась. Она хотела что-то сказать мне, но начала сильно кашлять. Оказалось, что, кроме ранения, у нее еще и воспаление легких.

Я ждал, когда она сможет говорить, и осматривал палату. На третьей койке лежал десантник, весь в бинтах. У него не было ноги, а через свежие бинты проступала кровь. Он лежал с забинтованным лицом.

- Кто это? - спросил я негромко. - Он тоже мертв?

Десантник приоткрыл единственный незабинтованный глаз, строго посмотрел на меня и сказал с укором:

- Алеша, да это же я - Иван Бойчак. Я еще живой, но, наверное, протяну недолго.

Сестра запретила ему говорить, потребовала, чтобы я вышел из палаты. Бойчак повелительно сказал:

- Подождите. Он должен знать об илокском десанте.

Сестра отошла к двери.

Иван собрался с силами и хриплым от простуды голосом коротко рассказал мне о том, как развивались события и как героически вели себя все десантники. Скоро он начал тоже кашлять и задыхаться. Катя уже пришла в себя и хотела тоже мне что-то сказать, но сестра подхватила меня под руку и насильно вывела из палаты.

У входа в лазарет меня с нетерпением поджидал Любиша Жоржевич.

- Как наши ребята?

Я только махнул рукой.

К лазарету подкатила легковая машина. Из нее вышел командующий флотилией контр-адмирал С. Г. Горшков. Его сопровождали начальник штаба и еще какие-то офицеры. Серьезные и строгие, все они прошли в приемную лазарета.

В ту ночь мы с Любишей Жоржевичем долго не могли уснуть. Слишком близка была нам судьба наших друзей.

Несмотря на все старания советских и югославских хирургов сохранить жизнь героям илокского десанта, выжило из них только пятеро. Среди них были Катя Михайлова и командир десантного отряда Иван Кочкин.

Хмурым декабрьским утром в югославском городе Новисад, расположенном на левом берегу Дуная, на городском кладбище мы хоронили героев. Были на похоронах моряки - друзья и товарищи погибших - от Дунайской флотилии, рота советских воинов и рота Народно-освободительной армии Югославии. Присутствовало много югославских граждан, делегация общественности города Новисад. Выступавшие говорили о героизме погибших, клялись отомстить фашистам за их смерть. На кладбище оркестр играл похоронный марш, могилу героев усыпали цветами.

Мои друзья ушли из жизни как настоящие герои. И никак не верилось, что мы больше никогда не увидим их.

Глава V.

В боях за Будапешт

В последнюю неделю 1944 года над Балканами с севера один за другим проходили циклоны. Резко понизилась температура воздуха. Дожди и мокрый снег превратили полевые дороги в

непроходимое месиво. Местные жители говорили, что в их краях давно не было столь холодной зимы.

И все-таки наступающие части (а наступали они уже несколько месяцев) успешно теснили противника. 24 декабря советские войска окружили группировку противника в районе венгерской столицы. Передовые части штурмом овладели южным районом Будапешта - Кёленфёльдом.

Накануне нового, 1945 года дунайских разведчиков перевели в Будафок южный пригород Будапешта. Хотя наше наступление развивалось успешно, фашисты нередко наносили контрудары. Вдобавок штормовые ветры снесли наведенную нашими саперами переправу через Дунай, и наши части на правом берегу Дуная оказались отрезанными от левого берега. Вся надежда оставалась только на корабли флотилии. Они успешно перебрасывали с левого берега на правый все необходимое: танки, пушки, пехоту.

В это время нас посетил новый командующий Краснознаменной Дунайской флотилией, сменивший контрадмирала С. Г. Горшкова, контр-адмирал Г. Н. Холостяков. Он приехал вместе с начальником штаба флотилии капитаном 1-го ранга А. В. Свердловым, чтобы на месте ознакомиться с боевой обстановкой. Начальник штаба не упускал возможности при случае заглянуть к разведчикам. Здесь мы впервые увидели нового командующего флотилией.

В нашей землянке стояла небольшая елочка. Игрушек на ней почти не было. И все равно настоящая елка напоминала о мирной жизни. И все мы верили, что победа скоро придет, она не за горами.

Утром меня вызвал старший лейтенант Калганов и приказал произвести разведку правого берега Дуная. Шел снег. Передовая была рядом. Я прошел через позиции, которые занимали наши морские пехотинцы. Моя задача заключалась в наблюдении за противником с нашей передовой. Враг находился неподалеку. Видимо, опасаясь наших активных действий, фашисты тщательно наблюдали за нашей передовой. И как я ни старался хорошо маскироваться, они все-таки заметили меня и открыли стрельбу.

Близ передовой на нашей стороне находилось немало венгерских солдат. Накануне ночью целая рота со своими офицерами, с оружием перешла на сторону Советский Армии. Они горели желанием сразиться с фашистами, причинившими столько зла их родной Венгрии. Вскоре на различных участках фронта на нашу сторону перешли еще некоторые венгерские части. Из них был создан Будайский добровольческий полк, насчитывавший более двух тысяч человек, командиром которого назначили боевого офицера, ненавидевшего фашизм, подполковника Оскара Варихази. В полку были люди различных возрастов и профессий. Ряды полка пополнили не только военнослужащие. Здесь были молодые рабочие, студенты, учителя, инженеры. Советское командование отнеслось с доверием к новому формированию. И в первом же бою Будайский полк подтвердил, что достоин этого доверия и способен решать нелегкие боевые задачи.

Размещались бойцы близ наших дунайцев, и скоро между моряками и венгерскими добровольцами установились теплые, братские отношения.

Я особенно близко сошелся с воинами штурмового отряда, которым командовал молодой, очень энергичный прапорщик Альберт Кёссеги. Этот отряд состоял из венгерских спортсменов. Особенно мы подружились с сержантом Яношем Секерешем и рядовым Дюркой То-том. Оба они были студентами Будапештского института физкультуры. Правда, Яноша Секереша война застала на четвертом курсе, а девятнадцатилетний Дюрка только поступил учиться. Они были очень

разные мужественный, с задумчивыми глазами Янош и всегда веселый, беззаботный Дюрка. Они пришли из немецкого тыла, хорошо знали расположение немецких войск в. Бу-де. А это очень помогало нашим разведчикам, когда они проникали за линию фронта.

Как я успел убедиться, венгры ненавидели фашистов. Часто они помогали советским военнопленным. Так, в ноябре 1944 года жители Будапешта супруги Сабо организовали побег из госпиталя будапештской тюрьмы четырех советских воинов сержанта Малышева, старшины Солошенко и офицеров Коваленко и Сул-танова. Рискуя жизнью, они укрыли раненых в своей квартире. И два месяца вплоть до того, как наши войска освободили Будапешт, ухаживали за советскими воинами и лечили их.

Мы, разведчики, особенно широко пользовались помощью венгерских друзей. Запомнилась мне двадцатилетняя студентка Мари Кочиш, которая жила близ Западного вокзала, и сорокалетний венгерский рабочий Йожеф Кекеш с улицы Шалаи Илмре. Именно с их помощью дунайским разведчикам удалось достать карты Дуная с нанесенными минными полями в районе Будапешта.

Фашисты, стремясь затруднить боевые действия советских кораблей на Дунае, сильно заминировали реку. В начале нового года разведчики получили приказ найти карты с нанесенными немецкими минными полями. Задача была не из легких, а карты требовалось достать в короткий срок. Вот тут-то и помогли венгерские товарищи.

Достать карты из фашистского штаба было делом очень трудным. Нам подсказали другой выход. Сами фашисты тоже пользовались Дунаем и проводили по нему свои суда, перевозили грузы. Значит, выставленные мины были опасны и для них. Поэтому они координаты минных полей сообщили в венгерское пароходство. Конечно, и там они хранились в секрете. Но одно дело - фашистский штаб, другое дело - полугражданское пароходство, где наверняка есть сочувствующие Советской Армии.

Так оно и оказалось. От венгерских товарищей узнали, что карты Дуная хранятся в здании венгерского пароходства на втором этаже в секретном отделении в несгораемом сейфе.

Наш командир старший лейтенант Калганов решил проникнуть в оккупированный Будапешт и похитить карты, тем более что стало известно, что частично разрушенное здание пароходства охраняется всего одним часовым и проникнуть в него большой трудности не составит.

Январской ночью мы, трое разведчиков - Виктор Калганов, Василий Глоба и я, - благополучно перешли через линию фронта и оказались в Будапеште. Нас тепло принял на своей квартире наш венгерский друг рабочий Йожеф Кекеш. Переночевали у него без всяких приключений. Дождались вечера. Все мы были в штатском платье, но все-таки до наступления темноты решили из дома не выходить. В девятнадцать часов к нам пришла студентка Мари Кочиш. Она повела нас к зданию венгерского пароходства. Этот выход был как бы нашей разведкой, чтобы осмотреть все на месте и выбрать план действий.

Погода была холодная, дул сильный порывистый ветер. Изрядно морозило. Но на улицах Будапешта было еще много народа. Все куда-то спешили и на нас не обращали внимания. Я вел под руку Мари, изображая кавалера. Калганов и Глоба шли сзади.

Наконец Мари стала поправлять воротник пальто. Это значило, что мы подошли к нужному дому. Дверь здания пароходства была закрыта, возле нее, подняв воротник шинели, прохаживался

часовой с автоматом. Он был один и, как мы заметили, ходил от одного конца здания до другого и даже поворачивал за угол. Часть дома была полуразрушена и загорожена досками.

Калганов кашлянул, давая знак, что ему все ясно и теперь мы можем возвращаться домой. Мы проводили Мари, а потом наш командир рассказал о своем плане действий.

В час ночи мы трое были у пароходства. Выждав, когда часовой завернул за угол, перебежали через улицу, раздвинули доски и оказались в доме.

Мы знали по чертежу, где находится секретное отделение. Калганов подсвечивал фонариком. Дежурный в здании, как нам сказали наши венгерские друзья, находился только днем. Так оно и оказалось. Осторожно поднялись на второй этаж. Третья дверь справа была обита железом, окно над ней закрывала решетка. Я всегда удивлялся, как ловко наш командир мог стрелять без подготовки. А тут удивился еще больше, увидев, как умело и быстро подобрал он ключи к хитрому замку. Открыл его и спокойно растворил дверь.

Сейф вскрыть оказалось делом более сложным. Выждав, когда поблизости разорвется снаряд, он подорвал толовую шашку, подвешенную к дверце. После взрыва мы прислушались. Часовой ходил все так же, видимо приняв взрыв за новый снаряд. Вскоре Калганов распахнул сейф, выбросил из него какие-то бумаги, потом протянул мне и Глобе большие пачки карт.

- Посвети, - приказал Глобе командир.

Он развернул карту. Снизу вверх извивался Дунай, а на нем красной тушью были отмечены места постановки мин. Да, эти карты как раз нам и нужны были.

Мы запихали драгоценный груз под куртки.

Из здания пароходства выбрались благополучно. Только когда переходили линию фронта, фашисты заметили нас. Открыли огонь. Хорошо, что нас прикрыли наши минометчики. Так и добрались к своим благополучно. Драгоценные карты доставили капитану 1-го ранга Свердлову.

Вскоре во время боев за Пешт получил ранение наш командир Калганов. Вражеская пуля пробила ему руку. Но в госпиталь он уйти отказался. Вместе с наступающими мы, разведчики, принимали участие в освобождении Пешта, с боем продвигались к левому берегу Дуная. На улицах было много убитых фашистов, разбитых орудий и сожженных вражеских танков.

Утром 20 января 1945 года левобережная часть венгерской столицы Пешт была полностью освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Опасаясь прорыва советских танков в Буду, фашисты заранее заминировали все шесть мостов города, а потом и взорвали их.

Укрепившись на правом берегу Дуная, фашисты ожесточенно обстреливали из тяжелых минометов мирные кварталы Пешта. Первым советским комендантом Будапешта был назначен генерал-майор Чернышев. Это был энергичный человек, очень гуманный и отличный организатор. Он много сделал, чтобы быстрее нормализовать жизнь в освобожденной части города.

Дунайских разведчиков разместили в доме на улице Марии-Луизы. Эта улица проходила вдоль Дуная, а передовая проходила по набережной. В двуэхтажном доме, где мы находились, оставалась только одна семья - сорокалетний глухонемой венгр и его племянница, двадцатилетняя Юца. Она стала поваром в нашем отряде. Высокая худощавая Юца была не очень

заметной девушкой, но она была очень доброй и заботливой, хорошо готовила обеды и следила, чтобы все наши разведчики всегда были вовремя накормлены.

Мы быстро освоились в Пеште, изучили все его улицы и переулки, выходившие к Дунаю. Часто бывали и у здания парламента. Запомнилась такая картина. Высокое красивое здание парламента стоит у самого левого берега Дуная. К нему подошла большая группа венгерских рабочих. Над зданием развевался красный флаг, водруженный советскими воинами. А перед парламентом стоял "трехметровый памятник диктатору Венгрии фашисту Хорти.

Рабочие достали толстую веревку, сделали на конце ее петлю и накинули на голову памятника. Пожилой рабочий остался у памятника и руководил действиями товарищей. По команде пожилого все дружно потянули. Памятник уцелел, но голова диктатора сорвалась и рухнула на снег. Потом венгерские рабочие ломами снесли памятник ненавистному диктатору.

Морозы становились все сильней, и к середине января Дунай замерз. Сверху он покрылся толстым слоем снега. По льду можно было ходить. Это помогало нам перебираться через линию фронта. Каждую ночь кто-нибудь отправлялся на правый берег, чтобы уточнить расположение вражеских огневых точек или оборонительных сооружений на набережной Буды. Часто с нами в разведку ходил Калганов. Раненая рука у него еще не зажила, но наш командир знал, что командованию нужны все новые и новые разведывательные данные, и сам увлекал нас своим примером. Ему было тяжело ползать по снегу, но он терпеливо переносил боль.

У немцев на нашем участке фронта появился снайпер. Он доставлял нашим много хлопот. От его пуль погибло несколько бойцов, а затем был убит командир артиллерийской батареи.

Наш снайпер Иван Авдеев, на счету которого уже был не один десяток фашистов, вызвался разделаться с фашистом. Это был тридцатилетний охотник из Ставропольского края, известный всей нашей Дунайской флотилии. Мы очень гордились, что такой человек служит у нас в разведке.

Чаще всего ему поручали прикрывать отходивших товарищей - разведчиков, возвращавшихся с задания.

Иван весь день наблюдал за вражеским снайпером. А ночью мы вместе вышли к ферме разрушенного моста. Авдеев опустился на лед, укрылся под взорванной фермой. Он установил, что фашист маскируется на первом быке и оттуда ведет огонь.

Иван так удачно замаскировался, что вскоре и я не мог его разглядеть, хотя знал, где он выбрал место. Сыпал снег, все наши следы к рассвету должно было совсем занести. А это нам как раз и надо было.

Я проводил нашего снайпера и вернулся к товарищам, а он остался до утра на льду.

Фашист был верен себе. Ровно в восемь он появился у набережной, пользуясь сумерками, спустился к реке и забрался на первый бык, где у него находилось гнездо. С площади от нас его было очень трудно заметить.

Авдеев дождался, когда стало светло. Фашист выбрал очередную жертву на площади и высунулся, чтобы выстрелить, наш снайпер опередил его. Пуля попала гитлеровцу в затылок. Он не удержал равновесия и свалился на лед. Иван Авдеев вернулся победителем. Больше фашисты на наш участок снайперов не посылали. Бои за Будапешт привлекали большое внимание. К нам часто приезжали военные корреспонденты. Чаще всего я видел Сергея Смирнова и Григория

Тарасенко. Смирнов как-то беседовал с нами, а потом появился его очерк в газете "Суворовский натиск". Григорий Тарасенко был корреспондентом газеты "Дунаец". Чем-то он очень напоминал мне моего погибшего друга Виталия Запсельского. Тарасенко тоже нас не забывал, вместе с нами ходил в разведку, всегда прихватывая с собой фотоаппарат. Он фотографировал разрушенные будапештские мосты, передовую линию, отличившихся бойцов.

О боевых действиях разведчиков нашего отважного командира Калганова он опубликовал два очерка. Они появились в январских номерах газеты "Дунаец".

Как-то после завтрака, когда Юца убирала со стола посуду, влетел к нам заместитель командира отряда разведчиков главный старшина Венедикт Андреев.

- Приехал командующий флотилией. Выходите строиться!

Неожиданное появление командующего встревожило всех нас. Что случилось?

Отряд выстроился в маленьком дворике в две шеренги. Во двор вышел Калганов. У него была перебинтована рука. На улице за низким палисадником стояла легковая машина. Из нее вышли командующий флотилией контр-адмирал Г. Н. Холостяков и старший морской начальник Будапешта капитан 2-го ранга А. Н. Шальнов. У ворот стоял наш снайпер Иван Авдеев. Он козырнул и распахнул ворота.

- Смирно! - раздалась команда нашего командира. - Товарищ адмирал, в отряде разведчиков Дунайской флотилии двадцать девять человек. Четверо в разведке, девять человек находятся на излечении в госпитале.

Командующий подошел к нам. На его лице была дружелюбная улыбка. Поздоровавшись, он стал тепло расспрашивать наших товарищей о трудностях фронтовой жизни. Напряжение, появившееся с его прибытием, быстро исчезло. Мы поняли, что перед нами заботливый старший командир, который хорошо понимает роль разведки.

Командующий поднялся в кабинет нашего командира отряда. Они беседовали с час, а потом адмирал решил лично осмотреть передовую линию. По распоряжению Калганова я и Василий Глоба пошли сопровождающими на набережную Дуная. С адмиралом вместе был и А. Н. Шальнов.

От нашего дома до набережной каких-нибудь сто метров. Впереди с автоматами в руках шли мы с Глобой, за нами командующий и Шальнов. Прошли площадь возле парламента, приблизились к разрушенному мосту Франца-Иосифа. Командующий долго осматривал разрушенный мост, потом стал изучать следующий - Маргит, ведущий на остров того же названия. Потом он внимательно оглядел правый берег, где засели фашисты.

Я и Глоба очень опасались, что вражеские снайперы смогут заметить нашу группу. Но все обошлось благополучно.

Перед отъездом адмирал сказал нашему командиру:

- Я доволен действиями наших разведчиков. Представьте наградные листы на отличившихся...

Обстановка в Будапеште менялась с каждым днем. Штабу требовались новые разведывательные данные. Поэтому на следующий день наш отряд, разбитый на три группы, был направлен на

передовую. Я попал в группу под командой Алексея Гуры. Кроме меня, там был Павел Неверов и Любиша Жоржевич. Нас направили в северную Буду. Днем мы вели наблюдение за обороной противника, а ночью переходили линию фронта и собирали разведывательные данные в глубине его обороны. Два раза в сутки эти сведения мы доставляли Калганову. Обычно с пакетом направляли меня. Моим старшим товарищам было около тридцати, а я был моложе их на двенадцать лет. И бегать из Пешта в Буду и обратно мог значительно резвей.

Советское командование готовило наступление, чтобы разгромить противника, засевшего в Буде, и ликвидировать его окруженную группировку. Для этого нужны были новые разведывательные данные. Их должны были получить наши разведчики во главе с нашим командиром Калгановым.

Предприняли несколько попыток пробраться к Королевскому дворцу, но все они не увенчались успехом.

...Как-то, находясь в разведке, Калганов провалился ногой в канализационный люк. Этот случай навел находчивого командира на мысль пробраться в тыл врага под землей, по канализационной системе. Но для этого надо знать ее устройство. Надо найти схему городской канализации, а где взять ее?

Начались поиски. На помощь нам снова пришла венгерская девушка Мари Кочиш. Она нашла специалиста. Это был пенсионер, бывший служащий Будапештского муниципалитета, инженер по эксплуатации канализационной сети. Приглашенный к Калганову инженер спросил:

- Чем могу быть полезен?

Калганов объяснил, что нам нужно. Старый инженер понимал, для чего требуется советскому офицеру схема канализации, и охотно согласился помочь нам.

Никто из разведчиков не сомневался в искренности этого патриота, но всех беспокоила одна мысль: сможет ли инженер по памяти восстановить схему канализационной сети. Ведь стоит ему допустить хотя бы одну ошибку, и интересно задуманная операция обречена на провал. Да и разведчики под землей могли оказаться в западне. Но инженер работал уверенно. Вычерчивая схему, он часто останавливался, внимательно рассматривал начерченное, отмечал карандашом выходные люки, указывал диаметр труб и снова продолжал чертить. Наконец работа была закончена. Мы получили то, что нам было нужно. По схеме инженера был составлен план вылазки двух групп в тыл врага.

Командование флотилии утвердило этот план. Было решено, если разведка будет успешной, на следующий день послать к Королевскому дворцу подразделение морских пехотинцев. Четырех из них (будущих проводников) прислали к нам для участия в разведке.

Для тренировки мы прошли под землей по канализационным трубам метров двести. Из колодца вылезли утомленные, точно проделали большой марш. Эта разведка наглядно показала, что подземный рейд к Королевскому дворцу будет трудным. Поэтому старший лейтенант Калганов отбирал самых выносливых разведчиков.

Из оружия каждый из нас имел автомат с запасными дисками, пистолет, несколько ручных гранат, нож. И, конечно, противогаз, без которого немыслимо было идти по канализационным трубам.

Подошел назначенный час - 20.00. Мы движемся по главной улице, она пуста. Мостовая изрыта воронками, телеграфные столбы тут и там повалены и преграждают нам дорогу. Легкий мороз

пощипывает щеки, крупными хлопьями падает снег. В окнах домов мрак. И не понять: безлюдны ли дома или просто люди там притаились, опасаясь за свою жизнь. Подошли к разбитому танку, за которым находился люк. Приоткрыв крышку в канализационную сеть, Калганов первым спустился в глубокий каменный колодец. Вслед за ним пошли восемь разведчиков и четыре пехотинца. Охранять люк остались трое. Мы двинулись вперед. Диаметр трубы не больше метра. Идти в полусогнутом состоянии трудно. Соблюдая полную тишину, мы продвигались без задержки. В некоторых местах труба сужалась. Тогда приходилось буквально ползти, погружаясь в холодную сточную воду. Чтобы не замочить сумку противогаза и автомат, держали их над головой.

Прошли уже знакомые 200 метров. Здесь ничего не изменилось. Да и дорога вроде показалась короче. Вскоре мы уже были в тылу противника. Временами Калганов на несколько секунд включал электрический фонарик. Из предосторожности он направлял зеленый луч не вперед, а на стенку трубы, командир рассматривал схему, смотрел на часы. Последним за нами следовал связист. Он нес телефонный аппарат и катушку с проводом. В штабе следили за нашим продвижением. Там с нетерпением ждали наших сообщений о первых наблюдениях.

Прошло два часа. Казалось, конца не будет этому нелегкому пути. Под землей стояла тьма. От нее, глубокой тишины, тесноты труб и изнуряющего зловония ощущение было не из приятных. Связист негромко докладывал командованию о нашем продвижении. Но вдруг связь с командным пунктом прервалась. Связиста послали исправлять связь. К сожалению, беда не приходит одна. Морской пехотинец, который нес два противогаза для будущих "языков", сдал первым и начал отставать. Он задыхался, с трудом поспевал за нами. В конце концов совсем выбился из сил. Тащить его с собой не имело смысла. Нам нужно было готовиться к предстоящей схватке с фашистами. Поэтому морского пехотинца отправили назад. Но в спешке никто не догадался забрать у него запасные противогазы.

С большой осторожностью, стараясь не шуметь, проходили мы под люками. Как опытный спортивный тренер, командир наш старался экономно расходовать силы бойцов. Под люками он устраивал короткие передышки. В пути часто встречались разветвления. На очередном перекрестке Калганов остановился, он простоял над схемой дольше, чем обычно, а потом негромко скомандовал:

- Группа Андреева, влево!

Сам он с оставшимися пошел направо.

Я входил в группу Андреева. Нас было шесть человек. Мы знали, что от развилки до выхода осталось пройти совсем немного. Шли молча. Вдруг Андреев остановился и осторожно выпрямился во весь рост. "Колодец", - мелькнула радостная мысль. Я сделал шаг вперед и тоже с большим наслаждением выпрямился. Было так приятно стоять во весь рост. Болела спина, колени ног и мышцы шеи. Мы сняли противогазы, убрали их в сумки. Тяжелый запах затруднял дыхание. Но здесь было легче дышать. Десять минут второго. Значит, мы шли по трубам три часа сорок минут. График подземного движения, составленный командиром, оказался выдержанным.

Люк, под крышкой которого мы стояли, находился в тылу у немцев - немного севернее Королевского дворца, недалеко от церкви Магдалины. По металлическим скобам, вбитым в стену колодца, я взобрался наверх, приложил ухо к крышке. Все было тихо. По команде Андреева попробовал было открыть люк, но тщетно: крышка примерзла. Поднатужился, нажал сильнее - результат тот же.

На ржавых согнутых скобах скользили ноги. Рослый морской пехотинец подошел, согнулся, подставив мне для помощи свою спину. Одной ногой я уперся в его плечо. Положение сразу стало устойчивей. Но люк не поддавался. Что было делать? Кто-то предложил ударить по крышке. Мысль хорошая, но шум может привлечь фашистов.

Я снял с шеи толстый шарф, обернул им приклад нанес по крышке короткий удар. Она вздрогнула, загудела и поддалась.

Наверное, все у нас вздохнули с облегчением. Половина задания выполнена.

После непроглядной темени под землей ночь показалась очень светлой. Выглянув, я увидел, что люк находится в конце небольшого переулка, выходящего на Площадь. Даже отсюда видны были вражеские пушки. Значит, где-то рядом находятся и часовые. Нужно быть очень осторожным. Шел снег. Он мог нам помочь.

Андреев подал знак, и мы трое - он сам, Глоба и я : - бесшумно выскользнули из люка и тихо опустили за собой тяжелую крышку. Как резерв нашей группы в колодце остались Коцарь, Гура и морской пехотинец. Прижавшись к дому, наблюдаем за площадью. Неторопливо пошли вперед. С наслаждением дышали чистым морозным воздухом.

Осмотревшись, для засады перешли в темный подъезд пустого дома. Именно оттуда можно пройти к люку с пленным незамеченными. Вскоре в переулке показался человек. Он направлялся в нашу сторону. Падал редкий снег, но все же мы рассмотрели, что шел гитлеровский солдат. Такой "язык" нас не устраивал. Он прошел мимо нас и исчез в подъезде соседнего многоэтажного дома. Туда уже несколько раз входили фашисты.

Время шло, а на улице было тихо и безлюдно. Андреев нетерпеливо поглядывал на часы. Скоро нужно будет отходить, а мы не выполнили задание полностью. Но вот в том же подъезде раздался шум и вышли двое. "Неужели не повезет и это опять простые солдаты?" - думал я с опаской. Но тут же различил офицерские фуражки и приготовился к броску.

О чем-то оживленно разговаривая, они приближались. Один - среднего роста, полный, в черном кожаном пальто, второй - высокий, в офицерской шинели. Гитлеровцы прошли в подъезд. Андреев подал команду, и мы набросились на них.

Прикладом автомата я нанес удар по голове тому, что был в кожаном пальто. Он тут же свалился на землю. Андреев всунул ему в рот кляп и ловко связал руки. Зато высокий яростно сопротивлялся. Мы бросились на помощь нашим товарищам. Удар Глобы - и гитлеровец тоже свалился на землю.

Глоба взвалил себе на плечи высокого гитлеровца. За ним Андреев тащил на себе офицера в кожаном пальто. Мне приказали идти сзади.

От подъезда к люку мы проскочили незамеченными, хотя шум борьбы, будь немцы бдительней, они бы, наверное, услышали. Но фашисты были уверены: в их тылу советские разведчики не могли появиться. Андреев открыл крышку, спустил в колодец толстого в кожаном пальто, которого бережно приняли поджидавшие наши товарищи. Глоба осмотрел второго, убедился, что он мертв, и сбросил его вниз, а потом спустился сам. За ним последовал Андреев. На правах замыкающего я осмотрел переулок. Все было тихо, и только уроненная офицерская фуражка лежала на тротуаре.

Андреев включил фонарик и навел луч на пленного. В глазах фашиста был ужас. Он был ошеломлен и никак не мог прийти в себя. Андреев вытащил кляп из его рта и сказал, чтобы я объяснил пленному: ему будет гарантирована жизнь, но для этого придется некоторое расстояние пройти с нами по трубам канализации. Кажется, это известие несколько приободрило фашиста.

Захваченный офицер оказался майором из штаба бригады штурмовых орудий. При свете фонарика мы проверили его документы, убедились, что он дал точные показания о своей личности. Его убитый товарищ был эсэсовцем.

Задание выполнено. Пора возвращаться. Первым нырнул в трубу наш командир. За ним последовали остальные. Видя, как тяжело дышит пленный, я отдал ему свой противогаз. Майор шел между Глобой и мной и все больше отставал. Глоба не оглядывался. Без противогаза я начал задыхаться. Хотел фонариком подать сигнал, но он не зажигался, а кричать или стрелять было рискованно. От зловония слезились глаза, тошнило, кружилась голова. Я надеялся, что товарищи заметят, что я отстал. Так и получилось. Глоба дождался меня и подал свой противогаз. По очереди пользуясь одним противогазом, так и дошли до развилки, где нас ждала группа Калганова. Они тоже возвращались с "языком" - с обер-лейтенантом. Перед командиром была нелегкая задача - вывести разведчиков и пленных до рассвета на поверхность. Мы все основательно вымотались. Беспокоились и за пленных. Обер-лейтенант шел бодро, а вот наш майор даже в противогазе явно сдавал.

Калганов всех поторапливал, но в пути делал короткие передышки. В конце пути майор больше не мог идти, и нам пришлось тащить его. Обрадовала весть, что до люка осталось всего сто метров. Шли, падая в холодную воду. У некоторых от напряжения шла кровь из носа. И все-таки дошли.

Наши разведданные и полученные от "языков" сведения сыграли свою роль в подготовке окончательного штурма Королевского дворца.

На следующий день к вражескому подбитому танку подошла рота автоматчиков из 83-й бригады морской пехоты. Это были участники боев на Черном море и на Дунае. Калганов послал нас с Глобой, чтобы проследить, как они уйдут по канализационным трубам. Впереди шли те два рослых пехотинца, которые прошлой ночью ходили с нами в тыл врага. Десантники, надев противогазы, один за другим спускались в люк. Вот и последний из них нырнул под землю. Охранять вход остались четверо. Мы все надеялись, что и на этот раз рейд пройдет успешно, но получилось иначе. Довольно скоро у люка послышался шум, мы открыли люк, и морские пехотинцы один за другим вернулись назад.

Они срывали противогазы и, тяжело дыша, жадно ловили свежий воздух. Оказалось, что отряду удалось пройти только до первого разветвления метров двести. Видимо, в такой духоте столь большая группа двигаться не могла, и командир принял решение возвращаться.

8 февраля к нам на улицу Марии-Луизы неожиданно приехал капитан 2-го ранга Шальнов. Перед строем разведчиков он объявил, что за успешный рейд в тыл врага и за захват ценных пленных наиболее отличившиеся представлены к правительственным наградам. Помедлив, капитан 2-го ранга добавил:

- Как вы понимаете, правительственные награды даются не сразу. А вот одного из разведчиков, участвовавших в рейде, мы можем отметить уже сейчас. Как нам стало известно, среди вас есть

человек, занимавшийся в мотоклубе. Старшего краснофлотца Чхеидзе награждаю трофейным мотоциклом марки ДКВ.

Тут же перед строем мне было вручено удостоверение на право вождения этого мотоцикла.

Трудно передать эту неожиданную радость. С лица у меня не сходила улыбка. Еще в Тбилиси, когда я занимался мотоциклетным спортом, я мечтал иметь свой мотоцикл. Но машин у нас в то время было мало, да и стоили они изрядно. А когда началась война, я даже не смел больше мечтать о мотоцикле.

И вдруг в Будапеште я стал владельцем мотоцикла, новой и сильной машины. Его дали как награду за боевые заслуги.

Мне казалось, что я самый счастливый человек на свете в эти минуты.

Я часто доставал из кармана новенькое удостоверение и снова и снова читал его. Уже наизусть знал, что в нем написано.

"Выдано водителю тов. Чхеидзе Алексею А. войсковой части пп 90757 в том, что за ним закреплен мотоцикл No 34 (No Ф-74-03-52).

Подпись водителя...

Командир части капитан 2-го ранга Шальное".

(Сейчас этот документ находится в Центральном музее Вооруженных Сил.)

Ожесточенные бои за Будапешт продолжались. Но чувствовалось, что они приближаются к концу. Хотя фашисты упорно сопротивлялись, наши части продвигались вперед.

Однажды нашу четверку - Гуру, Жоржевича, Глобу и меня - вызвал к себе наш командир отряда. Я слышал, что после рейда по канализационным трубам у него воспалилась ра"а на руке. Калганов за эти дни сильно похудел и побледнел. С первого взгляда было видно, что он нездоров.

- Дни вражеской группировки в Буде сочтены. Через несколько дней она будет уничтожена. Но фашисты не будут сложа руки ждать этого. Они попытаются прорваться из окружения, скорее всего этот прорыв будет в направлении Эстергомской группировки противника, тем более что до нее небольшое расстояние. Ваша задача - тщательным наблюдением за передним краем обнаружить скопление противника и доложить об этом мне. Сегодня же ночью приступите к выполнению задания.

Наша группа решила обосноваться в домике тетушки Илонки. Эта сорокалетняя одинокая женщина была ткачихой на будапештской фабрике. Она предложила разместиться в ее доме на острове Маргит, а сама перешла в маленькую избушку на огороде.

В доме находился наш разведчик Павел Неверов. На небольшом круглом столе в подсвечнике стояла свеча. На окне висела толстая черная штора. В комнате было очень чисто и очень опрятно. Тетушка Илонка мебельных гарнитуров не имела.

Неверов доложил Гуре обо всем замеченном за последнее время.

Здесь же за столом наш старший решил разведку производить двумя группами, обследуя по два километра побережья. В 24 часа вышли, оставив в доме Неверова. Мы с Алексеем Гурой направились по набережной в одну сторону, Любиша Жоржевич и Василий Глоба - в другую.

Этот участок нам был хорошо знаком. Мы изучили улицы и переулки в нейтральной полосе. Жителей в них не было. Зато дальше, где проходила передовая, все дома были заняты фашистами.

Мы с Гурой все время ползли. На нейтральной полосе выбрали дом, в котором мы уже бывали несколько раз. Отсюда хорошо просматривалась линия вражеской обороны. Фашисты не спали. Шел снег, и, опасаясь, что советские войска могут нанести внезапный удар под покровом темноты, они все время освещали местность ракетами.

В дом тетушки Илонки вернулись под утро. Скоро пришли и Василий Глоба с Любишей Жоржевичем. Обменялись собранными сведениями и установили, что на нашем участке фашисты подтянули к линии фронта два батальона пехоты, здесь же были выявлены две минометные батареи и бронетранспортер. А еще дальше было замечено значительное скопление вражеских войск, в том числе танков и самоходных орудий.

Эти части сосредоточивались против нашей 180-й стрелковой дивизии. Можно было предполагать, что именно там будет нанесен главный удар.

В семь утра тетушка Илонка принесла нам чай. Пока мы завтракали, Гура написал боевое донесение.

Мне он поручил вести дневное наблюдение за противником. Просидел на посту целый день. Наступил вечер. Я изрядно продрог и направился к дому тетушки Илонки. В это время у шестиэтажного дома раздались взрывы и автоматные очереди. Подумал, что фашисты предприняли наступление, побежал к дому. Во дворе Лежало человек пять убитых, в том числе и два венгерских воина. Раненых кто-то перевязывал. Несколько советских и венгерских солдат вели из автоматов огонь. Стреляли они куда-то вверх.

Выскочил капитан - командир батальона. Он на ходу давал распоряжения. Взвод автоматчиков с оружием устремился по лестнице.

Выяснилось: группа вражеских автоматчиков, стремясь вырваться из окружения, проникла на крышу дома, бросила на наших бойцов несколько гранат и, пользуясь суматохой, пыталась продвинуться дальше. Но паники не произошло. Автоматчики поднялись на крышу, завязался бой. Фашисты уйти не смогли.

Вскоре я уже был в доме тетушки Илонки. Доложил Гуре результаты дневного наблюдения.

- Ложись отдыхать. А на разведку мы сегодня пойдем втроем.

- Какой тут отдых, раз обстановка такая напряженная. Да и Павел Неверов не вернулся от командира.

- Не засни только на набережной, - пошутил Гура. И тут же запел нашу любимую:

Жили у бабуси

Два веселых гуся!

Мы с Глобой радостно подхватили:

Один белый, другой серый,

Два веселых гуся!

Это было уже проверено неоднократно: шуточная песенка сразу же снимала нервное напряжение. И потому наши разведчики так любили именно ее.

Забегая вперед, скажу. Спустя пятнадцать лет после войны мы, разведчики, и с нами уважаемые наши начальники - командующий флотилией и начальник штаба выступали в зале Московского государственного университета. На встрече присутствовали многие корреспонденты центральных газет. После встречи они окружили нас. Я беседовал с корреспондентами "Комсомольской правды" Тамарой Кутузовой и Александром Краминевым. Среди других был у них ко мне и такой вопрос:

- Какую песню дунайские разведчики пели чаще всего?

- Чаще всего "Два веселых гуся".

Корреспонденты рассмеялись, сказали с упреком:

- Мы вас серьезно спрашиваем.

Пришлось доказывать, что шутка, веселая песенка на фронте были просто необходимы. Вот мы и пели про гусей. Не знаю, удалось ли убедить корреспондентов. Но это было именно так.

Как-то нам с Василием Глобой удалось заметить, как накапливались фашисты для атаки. Мы успели перебежками отойти от нейтральной полосы и предупредили об этом командира батальона, который размещался в шестиэтажном доме. Капитан сразу взялся за полевой телефон и поблагодарил нас за своевременное предупреждение. Во дворе мы увидели венгерских солдат Будайского полка. Они готовились к бою. Нам надо было возвращаться, но на улице стали часто рваться вражеские мины.

Венгерские бойцы заняли оборону за баррикадой в конце улицы. Мы с Василием Глобой тоже решили остаться и отбивать атаку противника.

Минометный обстрел продолжался, но мины ложились за нами, не нанося потерь. Чувствовалось, что вот-вот последует атака пехоты. Так оно и вышло. Сперва показался бронетранспортер, а за ним цепью - вражеская пехота.

Пулеметчики из-за баррикады открыли огонь по бронированной машине. Но сделать ей ничего не могли. Они только преждевременно обнаружили себя. Два взрыва раздались на баррикаде. Наш пулемет смолк. А когда облако рассеялось, то стало видно, что в баррикаде брешь, пулемет лежал засыпанный кирпичами, а его прислуга вышла из строя.

Бронетранспортер был уже совсем близко. Кто-то из венгерских товарищей бросил противотанковую гранату. После взрыва транспортер остановился, хотя внешне он казался целым. Но это не смутило фашистских автоматчиков. С громкими криками, ведя огонь из автоматов, они кинулись на баррикаду.

По сигналу наши венгерские товарищи открыли яростный огонь из всех видов стрелкового оружия. Мы с Василием тоже стреляли.

Вражеская атака сразу захлебнулась. До взвода фашистов уже лежало на мостовой. Многие из них не двигались.

Я увидел, как поблизости упала и покатилась в сторону граната с длинной деревянной ручкой. Конечно, хорошо было бы бросить ее обратно, но она откатилась к тротуару. Можно было не успеть ее подобрать.

Венгерские солдаты тоже пустили в ход гранаты. Ими командовал высокий офицер с забинтованной головой. Вражеские мины наносили нам заметный урон. Уже часть венгерских солдат была ранена. Некоторые были убиты. А фашисты все шли и шли. Наверное, нам бы долго не удержаться на этой полуразрушенной баррикаде, если бы командир батальона из шестиэтажного дома не прислал подкрепление.

Прибывшая рота автоматчиков с двумя станковыми пулеметами помогла нам удержать баррикаду и не пропустить фашистов. К утру бой стих.

Мы с Глобой вернулись в дом тетушки Илонки. Гура и Жоржевич уже ждали нас. Алексей Гура на правах старшего сделал нам замечание. Оборонять баррикаду нам никто не поручал. Он был, конечно, прав. Но разве можно было уйти, оставив боевых товарищей из Будайского полка, ведущих бой?

На следующий день Гура и Жоржевич опять заметили значительное скопление вражеских солдат. Видимо, фашисты снова готовились к прорыву. Так оно и оказалось. Ночью 12 февраля окруженный в Буде вражеский гарнизон нанес мощный удар по обороне 180-й стрелковой дивизии.

Пока наш старший готовил очередное разведывательное донесение, вернулся от Калганова Неверов. Наш командир срочно вызывал к себе меня и Глобу.

- Я вас направлю в штурмовой отряд прапорщика Альберта Кёссеги. У него все подчиненные - спортсмены. Вот вы вместе с ними и будете пробиваться к Королевскому дворцу.

Мы были рады, что направлены в отряд знакомого человека, с которым уже неоднократно встречались.

В отряде Кёссеги нас встретили как старых друзей.

После артиллерийской подготовки в 17 часов начался штурм. Будайский полк и 83-я Краснознаменная бригада морской пехоты пошли в наступление. Ими командовали командир бригады морской пехоты полковник Л. К. Смирнов и командир Будайского полка подполковник Варихази. У морских пехотинцев вперед наступал 305-й батальон морской пехоты под командованием майора Мартынова. Во время штурма отличились разведчики этого батальона: Герой Советского Союза Петр Морозов, Дмитрий Вонлярский, Григорий Джорбинадзе, Василий Струтц и Тофик Ахундов. Впереди Будайского полка первым поднялся в атаку штурмовой отряд Альберта Кёссеги. Под огнем противника рядом с ним бежали Калганов и Глоба. Я шел вместе с Яношем Секерешем и Дюркой Тотом. За нами двигалась венгерская рота, среди которой с автоматом наступала и единственная девушка в полку, Дерескаль Шандорнэ.

Штурмовой отряд вел наступление на новый квартал, но путь им преградил большой дот с пулеметом. Дальше улицу пересекала кирпичная баррикада, за которой укрылись вражеские автоматчики. Пулеметчики из дота с малой дистанции открыли огонь. Упали и больше не поднялись несколько венгерских солдат. Янош Секереш вырвался вперед и бросил гранату. Пулемет замолчал. Это позволило венгерским солдатам продолжить наступление. Я видел, как идущие впереди бросали гранаты в баррикаду. В их числе был и Глоба. Клубы пыли и снега прикрыли ее, а когда они рассеялись, огонь из-за баррикады сразу ослаб. В кирпичной стенке виднелись проломы, а на улице валялось несколько вражеских трупов.

Отряд Кёссеги стремительно продвигался вдоль улицы. Теперь по нему фашисты открыли огонь из шестиствольных минометов. Мины ложились кучно. От близкого нового разрыва меня швырнуло в сторону. Янош и Дюрка на ногах не устояли. Я подбежал к друзьям, присел перед ними.

- Дюрка, Дюрка...

Но смертельно раненный Дюрка не отвечал. Янош тоже был тяжело ранен. Кровь заливала его голову. Осколки попали в руку, ногу, грудь. Он был без сознания. Оттащив друга к стенке дома, я быстро перевязал ему голову. Мертвого Дюрку передал венгерским солдатам, а раненого Яноша я понес в тыл. На мое счастье, скоро увидел нашу санитарную машину.

Сдав раненого, вернулся в отряд Кёссеги. Он продолжал наступление, продвигаясь к Королевскому дворцу. Будайский полк, несмотря на большие потери, наступал успешно. Во многом его успеху способствовал штурмовой отряд Кёссеги. В этом бою неотступно следовали вперед, показывая пример бесстрашия, Батори Бела, Ахел Дюла, Ласло Ференс, Варга Габор, Бурка Эндрэ. Мы, трое разведчиков, не отставали от наших боевых друзей. Вот уже впереди виден Королевский дворец. В это время, получив тяжелое ранение, упал на землю Виктор Калганов.

Росли наши потери, и все меньше и меньше метров оставалось до цели нашего наступления. В ночь на 12 февраля Оскар Варихази ввел в бой свежие силы. Его заместитель Арпат Панграц лично повел в бой резервный батальон. Боевые корабли Краснознаменной Дунайской флотилии огнем корабельной артиллерии поддерживали наступающих.

Наконец морские пехотинцы 83-й бригады и бойцы Будайского полка ворвались в Королевский дворец, сопротивление противника было сломлено.

Утром 13 февраля, после боев за Будапешт, продолжавшихся три с половиной месяца, в городе прекратилась канонада и наступила тишина. Из подвалов выходили уцелевшие жители. Они плакали от счастья, благодарили нас - советских воинов, принесших освобождение венгерской столице.

Запомнился мне еще один эпизод в Будапеште. На следующий день в Буде у горы Геллерт (теперь гора Свободы) собрался весь Будайский полк. Мы, разведчики, тоже были приглашены на эту встречу. Ряды полка заметно поредели. Я стоял в строю рядом с Альбертом Кёссеги.

В наступившей тишине прозвучали слова Оскара Варихази:

- Дорогие боевые друзья! Во время боев за освобождение нашей столицы Будапешта наш Будайский полк понес значительные потери. Но они были не напрасны. Мы, венгры, плечом к

плечу с советскими воинами боролись против фашистов. Совместно пролитая кровь навеки скрепила дружбу наших народов. Спасибо советским воинам-освободителям!

Вскоре начальник штаба флотилии поручил нам произвести разведку всех взорванных мостов и найти проход для кораблей Дунайской флотилии.

Разведчики были разделены на несколько групп. Нашей четверке (Глобе, Жоржевичу, Гуре и мне) поручено было обследовать цепной мост, который подходил с севера к острову Маргит.

У нас была шлюпка. Мы вооружились длинным шестом и делали промер в районе моста. (После войны здесь был построен новый мост.) Наша цель - обнаружить подводные препятствия, которые могли помешать проходу кораблей флотилии. Работа предстояла нелегкая, на холодном ветру. Находились мы на шлюпке до позднего вечера. Потом возвращались в дом тётушки Илонки. Сразу же заваливались спать, но ко мне сон не шел.

Небольшая контузия, полученная при штурме Королевского дворца, давала себя знать. Заботливая тетушка Илонка заметила, что я нездоров, и предложила сходить к профессору Масонию Ласло, который жил неподалеку от нашего дома. Тетушка вызвалась проводить меня к нему.

День был пасмурный. Всюду стояли лужи. И Дунай, серый, хмурый, нес к устью всякую рухлядь, обломки досок и бревен.

На улице было многолюдно. Приятно было видеть, как город возвращался к мирной жизни. Но на каждом шагу война напоминала о себе воронками на улице и тротуарах, разрушенными стенами домов.

Мы свернули на какую-то улицу, ведущую к Дунаю, и подошли к одноэтажному дому, где жил профессор. Дверь нам открыла женщина. Она попросила подождать в приемной, так как профессор принимал раненого советского офицера. Мы присели на диван. Здесь же лежал офицерский китель с погонами подполковника.

Вскоре из кабинета вышел подполковник с забинтованной грудью. Он набросил себе на плечи китель. И сказал еще:

- Профессор Ласло чудесный доктор. Он помог уже нескольким советским воинам. Чтобы не ложиться в госпиталь, приходится пользоваться его помощью.

Сорокалетний профессор с энергичным приветливым лицом, поговорив с тетушкой Илонкой, стал расспрашивать меня о болезни. Я начал понимать венгерский язык, но говорить на нем, конечно, не мог, поэтому стал объяснять, что произошло со мною, по-немецки. Сказал, что после контузии появились головные боли и бессонница.

Профессор внимательно осмотрел меня, выписал какие-то таблетки, сделал укол в руку и сказал, что трое суток надо ходить к нему на уколы.

Я лечился старательно, и вскоре головные боли и бессонница прошли.

После войны я разыскал профессора Ласло и восстановил с ним переписку. Живет он по-прежнему в Будапеште, работает в поликлинике, тепло вспоминает советских воинов-освободителей. Несмотря на солидный возраст, профессор Масоний Ласло сохранил большую

работоспособность. У него хорошая память. В день освобождения Будапешта от него обязательно приходит поздравительная открытка.

В Венгрии у нас осталось немало друзей, в числе их и профессор Ласло.

Во второй половине февраля мы, разведчики, продолжали обследование разрушенных мостов. Фашисты разрушили не только мосты, но и железную дорогу, а Дунай заминировали.

Ответственную работу предстояло выполнить тральщикам флотилии первого дивизиона, которым командовал капитан-лейтенант Гриценко. И они с этим заданием успешно справились. Дунай был очищен, от мин.

Из Советского Союза венгерскому населению пришла помощь. Сюда было доставлено топливо и продовольствие, медикаменты и строительные материалы.

Помню, как дружно население очищало улицы от завалов, с какой гордостью вставляли стекла. В домах вскоре появился газ и электричество. Начали работать магазины и столовые, школы, больницы и клубы.

В марте советские инженерные части буквально в считанные дни построили деревянный мост на Дунае через середину острова Маргит. По нему с утра и до поздней ночи потянулся сплошной поток возвращавшихся в столицу жителей. Через него шли автоколонны с грузами.

Гура вручил мне пакет с донесением об обследовании будапештских мостов и приказал его доставить старшему морскому начальнику капитану 2-го ранга Шальнову. Мы с Жоржевичем вышли вместе. На набережной сели в шлюпку. Любиша взялся за весла. Я сидел на корме как пассажир. Шлюпка подошла к левому берегу у площади парламента. Я махнул рукой другу на прощание. Ему предстояло возвращаться обратно.

Старший морской начальник размещался близ Западного вокзала. Капитан 2-го ранга при мне вскрыл пакет, прочел и остался доволен нашей работой. Тут же он приказал доставить донесение начальнику штаба флотилии. Я уже собирался уходить, когда Шальнов открыл ящик письменного стола и протянул мне металлическую пластинку.

- Вчера из военной автоинспекции получил для твоего мотоцикла номер. Теперь ты сможешь на нем разъезжать по всем правилам.

В марте наши разведчики обследовали фарватер Дуная выше Будапешта. Удалось найти безопасный проход для кораблей, отметить его на карте. Каждое утро я на своем мотоцикле со служебным пакетом уезжал из Буды на левый берег венгерской столицы. И каждый раз в Пеште навещал нашего раненого командира Калганова. Он находился в очень тяжелом состоянии.

Пришел приказ двигаться дальше. Утром 9 марта я заехал за студенткой Мари Кочиш. Эта венгерская девушка очень помогла нам во время боев за Будапешт. Мы считали ее своею. Поэтому и прощаться с Калгановым решили заехать вместе.

Я заехал за Мари на мотоцикле. Она очень обрадовалась, разыскала где-то цветы, и вскоре мы покатили к госпиталю.

Дежурная в вестибюле уже знала нас. Она выдала халаты и разрешила пройти на второй этаж. Калганов лежал у окна в маленькой палате. Переломанная правая нога его была в гипсе. Раненая

грудь и рука перевязаны бинтами. Вдобавок воспалилось и старое осколочное ранение в голову. Наш командир лежал бледный и похудевший, но он не спал. Услышав шорох рядом, открыл глаза. Мы с Мари приблизились к кровати. Увидев нас, старший лейтенант обрадовался. Он почти шепотом поздоровался с нами.

Мари нашла пустую стеклянную банку, из графина налила в нее воду. Подвинула букет поближе к изголовью. По-русски она говорила плохо, но все-таки сказала на ломаном языке:

- Виктор Андреевич, эти цветы вам от нас Алешей.

Калганов пересохшими губами ответил:

- Спасибо.

Я достал сверток с таблетками, которые предварительно успел заполучить у доктора Ласло.

- А вот эти таблетки помогают сбить жар. Это лекарство прислал вам профессор Масоний Ласло. Он очень хочет, чтобы вам стало легче и вы быстрее поправились.

Калганов был тронут. Мы с Мари уселись на один стул, так как второго в палате не было. Наш командир расспрашивал обо всех подробностях отрядной жизни. Но я заметил, что говорить ему было очень трудно. Поэтому решил больше не утомлять его и сказал, что завтра разведчиков перебрасывают под Эстергом.

Скоро мы расстались.

Наш отряд разведчиков сильно поредел. Командир, парторг Максименко и многие боевые товарищи оставались в госпиталях Будапешта. В отряде из сорока двух человек находилось только девятнадцать. Волновало, кого-то пришлют вместо Калганова? Решился этот вопрос очень удачно. Как я уже писал, начальник штаба флотилии лично руководил разведкой, поэтому он решил назначить командиром группы разведчиков нашего комсорга, двадцатипятилетнего Алексея Гуру. Он пользовался у нас большим авторитетом. Все мы его хорошо знали, поэтому его назначение встретили с большим подъемом.

10 марта наша группа разведчиков на грузовой машине выехала на фронт. Как ни жалко мне было расставаться со своим мотоциклом, пришлось оставить его в гараже у старшего морского начальника. У нас остался один полуглиссер. На нем-то мы трое, Василий Глоба, Любиша Жоржевич и я, ушли вверх по Дунаю к Эстергому.

В сорока километрах от Будапешта на живописных берегах Дуная раскинулся старинный венгерский город Эстергом. В начале марта 1945 года он все еще находился в руках фашистов. Противник упорно цеплялся за землю Венгрии и Австрии. Недаром же говорили, что якобы Гитлеру принадлежит фраза: "Я лучше сдам Берлин, чем сдам Вену". Объяснялось это тем, что из Венгрии фашисты надеялись получить запасы горючего, а в Австрии были расположены многие заводы авиационной и танковой промышленности.

На подступах к Эстергому на правом берегу находилась 83-я бригада морской пехоты, на левом берегу располагались Береговой отряд сопровождения и наша группа разведчиков. Командовал отрядом теперь майор Я, Д. Пасмуров, сменивший заболевшего подполковника И. Б. Яблонского. Здесь неожиданно я встретил своих боевых друзей - Алексея Карпова, Катю Михайлову и старшего лейтенанта Ивана Тимофеевича Кочкина.

Эти герои илокского десанта, не дожидаясь, когда заживут их раны, выписались из госпиталя и снова вернулись в свою часть. Вернулся на фронт и главный старшина Григорий Григорович.

Здесь же я встретился и с еще одним боевым другом, лейтенантом Павлом Ивановичем Кирсановым. Теперь он командовал ротой морской пехоты.

Под Эстергомом произошла и встреча с медсестрой Верой Ивасишиной. Она познакомила меня со своими подругами - симпатичной гречанкой Катей Стефаниди из Симферополя и с очень смелой девушкой Клавой Прокофьевой. Настроение у всех было приподнятое. Все горели желанием побыстрее разгромить фашистов на Дунае и тем самым приблизить праздник Победы.

В частях теперь часто можно было встретить командующего флотилией адмирала Холостякова, начальника политуправления капитана 1-го ранга Панченко, начальника штаба флотилии. По всему было видно, что готовятся большие события.

Мы, разведчики, каждую ночь ходили в разведку. 15 марта нам было приказано переправиться на правый берег Дуная у Эстергома и произвести разведку набережной в районе разрушенного Эстергомского моста.

В полночь наш полуглиссер отошел от левого берега. Предстояло пройти по реке километров пять в тыл врага, чтобы достичь намеченного района.

Я сидел за рулем. Рядом находился командир группы Алексей Гура, на заднем сиденье трое с автоматами в руках - Василий Глоба, Любиша Жоржевич, Григорий Коцарь.

Разведчики внимательно осматривали берега. На них находились немцы. Ночь стояла темная. Она укрывала наш полуглиссер, но одновременно мешала вести наблюдение. Прошли остров, расположенный в пяти километрах от разрушенного моста. Дунай здесь широк. И надо смотреть в оба, чтобы не попасть в ловушку. Впереди показалось темное пятно. Это были развалины большого железнодорожного моста, который фашисты взорвали, чтобы преградить путь советским кораблям. Подорваны были огромные быки. Над самой водой возвышались ажурные переплеты стальных ферм. Где уж тут найти проход для кораблей, если даже нашему полуглиссеру отыскать лазейку было очень трудно!

Гура скомандовал делать поворот вправо. Мы сбавили скорость и осторожно, опасаясь напороться на подводные препятствия, двинулись вдоль обрушенной фермы к правому берегу. Полуглиссер - легкое суденышко. Малейшей пробоины достаточно, чтобы отправить его на дно. А кругом враги. Надо было быть предельно осторожными.

Мы дошли до первого быка. Гура и Глоба ухватились за стальную ферму, возвышавшуюся над водой. Я выключил мотор. Разведчики быстро пришвартовали полуглиссер.

- Несколько минут мы наблюдали за правым берегом. Но там было все спокойно. Видимо, фашисты не заметили нас. Затем Гура скомандовал выходить на ферму.

Отсюда до берега оставалось метров тридцать-пятьдесят. Более точно определить расстояние ночью было затруднительно. Но ферма клонилась к воде. Нижняя часть ее была затоплена. Чтобы выйти на берег, надо было преодолеть этот участок.

Первым Гура поручил двигаться мне. Вода была ледяная. Течение к берегу становилось все сильнее, и, не видя фермы, а только ощущая ее под ногами, я очень беспокоился, как бы не

сорваться в реку и тем самым не обнаружить всю группу. Я сильно вымок и основательно продрог, но благополучно дошел до конца. Местами вода доходила почти до пояса. Товарищи следили за мной. Как только мне удалось забраться на выступ моста, я подал сигнал. И вскоре один за другим они перешли ко мне. Здесь был отличный наблюдательный пункт. Набережная хорошо просматривалась отсюда. Близ разрушенного моста не было ни укреплений, ни пушек, ни пулеметов. Значит, фашисты были уверены, что тут советские корабли не пройдут.

Действительно, все внимание фашисты уделили передовой, а нашим районом они вовсе не интересовались. Мы видели, как вдоль набережной к передовой двигались машины с пехотой, шли танки.

До четырех утра мы вели наблюдение за противником с моста, потом тем же путем перебрались к полу-глиссеру и без помех вернулись к своим: О том, что удалось обнаружить на этом участке, мы тут же доложили командованию.

16 марта наши войска прорвали оборону противника, обошли Эстергом и вышли к населенному пункту Тат. Фашистская группировка в этом районе оказалась окруженной. Только шоссейная дорога на Тат вдоль Дуная еще оставалась неперерезанной.

Штаб флотилии разработал план, по которому наши корабли должны были пройти вверх по Дунаю на 20 километров и высадить десант севернее Тата. Трудность заключалась лишь в одном. Проходу кораблей мешали взорванные эстергомские мосты. Нам поручалось найти проход для кораблей флотилии.

На этот раз на полуглиссере мы выходили втроем. Решили сперва обследовать мост у левого берега и так двигаться к правому. Промер делали, как и положено, наметкой - полосатым длинным шестом, раскрашенным через каждые двадцать сантиметров. Видимо, фашисты предусмотрели, что наши корабли будут прорываться здесь, и затопили под фермами еще какие-то старые посудины. Сделано все было с немецкой аккуратностью. Временами ферма уходила под воду, и нам опять приходилось принимать холодную ванну.

Ребята начали хмуриться. Видно, они теряли надежду, что удастся найти лазейку под Эстергомским мостом. Но меня она не оставляла. И между третьим и четвертым быками удалось найти проход. Здесь могли пройти бронекатера. Прикинув, какие береговые ориентиры могут помочь проходу наших кораблей, я наскоро набросал их в записную книжку.

В 21 час бронекатера с десантом отошли от берега и направились вверх по реке. Ими командовал капитан-лейтенант К. И. Бутвин, В его подчинение были выделены морские пехотинцы.

Чтобы отвлечь внимание фашистов от Дуная и помочь катерам прорваться вверх, наша авиация стала усиленно бомбить вражеские передовые позиции.

Нас, разведчиков, снова направили на головной бронекатер. Ночь была темной. Мы, не замеченные противником, успешно вышли к мосту. Найти третий и четвертый быки было нетрудно. Сложнее оказалось нащупать проход, который мы определили прошлой ночью.

Береговые ориентиры оказались плохо видимыми. Но опытный глаз разведчика да моя зарисовка все-таки помогли катерам найти проход. Только позднее мы узнали, что девять бронекатеров смогли пройти через проход успешно. Но один бронекатер No 7 все-таки напоролся на притопленную ферму моста, получил серьезные юврежденния и затонул.

Мы шли в кильватерной колонне. Огня бронекатера не открывали, чтобы раньше времени не обнаружить себя. Но девять катеров долго не скроешь. Фашисты после прохода моста обнаружили бронекатера и открыли по ним огонь. Такая возможность командованием флотилии была предусмотрена. Артиллерия Берегового отряда сопровождения немедленно открыла ответный огонь, как только координаты обнаруженных батарей мы ей передали.

Остался позади Тат. По приказу командира отряда десантных кораблей капитан-лейтенанта Бутвина катера строем фронта устремляются к правому берегу.

Первым на берег бросились наши разведчики - Дмитрий Прокопенко, Александр Извеков, Ибрагим Га-санов и Гиви Пайчадзе. Началась высадка десанта. Я стоял на палубе и видел, как за считанные минуты опустели бронекатера, как морские пехотинцы привычно выгрузили оружие и боеприпасы на берег.

Выполнив задание, катера повернули на обратный курс. Теперь фашисты о нашем рейде уже знали. Наверняка они предпримут все меры, чтобы отрезать путь отхода и уничтожить катера. Так оно и случилось. Не успели мы подойти к мосту, как нас начала обстреливать подтянутая в этот район артиллерия. Но ночная темнота на этот раз способствовала нам. Ведя ответный огонь, бронекатера уверенно направились в проход между третьим и четвертым быками и благополучно вернулись на базу.

Здесь мы узнали, что действия наших десантников у Тата были успешными. Они захватили плацдарм в три километра по фронту. Рота Кирсанова перерезала шоссейную дорогу и тем самым замкнула кольцо окружения вокруг группировки противника. На этом участке разгорелся особенно яростный бой. Стойко защищал свои позиции взвод лейтенанта Михаила Ашика. Позднее разведчики узнали, что в этом бою отличился и наш разведчик Александр Извеков, уничтоживший из автомата два десятка фашистов.

На следующий день фашисты, стремясь любой ценой прорвать кольцо и выйти из окружения, усилили натиск. Они подтянули свежие силы, к противоположному левому берегу подошли самоходные орудия. Командир минометной батареи лейтенант Подлуцкий в бою был ранен, но продолжал командовать своей батареей, перенеся огонь на самоходные орудия.

По правому берегу фашисты ввели в бой танки. Они пытались прорваться к нашим окопам и уничтожить горстку отважных десантников. Но морские пехотинцы, не имея артиллерии, подпускали танки на близкое расстояние и били по ним из противотанковых ружей, уничтожали их гранатами.

Одной вражеской машине удалось прорваться к окопам. Тогда навстречу ей с гранатой в руке пополз главный старшина Прокопенко. Танк открыл по нему пулеметный огонь, ранил моряка, но он собрал последние силы и швырнул противотанковую гранату. Когда командир роты подполз к главному старшине, он был уже мертв. Но и вражеский танк горел. Танковая атака противника захлебнулась.

Десантники и в этом бою проявили мужество и стойкость. В отряде Кирсанова в этом десанте участвовали три медицинских сестры: Вера Ивасишина, Катя Стефаниди и Клава Прокофьева. Бесстрашные комсомолки под огнем перевязывали раненых, а когда обстановка заставляла, сами брались за автоматы. В этом бою, перевязывая раненых, погибла Клава Прокофьева. После боя командование всех их наградило орденами Красной Звезды.

Четверо суток наши десантники удерживали этот важный плацдарм. За это время они уничтожили более 700 гитлеровцев и более 10 танков. Десантники способствовали действиям наших наступающих войск, которые 25 марта освободили Эстергом и Тат и разгромили окруженную под Эстергомом вражескую группировку.

...Близ населенного пункта Тат в придунайской деревне Нуергесуйфалу заложена аллея героев эстергомского десанта. У каждого дерева в этой аллее дощечка. На них надписи: Герой Советского Союза Павел Державин, Герой Советского Союза старший лейтенант Константин Воробьев, Герой Советского Союза лейтенант Михаил Ашик, лейтенант Павел Кирсанов, лейтенант Николай Григоров, лейтенант Евгений Подлуцкий, старший лейтенант Семен Клоповский, медицинская сестра Вера Ивасишина и другие.

Есть в этой аллее и деревья наших разведчиков: Василия Глобы, Алексея Гуры, Григория Коцаря, Александра Извекова. Очень горжусь, что на этой аллее растет и мое дерево. За аллеей советских воинов ухаживают венгерские пионеры и комсомольцы.

В школьном музее боевой славы много места юные венгерские друзья отвели эстергомскому десанту. Фотографии, письма, воспоминания участников боев с большой настойчивостью собирали венгерские комсомольцы под руководством учительницы Мари Секереш.

Несколько лет назад к тридцатилетию освобождения Советской Армией Венгрии в Данки приезжала делегация молодых венгерских воинов. Руководитель делегации Отто Риттер передал мне теплое письмо от венгерских товарищей и большую юбилейную медаль "На память морякам Дунайской флотилии".

Эта медаль и письмо переданы в музей Краснознаменного Черноморского флота.

Глава VI.

Десант на Имперский мост

В начале апреля корабли Дунайской флотилии совместно с нашими наступающими частями участвовали в освобождении столицы Словакии - Братиславы. Первыми в город ворвались наши бронекатера. На головном, том, которым командовал гвардии лейтенант Борис Балев, находился и мой югославский друг лоцман Будемир Петрович.

Этот бронекатер был построен во время войны на средства жителей города Ейска. Поэтому он, кроме обычного номера, носил название "Ейский патриот". Катер успешно вел бои с фашистами.

(После войны отличившийся боевой корабль установили на морской стрелке Ейска как корабль-памятник. Его бывший командир капитан 1-го ранга Борис Федорович Балев стал почетным гражданином города. Ныне кандидат военно-морских наук Б. Ф. Балев работает в Москве в одном из научно-исследовательских институтов Академии наук СССР.)

Братислава - чистый, уютный и благоустроенный город. В нем много зелени, фруктовых деревьев.

Жители Словакии очень тепло встретили нас. Это была настоящая братская встреча. Подошел вечер. Бронекатера стояли в затоне у причала. К ним прижался и наш маленький полуглиссер. Все трое - Василий Глоба, Любиша Жоржевич и я находились на нем. Я осматривал мотор, а мои товарищи заправляли бензином бак. В это время прибыл рассыльный из штаба флотилии и сообщил, что меня вызывают в штаб.

Я еще днем узнал, где размещается наш штаб, и увидел у этого дома высокого широкоплечего старшего лейтенанта во флотской форме. Что-то в его фигуре мне показалось очень знакомым. Конечно, мы где-то уже встречались. Офицер повернулся, и я тут же его узнал: Симон Гагчечиладзе. В нашей второй железнодорожной тбилисской школе он был организатором всех спортивных соревнований. Я слышал, что во время войны он стал флотским офицером, а о том, как воевал Гагчечиладзе, за него говорил орден Отечественной войны на его кителе.

Увидев меня, он очень удивился:

- Мотогонщик, а ты как тут оказался?

- Служу в отряде разведчиков.

Нечасто на фронтовых дорогах встречаются школьные товарищи. Так захотелось поговорить с Симоном. Но меня вызвал командир. Пришлось быстро распрощаться.

В кабинете у начальника штаба нас уже ждали командир второй бригады речных кораблей капитан 2-го ранга А. Ф. Аржавкин и новый командир Берегового отряда сопровождения майор Яков Пасмуров. Капитан 1-го ранга Свердлов поставил перед нами новую задачу: подняться вверх по Дунаю и произвести разведку занятого противником берега на территории Австрии.

Наш полуглиссер скоро вышел на выполнение задания. Впереди темнел взорванный Братиславский мост. Сбавив ход, с осторожностью мы прошли его, прибавили скорость. Скоро погруженная в ночную мглу Братислава осталась позади.

Дунай у Австрии неширок. Он быстр и мелок, чем-то напоминал мне нашу Куру. Пожалуй, и цвет воды у него тот же. Прижимаясь к левому берегу, мы на малом ходу двигались вверх по Дунаю. У борта стояли мои товарищи с автоматами в руках.

Определив по карте, что мы уже в Австрии, стали приближаться ближе к берегу. На левом берегу тянулся к небу густой лес. Глаза, привыкшие к темноте, замечали прибрежные кусты, различали отдельные высокие деревья. Глоба принял решение высаживаться. Я направил наш полуглиссер прямо к берегу.

Вскоре мои товарищи исчезли за деревьями. Они вернулись минут через пятнадцать. Не удалось обнаружить не только немцев, но даже кого-либо из местных жителей. Вокруг нас был лес. Глоба и Жоржевич прыгнули на катер. Наш полуглиссер снова направился вверх по реке.

Впереди на берегу показался небольшой дом. Решили подойти к нему и получить сведения, где же находятся фашисты.

Полуглиссер ткнулся прямо в берег метрах в пятнадцати от дома. Это был небольшой домик, огороженный невысоким забором. Света в его окнах не было видно. Да и понятно: война.

- Может быть, в доме вражеские солдаты? - высказал предположение опытный Жоржевич.

- Да, надо быть осторожными, - согласился с ним Глоба.

На берег сошли все трое. Меня оставили близ полуглиссера, а оба моих товарища направились к дому. Мне было видно, как Глоба, направив автомат на дверь, остался у калитки, а Жоржевич смело вошел во двор. Громкий лай, казалось, разбудил всех вокруг. Тут я увидел, что справа от

дома был сарай, а около него на цепи бегала большая овчарка. Жоржевич, не обращая на собаку внимания, постучал в дверь.

Скоро в доме блеснул слабый огонек. Кто-то зажег керосиновую лампу. Дверь открылась, и на пороге показался немолодой австриец в кожаной куртке и высоких резиновых сапогах. Увидя человека с автоматом, австрийский рыбак испугался, но Жоржевич по-немецки сказал ему:

- Не бойтесь. Мы советские воины. С вами хочет поговорить наш командир.

Глоба быстро выяснил, где проходит передовая. Оказалось, что мы находились на территории знаменитого австрийского заповедника. Рыбак охотно рассказал нам все, что знал о расположении фашистских войск.

- Есть ли на Дунае в этом районе мины?

- Мин нет, но два дня назад немецкие солдаты недалеко отсюда затопили несколько барж, груженных камнями.

Пожалуй, последнее известие для нас было наиболее важным. Кораблям флотилии предстояло подниматься вверх по реке, а тут новое препятствие. Вот если б рыбак согласился показать это заграждение!

- Мы просим вас показать, где затоплены баржи.

- Я готов это сделать.

Из дома вышла пожилая женщина.

- Клара, не волнуйся, я скоро вернусь, - сказал ей наш новый знакомый. Его звали Франц.

Мы вчетвером разместились на полуглиссере. Ритмично заработал мотор. Франц сидел рядом со мной. Я спросил его по-немецки:

- Откуда начнем поиск?

- Надо спуститься ниже.

Мы пошли вниз по реке. Франц внимательно приглядывался к берегу. Лес редел, деревья шли уже не такие крупные, и тут мой сосед коротко произнес:

- Стоп!

Франц еще раз осмотрелся и указал рукой место, где была затоплена первая баржа. Оно было буквально в шести метрах от берега. Видимо, австрийский рыбак почувствовал, что мы засомневались.

- У правого берега Дунай очень мелок. И только у левого пароходы могут проходить. Вот тут и затопили фашисты баржи.

Глеба и Жоржевич заранее прихваченными жердями пощупали под водой баржу. Быстрое течение мешало работать, но мои товарищи действовали очень энергично. Баржа перекрывала фарватер. Ее палуба была всего в 20 сантиметрах от поверхности. Мы измерили глубины около баржи, нашли место, где могли бы пройти наши корабли.

Направились опять вверх по реке. Но не прошли и ста метров, как Франц указал новое препятствие. Осмотрели, промерили вторую баржу. Глоба, больше не доверяя памяти, стал делать какие-то записи. Так на протяжении километра австрийский рыбак указал на восемь затопленных барж.

Первую часть задачи мы выполнили. Решили выяснить обстановку вблизи правого берега. Как нас и предупреждал Франц, у этого берега Дунай оказался мелководным. Подошли к открытому полю. Впереди показалась группа людей. Мы приготовили автоматы, но вскоре стала слышна русская речь.

- Здесь уже наши, - определил Глоба. Он сошел на берег, и вскоре послышалось:

- Стой, кто идет?

- Свои, моряки.

Мы видели, как к нему подошли трое солдат, они дружно закурили, и скоро наш командир вернулся. Правый берег был в наших руках, но в километре отсюда находились еще вражеские солдаты.

Полуглиссер вновь направился к левому берегу. Франц рукой коснулся моего плеча. Я понял: враг близко. Тут же успел различить большую группу солдат, которые строили оборонительные сооружения. Вскоре фашисты заметили нас, раздались автоматные очереди. Я тотчас развернул полуглиссер и включил максимальную скорость. Пули врага свистели над головой, но нас спас поворот реки. Франц во время обстрела сполз на дно. Видно, это было его первое крещение. Вскоре показался его дом. И мы высадили австрийского рыбака в целости и сохранности, поблагодарив его за помощь.

В Братиславу добрались благополучно. Результаты разведки Глоба доложил начальнику штаба.

5 апреля 1945 года советские военные корабли с десантом отошли от причалов Братиславы и направились вверх по Дунаю. Начались бои за освобождение Австрии.

На следующий день и наш Береговой отряд сопровождения включился в бои за Вену. Через несколько дней советские войска вышли к правому берегу Дуная и заняли северо-западную часть столицы.

Помню, стоял теплый весенний день. С набережной Дуная я в бинокль внимательно рассматривал мосты - Венский и Имперский. Тяжелые фермы первого купались в воде. Через них перекатывалась дунайская вода. Гитлеровские генералы превратили Вену в мощный узел сопротивления. Улицы города противник перекрыл многочисленными баррикадами, создал завалы. Во многих каменных зданиях были оборудованы огневые точки. Вена была последним бастионом на подступах к южным районам Германии.

Из пяти венских мостов четыре были взорваны, и только пятый - Имперский был заминирован, но еще не взорван. Немецко-фашистское командование делало все возможное, чтобы удержать в своих руках всю правобережную часть Вены. Предпринятые 9 и 10 апреля попытки наших войск захватить мост были отбиты противником.

Командир 2-й бригады речных кораблей капитан 2-го ранга Аржавкин, ознакомившись с обстановкой, предложил захватить мост, высадив одновременно на правый и левый берега Дуная

у подступов к мосту десант. Перед десантом ставилась задача удержать мост в своих руках до подхода наших частей.

Этот план был утвержден командующим флотилией.

В ночь на 11 апреля был взят Северный вокзал Вены. Фашисты отошли к Дунаю. Бои стали особенно ожесточенными.

Учитывая сложность навигационно-гидрографической обстановки (нужно было прорываться под разрушенным первым мостом, а на фарватере были затоплены различные суда), капитан 2-го ранга Аржавкин предложил высадку десанта произвести одновременно на оба берега реки днем 11 апреля. Прикрывать десантников должна была артиллерия нашего Берегового отряда сопровождения, выделенные бронекатера, а также армейская артиллерия.

Для этого были сформированы десантный отряд и отряд прикрытия под командованием старшего лейтенанта С. И. Клоповского. В него вошли пять бронекатеров. Отряд кораблей артиллерийской поддержки состоял из восьми минометных катеров. Им командовал старший лейтенант Г. И. Бобков. В десант выделялась усиленная стрелковая рота от 80-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием старшего лейтенанта Э. А. Пилосяна.

Бронекатера наши стояли близ того места, где я дежурил и вел наблюдение за противником. Наконец появилась рота автоматчиков. Их было более ста человек. Десантники привезли с собой 45-миллиметровую пушку и четыре станковых пулемета.

Перед посадкой морской офицер объяснил автоматчикам, как лучше всего действовать во время перехода на катере. Вся рота погрузилась на два бронекатера.

Ровно в 11 часов пять бронекатеров отошли от правого берега и взяли курс на Имперский мост. Они благополучно миновали разрушенный Венский мост и оказались в расположении противника.

Появление днем в центре города советских кораблей оказалось для гитлеровцев неожиданностью. Воспользовавшись этим, старший лейтенант Клоповский поставил дымовую завесу. А сам открыл огонь из орудий и пулеметов по вражеским батареям, расположенным по обе стороны Дуная. Противник ответил сильным огнем. Особенно точно рвались снаряды вражеской батареи, установленной на элеваторе.

Тут же наша авиация совершила налет на фашистов. Корабли с боем, ведя огонь, приближались к Имперскому мосту. Пока три катера, маневрируя, уничтожали вражеские огневые точки на берегу, два других катера с десантом отделились. Бронекатер под командованием старшего лейтенанта А. П. Синявского направился к левому берегу, а бронекатер под командованием старшего лейтенанта А. П. Третьяченко - к правому берегу. Катер Клоповского прикрыл их дымовой завесой.

Я хорошо видел, как наши десантники быстро высаживались с катеров, как они стремительно погнали автоматчиков, охранявших Имперский мост. Вскоре он оказался в наших руках, а провода, идущие к взрывчатке, были перерезаны минерами.

Отходить бронекатерам оказалось еще труднее, чем прорваться к мосту. Фашисты подтянули к обоим берегам артиллерию, танки, самоходные пушки, минометы, стали вести по нашим кораблям интенсивный огонь. От прямых попаданий снарядов бронекатера получили серьезные повреждения. Кое-где возникли пожары. Появились раненые, в том числе был ранен югославский

лоцман Будемир Петрович. Не прекращая ответного огня, наши бронекатера вышли из зоны обстрела, прошли разрушенный Венский железнодорожный мост и возвратились в расположение своих войск.

Как только десантники захватили Имперский мост, фашисты сразу же начали яростные атаки. Они хорошо понимали, чем грозит потеря этого единственного моста. Группировка фашистов на правом берегу сразу, оказывалась отрезанной от своих основных сил. Обороной моста руководил отважный командир старший лейтенант Пилосян. В ночь с 12 на 13 апреля фашисты усилили атаки по мосту. Упорные бои развернулись с двух сторон моста. И хотя держались гвардейцы стойко, силы были неравными. Понимая, что необходима помощь десантникам, командование флотилии выделило для этой задачи штурмовой отряд флотилии под командованием старшего лейтенанта И. Кочкина. В него включили и нашу группу разведчиков.

Утром 13 апреля этот отряд прорвал оборону фашистов в районе Венского моста. Вслед за моряками в прорыв устремились воины 80-й гвардейской дивизии. Они быстро продвигались вдоль набережной Дуная, а мы всеми силами рвались к мосту, к нашим товарищам. Фашисты вели огонь с крыш, из окон домов, дотов.

Рядом со мною с автоматами в руках бежали Василий Глоба, Алексей Гура, Григорий Григорович, Шота Мжаванадзе, Любиша Жоржевич и Катя Михайлова. С ней мне не раз приходилось бывать в разведке в десантах. И каждый раз эта девушка из Ленинграда поражала меня своим мужеством.

Казалось, вражеские пули неслись к нам со всех сторон. Группа наша редела. Я как мог старался прикрыть Катю. Имперский мост весь в клубах разрывов все ближе и ближе. Как раз в это время по фашистам открыли огонь наши самоходные пушки.

- Ура! Полундра пришла! - заорал какой-то здоровенный солдат, выскочив нам навстречу. Я увидел, как поспешно отходили от моста вражеские автоматчики. Теперь они были заняты одним: как уйти и спасти свою жизнь.

Подоспели мы вовремя. У гвардейцев кончились боеприпасы, в их рядах было много раненых. Помню, возбужденные, измученные лица, воспаленные глаза, россыпь гильз на избитом асфальте. С удивлением и уважением поглядывали десантники на нашу Катю - худенькую, невысокого роста девушку, которая вместе с матросами прорвалась к мосту. Вслед за нами подошли к мосту и танки гвардейской дивизии. А за ними двинулась и пехота.

Днем 13 апреля 1945 года Вена была полностью освобождена.

На следующий день нас, разведчиков, отпустили осмотреть город. Улицы и площади австрийской столицы были запружены народом. Жители тепло относились к советским воинам. Понравилась нам архитектура Вены и ее доброжелательные элегантные жители. Здесь много архитектурных памятников. Мне особенно запомнился величественный собор святого Стефана.

Австрийцы - народ очень музыкальный. Поэтому из открытого окна часто доносились звуки скрипки или аккордеона.

Навестили мы и могилу Штрауса. От моряков-дунайцев возложили венок талантливому композитору. Долго стояли у его могилы, вспоминая прочитанное о жизни Штрауса, а особенно эпизоды его жизни, известные нам по кинофильму "Большой вальс".

Познакомились мы и с другой "достопримечательностью" Вены. Близ столицы находился большой концентрационный лагерь. В то время название Маутхаузен еще ничего не говорило нам. Но австрийцы рассказали, сколько советских военнопленных здесь погибло. Особенно потрясло сообщение, что в феврале 1945 года, чувствуя скорую расплату за свои преступления, фашисты вывели на мороз в одном белье группу узников и из пожарных шлангов начали поливать их. Среди военнопленных был и генерал-лейтенант Карбышев, принявший вместе с товарищами страшную смерть.

После освобождения Вены по приказу командования 16 апреля 1945 года меня и главного старшину Григория Григоровича вернули в Будапешт. Война приближалась к концу. Теперь больше, чем разведчики, флотилии требовались лоцманы для проводки судов по Дунаю. У нас с Григоровичем такой опыт уже был. Поэтому нам передали быстроходный катер. Григорович стал командиром этого катера, меня назначили рулевым, дали еще двух мотористов - молодых матросов.

В тот же день получили первое боевое задание - провести отряд боевых кораблей и военных транспортов с войсками и грузами через разрушенные будапештские мосты, а потом через минное поле до Братиславы.

Этот район был для нас хорошо знаком, и задание большого труда не представляло, и так пошел день за днем.

Однажды наш катер после очередной проводки кораблей возвращался в Будапешт. Мы шли вдоль правого венгерского берега. Нам попадались навстречу тральщики нашего первого дивизиона под командованием капитан-лейтенанта Ю. Гриценко. Поравнялись с тральщиком "Майкан". Команда у него была интернациональная. Обслуживали механизмы румынские моряки, а минерами, которые непосредственно занимались тралением, были наши дунайцы. Командовал тральщиком советский офицер.

Поставив тралы, "Майкан" проходил у правого берега, где были выставлены мины. Мы быстро пронеслись мимо, приветственно помахав товарищам. Скоро корабль исчез за поворотом. Ничто не предвещало беды, пока сзади не раздался сильный взрыв. Можно было догадаться, что произошло на минном поле, поэтому Григорович приказал мне:

- Поворачивай обратно!

Описав полуокружность, наш катер лег на обратный курс. Вот и поворот. За мысом показался "Майкан". Как же за эти минуты изменился вид корабля! Носовая часть у него была оторвана взрывом. Он быстро погружался. Когда мы приблизились, палуба корабля уже ушла под воду. Успели снять лишь троих моряков: двух советских и румынского. Они получили тяжелые ранения и были без сознания. Их доставили в госпиталь в Пеште.

Раненых приняла молодая медицинская сестра Мари Каис. Девушка хотела помогать Советской Армии. И когда Будапешт был освобожден, она пошла работать в советский госпиталь. Забегая вперед, скажу, что ее труд был отмечен нашим правительством. Она награждена орденом Красной Звезды.

Сдав раненых, наш катер продолжал проводить суда по Дунаю, пока не произошел тот взрыв, который перевернул всю мою жизнь.

Глава VII.

Отряд "Поиск"

В тяжелом состоянии меня доставили в город Братиславу. Главный хирург советского военного госпиталя сделал несколько сложных операций, после чего меня положили в маленькую палату. Двое суток жизнь боролась со смертью. Двое суток я был без сознания. Натренированный молодой организм победил. На третьи сутки пришел в себя.

"Где я?" - появилась мысль. Но чувствовал, что забинтован от ног до головы. Болел поврежденный позвоночник, повернуться на бок не было сил. Догадался, что нахожусь в госпитале. У меня кружилась голова и тошнило. Сильно болели многочисленные раны.

Каждое утро меня носили на перевязку в операционную, зашивали и штопали мое тело, меняли повязки и шины, снова возвращали в палату.

Кто-то неотступно следовал за мной. Эти заботливые, ласковые руки снимали меня с операционного стола и бережно клали на носилки, плавно переносили в палату, удобно укладывали раненую голову на подушку, осторожно вливали в рот чай или кисель. Кто-то часто наклонялся надо мною, губами касался моего уха и что-то говорил. Я чувствовал в ухе струю воздуха, но ничего не слышал. Да если бы и удалось разобрать что-либо, все равно ответить бы не смог. У меня было ранено горло, я не мог говорить и только хрипел.

Каждый раз в таких случаях я улавливал запах волос и накрахмаленного госпитального халата. Но кто это, я долго не мог узнать.

Летели госпитальные дни. Я продолжал жить и этим очень удивлял и радовал врачей.

Позднее я узнал, что своей жизнью я обязан не только искусству наших хирургов, но и заботе и вниманию медицинской сестры Тоси Михайловой, которая несколько раз отдавала свою кровь, чтобы помочь мне.

После операции меня перенесли в палату, положили на койку возле окна. Знакомые руки осторожно сняли повязку с левого глаза. Яркий свет ударил, заставил зажмуриться. Но через несколько секунд я снова открыл глаза. Первой увидел Тосю Михайлову. Она сидела рядом на стуле. Я с интересом и благодарностью смотрел на девушку в белом халате, которая спасла и выходила меня. Это была симпатичная блондинка лет двадцати, с милым лицом и ласковыми глазами.

Я пристально рассматривал Тосю. Уже целый месяц я знал ее, но сейчас видел в первый раз. И странно, мне казалось, если б всех сестер госпиталя собрали вместе, я все равно узнал бы Тосю.

Она заметила мой взгляд, спросила:

- Алеша, ты узнал меня?

- Конечно.

Сестра показала на подоконник и на тумбочку.

- Видишь, сколько цветов? Это принесли твои друзья-моряки.

Действительно, рядом в вазе, а еще больше в стеклянных банках стояли цветы.

- Тося, можно, я подарю букет вам?

Сестра заулыбалась.

- Конечно, но это ты сделаешь вечером, когда я закончу дежурство и зайду к тебе.

Д"нь был солнечный, летний. В палату через открытые окна входил свежий теплый воздух. Я наслаждался дневным светом. После месяца в изоляции было очень приятно ощущать свет, видеть и слышать людей. У меня появилось такое радостное настроение, что я даже подумал, что скоро поправлюсь и вернусь к друзьям на флотилию. Я еще не знал, в каком состоянии находился.

Общительная Тося познакомила меня с моими соседями по палате. Их было двое. Слева от меня помещался молодой летчик сержант Георгий Дураков. Он был ранен в голову и в руку. Дальше к двери лежал тяжелораненый артиллерист сибиряк Николай. У него был поврежден позвоночник.

Тося ходила по палате, но все время искоса поглядывала на меня. Я чувствовал, что она чего-то опасается. Но чего именно, догадаться не мог.

Все что-то скрывали от меня. Но что?

Было тепло. Чтобы не причинять боли, меня покрыли только простыней.

Тося ушла. А мне тут же захотелось осмотреть самого себя. Но как это сделать, если нет сил повернуться?

Хотел приподнять голову, она закружилась. Отлежавшись, стал осматривать себя лежа. Приподнял вверх правую ногу. Увидел, что она забинтована. Сперва пошевелил пальцами, потом согнул ее, нога хорошо гнулась. Только мешали бинты, да болели раны. Я приподнял левую ногу. И она оказалась забинтованной. Попробовал согнуть - она гнулась хуже и болела сильней.

"Это ничего, что раны болят, - попытался успокоить сам себя. - Их врачи быстро залечат. Важно, что ноги целы".

Осмотром ног остался доволен. Но почему плохо слушаются руки?

С большим трудом приподнял над простыней правую. С ужасом увидел, что ниже локтя руки нет. Обрубок был забинтован. Осторожно опустил его на койку.

Неожиданный удар ошеломил меня. "У меня нет правой руки. Кошмар. А как с левой рукой?"

Сознание не хотело мириться с такой потерей в восемнадцать лет. "Нет, нет. Не может быть!" - успокаивал я сам себя. С чувством тревоги поднял вверх левую руку. В воздух поднялась вторая забинтованная култышка.

Долго я лежал в тот раз как громом пораженный. Сознание никак не хотело мириться с большим несчастьем.

"Я плохо вижу. Может, просто не рассмотрел и мне показалось, что нет у меня рук", - подумал я с отчаянной надеждой.

С большим трудом поднял снова вверх правую руку. Нет, глаз мой видел все хорошо. Левую руку вторично я уже не стал проверять.

"Безрукий инвалид", - мельнула горькая мысль.

Казалось, слезы способны были прожечь кожу. Все это видела Тося, но она не подошла ко мне в это время, и я ей за это до сих пор благодарен. В такую тяжелую минуту надо остаться один на один с самим собой.

Слезы все текли из глаз. В те минуты я еще не представлял, какие тяжелые испытания ждут меня.

Мой глаз высох. Я притих, наступила апатия. Мне стало все безразлично. Принесли обед, я отказался от него. Тося не стала настаивать. Она молча убрала с тумбочки тарелки. Как мне удалось уснуть, я и сам толком не понял. Открыл глаза уже под вечер. На тумбочке стоял ужин. Возле меня сидела заплаканная Тося. Я посмотрел на нее, и мне стало ее жалко. Заставил страдать хорошую девушку.

- Алеша, выпьешь горячего чая?

У меня было такое состояние, что есть или пить было просто мучением. Но, я не хотел доставлять новых неприятностей сестре.

- Хорошо, - согласился я.

Тося ловко напоила меня из граненого стакана.

Она не ушла из палаты и после ужина и стала рассказывать какие-то довоенные смешные истории из ее жизни в Ленинграде. Она отвлекла меня от грустных мыслей. И я не заметил, как заснул.

Утром проснулся от яркого солнца. По палате шагал Георгий в госпитальной пижаме. Он заметил, что я проснулся, подошел к моей койке:

- Ну моряк, проснулся? Тосю ищешь? Сейчас придет твоя Тосенька.

Вскоре действительно в палату вошла Тося, а санитарка привезла мне завтрак. На этот раз я не стал отказываться от пищи. Тося накормила меня, хотя пища не лезла в рот. Потом она как бы невзначай заметила:

- В Одессе есть замечательный глазник академик Филатов. Он может вылечить любое заболевание и полностью восстановит тебе зрение. А недавно в медицинском журнале я прочла, что теперь созданы активные механические протезы. Они работают как собственные руки. Вот получишь их и сможешь сам завтракать, писать письма, нормально работать.

Ее поддержал Георгий:

- Я тоже слышал, что созданы такие протезы.

Мне так хотелось верить во все это, что на душе сразу стало легче. Молодой человек в трудном положении не может не верить в светлое. Человек всегда должен верить в хорошее.

Подходило к концу первое мирное лето. Где-то в середине августа стало известно, что тяжелораненых решено эвакуировать на Родину. Из нашей палаты первым направили меня.

Я тепло попрощался со своими соседями. На носилках меня вынесли из палаты. День был солнечный. После замкнутых стен так хорошо было оказаться на улице, увидеть вблизи зеленые деревья. Носилки направили в санитарную машину. Сопровождала меня Тося.

У вокзала на первом пути уже стоял санитарный поезд. Меня внесли в вагон и положили на вторую полку. Пока грузили остальных раненых, рядом со мною стояла Тося. Но на этот раз она была не в белом халате и косынке, в чем я привык ее видеть, а в летнем розовом платье с короткими рукавами. Настоящая молодая элегантная ленинградка. Я последний раз с грустью глядел на Тосю и думал, как счастлив будет тот, кому отдаст она свое сердце.

- Алеша, скоро я демобилизуюсь и уеду к маме в Ленинград. Когда закончишь лечение, приезжай в гости А не будет такой возможности, обязательно напиши мне. Свой адрес я положила в карман твоего морского бушлата.

Погрузка закончилась. Уже были заняты все места в нашем вагоне. Тося поцеловала меня. В глазах у нее были слезы. Она последний раз взмахнула рукой и быстро вышла. Я почувствовал себя совсем сиротой. Поезд с Братиславского вокзала тронулся. Раненые знакомились друг с другом, оживленно беседовали у окон. Ко мне подошла сестра.

- Как вы себя чувствуете? Вам ничего не нужно?

- Спасибо, нормально. И ничего не нужно. Сестра вскоре вернулась со стаканом воды.

- День сегодня жаркий. Выпейте.

Я с удовольствием выпил холодную воду. Жажда давно меня мучила, но с первых же минут в вагоне не хотелось беспокоить сестру. Она сама догадалась.

Поезд двигался почти без остановок. За окном пробегали поля, небольшие рощи, горы.

Сестра пришла проверять температуру у раненых.

- Куда мы едем?

- Наш санитарный поезд направляется в небольшой румынский город, где находится сортировочный госпиталь. Пробудем там дня два, а оттуда - в Советский Союз.

- А сейчас куда мы едем?

- Скоро Будапешт. Там на Западном вокзале мы постоим несколько часов.

Эта весть взволновала меня. Мы прибывали на западный вокзал. В этом городе каждая улица была мне знакома. Из окна вагона я смотрел на проносящиеся дома предместий города и все больше волновался. Как хотелось бы увидеть венгерских друзей. Сразу вспомнилось, что недалеко от Западного вокзала живет Мари Кочиш. Но как ей дать знать о себе? Наконец я рассказал все сестре и попросил послать к Мари нашу санитарку Таню.

Сестра доброжелательно отнеслась к моей просьбе, - В Будапеште мы будем принимать раненых. А потом Таня сходит за твоей венгерской знакомой.

Часов до двенадцати продолжалась погрузка раненых, а потом я подробно объяснил нашей санитарке Тане, как лучше найти дом Мари. Вернулась она довольно скоро. Но пришла одна.

Мари дома не оказалось. Ее мать, поняв, что хочет русская девушка, объяснила, что, как только ее дочь вернется с Дуная, она непременно придет навестить своего русского друга. Мать Мари очень огорчилась, узнав, что я тяжело ранен.

Ответ Тани очень огорчил меня, наверное, Таня это заметила и поспешно добавила:

- Наш поезд до вечера будет стоять на Западном вокзале. Мари еще успеет прийти.

Я попросил, чтобы под голову положили вторую подушку. Теперь мне был хорошо виден перрон и редкие прохожие на нем. Но Мари все не было.

Августовский день оказался знойным. Наш вагон сильно накалился на солнце, стало очень душно. Для моего ослабевшего организма было трудно переносить такую жару. Меня стал одолевать сон. И раньше бывало, что под вечер я совсем сдавал и забывался в тяжелом сне. Как ни боролся, а сил становилось все меньше и меньше. Напрасно я кусал губы, чтобы не заснуть. Мари я так и не дождался.

Когда через несколько часов проснулся, поезд уже шел хорошим ходом. За окном мелькали рощи, пробегали поля подсолнечника. Из окна дул прохладный вечерний ветерок.

Подошла сестра.

- Когда мы уехали с Западного вокзала?

- Часов около семи.

- Значит, Мари так и не пришла.

- Приходила. Разве ты ничего не помнишь? За полчаса до отправления прибежала. Мы тебя будили, ты что-то отвечал, да, видно, до конца не разбудили. Мари от матери уже знала о твоем ранении, но увидела тебя и сильно расплакалась. Поезд уже тронулся. Она надела на тебя медальон и выпрыгнула из вагона уже на ходу.

- Какой медальон?

Сестра нашла у меня на шее небольшой медальон, открыла его и показала мне. В нем улыбалась Мари. На фото она была еще моложе, чем в жизни. Медальон был на тонкой цепочке. Сестра хотела его снять и убрать в чемодан, но мне было жалко с ним расставаться, и я попросил оставить медальон на шее.

К одиннадцати часам раненые угомонились. Убаюкивал перестук поезда. Только ко мне сон не приходил. Я думал о Мари, вспомнил нашу первую встречу в Будапеште в конце 1944 года, наши рейды в расположение фашистских войск, припомнил и последнюю встречу в марте. В тот день мы навестили в госпитале Калганова, а потом, чтобы рассеяться, на моем мотоцикле проехались по улицам Пешта.

В городе еще лежали груды щебня, хрустело под ногами битое стекло. Увидели старую афишу зоопарка и решили заглянуть в него. Прямо на мотоцикле въехали на территорию зоопарка. Никто нас не остановил, не потребовал билета. Я выключил мотор. В парке было тихо и пустынно. Впрочем, мы скоро поняли, в чем дело. Сперва попалась одна пустая клетка, потом мы прошли еще несколько. Зоопарк был пуст.

Я уже решил, что зверей здесь не осталось, и хотел было повернуть назад, но вдруг у площадки за металлической оградой кто-то зашевелился. Мы с Мари подошли поближе. Большой серый слон удивленно смотрел на нас. Видно, он уже отвык от людей.

Я еще сказал:

- В этом зоопарке всех зверей и птиц съели люди. Но слон уцелел. Он был сильным и никого к себе не подпускал.

Мари засмеялась:

- Нет, Алеша. Он уцелел не потому. Этот слон очень старый. И никто не захотел есть такое жесткое мясо.

Конечно, Мари была права.

Слон приблизился к загородке, протянул сквозь брусья хобот и стал обнюхивать мой морской бушлат. Было видно, что он голодный. А я прихватил в пакете две французские булочки да несколько яиц для нас с Мари.

Первая булочка исчезла во рту у слона мгновенно. Похоже, он даже не жевал ее. Потом хобот снова протянулся ко мне. Я на секунду заколебался, но тут же отдал и вторую булочку. Но что для голодного великана такое угощение? Он требовал еще.

- Мари, в пакете осталось шесть яиц.

- Если мы с тобой их не съедим, не умрем. А он очень голодный.

Очистив яйца от скорлупы, я положил их на ладонь. Хобот слона подхватил сразу все яйца.

И, словно благодаря за угощение, он закивал нам головой. Мари засмеялась, и мы с веселым настроением уехали из Будапештского зоопарка.

Так было в марте. А теперь август, и я уже не тот, что был тогда.

Грохотали колеса поезда. И меня радовало, что Мари не забыла, пришла и даже подарила медальон.

Ночью я проснулся от сильной боли. Впечатление было такое, словно кто-то тупым ножом водит по шее. В вагоне слышалось посапывание спящих, горели синие лампы. А возле моей полки стояла женская фигура и рвала с моей шеи медальон.

В полумраке я все-таки узнал нашу немолодую санитарку Параньку. Была она родом откуда-то из Западной Украины. Характер у нее был мрачный. В эшелон попала случайно. Но ухаживать за ранеными могла. И вот сейчас, пользуясь моей беспомощностью, она старалась сорвать медальон, да не знала, как отстегнуть цепочку. Воровато оглядевшись и убедившись, что все спят, она еще сильней рванула медальон. В глазах у меня все поплыло, и я потерял сознание.

Очнулся под утро. Медальона на груди не было. Стало обидно. Еще недавно я был разведчиком и с оружием в руках вступал в бои с врагом. А сейчас меня, калеку, ограбила старая баба, и я ничего не мог сделать. Сестра, обходя утром раненых, заметила, что медальона на мне нет. Она подумала, что цепочка случайно расстегнулась и медальон остался в постели. И тут она

обнаружила на подушке кровь. Осторожно подняв голову, она нашла рану на шее. Ей все стало понятно.

Она забинтовала мою шею, вызвала санитарок.

- Кто сорвал медальон?

И смущенная Таня, и наглая Паранька удивленно развели руками.

- Алеша, кто сорвал медальон?

Это был трудный для меня вопрос. Я знал правду. Но Паранька могла ночью положить мне на лицо подушку. И я бы ничего не смог сделать.

Я сказал:

- Не знаю.

Наверное, это было малодушие, надо было назвать преступницу. Но в то время я этого не смог сделать.

Утром мы приехали в пограничный румынский город, нас направили в сортировочный госпиталь, а оттуда - в Киев. Так мне и не пришлось больше встретиться с Мари.

Лечиться меня послали в госпиталь в Одессу. Я очень надеялся, что здесь удастся восстановить зрение. Добрался до госпиталя поздно вечером. Сбросил халат и сразу же уснул на отведенной мне койке.

Утром, проснувшись, стал осматривать палату. Она была шестиместной. Все раненые в ней были ходячие. Напротив лежал фронтовик. У него была отнята нога выше колена. Он набросил халат на плечи, перекинул полотенце и на костылях вышел умываться.

Я лежал и не видел его лица. Но в его походке, жестах мне показалось что-то удивительно знакомое. Никто уже не спал. Раненые разговаривали. У двери застучали костыли, она открылась. И... вот это удача! Моим соседом оказался Ваня Бойчак. Значит, после десанта в Илок он все-таки выжил в лазарете Бачко-Паланка.

Неожиданная встреча взволновала меня. Я был рад, что увидел друга, которого считал погибшим. Ваня прошел к своей койке и сел, ожидая завтрака.

"Интересно, слышал ли он о моем тяжелом ранении? Скорее всего нет. Как ни тяжело будет обоим, а надо побыстрее к нему подойти и все объяснить. И лучше сразу, чем тянуть".

Я поднялся с койки. Не надевая халата, весь забинтованный, опустился рядом с Иваном. Он удивленно посмотрел на меня.

- Здравствуй, Ваня.

Он пристально разглядывал меня и не мог узнать. Лицо у меня было тоже забинтовано. И только левый глаз да бровь были видны. "Значит, я так искалечен, что даже близкие друзья не узнают меня".

Я старался сдержаться, но слезы так и покатились. Ваня совсем растерялся. Он понял, что рядом кто-то из друзей, а кто - догадаться не мог.

- Да это же я - Алеша Чхеидзе.

Иван рванулся ко мне, стиснул в объятиях, поцеловал куда-то в бинты.

Потом он осмотрел мои руки, минуты две сидел неподвижно. А дальше произошло то, чего я никак не ожидал. Мой друг повалился на койку. Рыдания сотрясли его тело. Кто-то из соседей принес воды. Ничто не помогало. В палате все затихли, сидели расстроенные. Ваня постепенно утих, поглядывал на меня и не знал, чем утешить.

Санитарка привезла завтрак. Мы ничего не ели и раньше всех ушли из палаты в парк. Он начинался тут же, за госпитальным садом. Ваня знал дорогу к морю. У большого валуна Ваня присел, предложил и мне опуститься рядом. Был солнечный день. Море чуть слышно плескалось у наших ног.

Мне почему-то вспомнилось, как год назад у берегов Одессы мы с Ваней готовились к днестровскому десанту, вместе с товарищами отрабатывали высадку со шлюпок. А Дунай для нас был где-то очень далеко. Мы его еще не видели. Но вот прошел год, год войны. Мы опять были у того же теплого моря, но встретились уже инвалидами.

Я рассказал Ивану и о событиях после илокского десанта, и о том, как мы участвовали в освобождении северо-восточной Югославии, Австрии. Рассказал о своем ранении и о странствиях из одного госпиталя в другой.

Иван слушал меня с большим вниманием. Он подробно расспрашивал о судьбе наших друзей. В свою очередь, Бойчак вспомнил, как тяжело пришлось раненым в лазарете Бачко-Паланка, где один за другим умирали герои десанта. Советские и югославские врачи днем и ночью дежурили в лазарете. Они сделали все возможное, что было в человеческих силах, чтобы спасти им жизнь. Но десантники были до такой степени изранены, что только чудо могло их выручить. И все же чудо произошло, и пятерым врачи вернули жизнь. Ивана перевезли в большой, хорошо оборудованный госпиталь в Белграде, потом эвакуировали в Союз. Только неделю назад он оказался в госпитале в Одессе.

- Алексей, мы с тобой долго кочевали по разным госпиталям, а в конце концов оказались в одной палате. Значит, суждено было нам снова встретиться и быть вместе. Кстати, ты знаешь, что всех нас представили к правительственным наградам?

Нет, я этого не знал. Это известие было приятно. Но шла война. Представление еще не награда. И с ним всякое могло случиться. Как я узнал позднее, так оно и получилось.

В тот же день мы долго сидели у моря, вспоминали боевых друзей, думали о будущем.

На следующий день к нам в палату пришла старшая сестра отделения Клава Тимошенко. Это была высокая стройная тридцатилетняя женщина. Ее брат капитан 3-го ранга В. А. Тимошенко в годы войны командовал на Черном море дивизионом морских охотников, а потом был старшим морским начальником в Белграде.

Старшая сестра долго беседовала со мной, а уходя сказала:

- Завтра в госпиталь приедет директор протезного завода. Потом мы покажем тебя нашему глазному врачу. А сейчас тебя посмотрит хирург госпиталя подполковник Белинский.

Операционная помещалась, рядом с нашей десятой палатой. В ней работали веселые молодые сестры Женя Лупанько и Клава Гордиенко. Они были боевые и остроумные, настоящие одесситки. В операционной находился и хирург Белинский высокий пятидесятилетний мужчина со строгим лицом. Белинский сам снял все повязки и шину, тщательно изучил каждую рану на моем теле. А их оказалось множество. Почти до локтей были отняты руки, в области грудной клетки и брюшной полости оказалось до сорока осколочных ранений, были повреждены четыре ребра, ключица, ноги.

- Да, герой, и как ты только уцелел с такими дырками? - покачал головой Белинский. - Но уж коли уцелел, теперь будешь жить долго!

Хирург сам обработал мои раны, сделал укол пенициллина. В годы войны это лекарство только входило у нас в обиход и считалось очень дефицитным.

Операционные сестры быстро перебинтовали меняй наложили шины на перелом.

Подполковник Белинский сделал для меня очень многое. Этот замечательный специалист всегда внимательно относился к раненым. Я до сих пор вспоминаю его с большой благодарностью. Это он во многом возвратил мне работоспособность, энергию, бодрость.

На следующий день в госпиталь вместе с представителем протезного завода приехал его директор - сорокалетний демобилизованный майор. Он еще носил военную форму. Это был человек добрый и прямой.

Они появились в нашей палате. Директор внимательно осмотрел мои руки и дал указание технику снять мерки для протезов.

Я не выдержал:

- Пожалуйста, сделайте для меня активные протезы рук, которые изобрели в Москве в научно-исследовательском институте.

Директор усмехнулся:

- С радостью бы сделали. Да только эти протезы пока лишь на бумаге. А все заводы в настоящее время делают простые протезы рук, которые служат лишь для красоты.

Это было неприятное открытие. А я так верил в чудеса медицины!

С меня сняли мерки. Очень скоро принесли новенькие протезы. Действительно, они были красивыми, а проку от них не было никакого.

Вся надежда теперь у меня оставалась на восстановление зрения. Главным врачом в нашем госпитале работала Анна Григорьевна Хорошина. Это была сорокапятилетняя невысокая женщина с добрым лицом и умными глазами. До войны она пятнадцать лет проработала в Одессе в институте глазных болезней. Майор медицинской службы Хорошина с начала войны ушла на фронт,, служила на Черноморском флоте. Многим раненым она вернула зрение. С большим старанием доктор Хорошина решила лечить и мой глаз. С первых же дней у меня установились

очень теплые отношения с Анной Григорьевной. Она прилагала все усилия, чтобы улучшить мое зрение. Но ничего у нее так и не получилось.

Ваня Бойчак каждый день читал мне газеты, журналы, книги. Мы вместе уходили гулять в госпитальный сад.

Анна Григорьевна добилась консультации у академика Филатова, но и это ничего не дало. Весной зрение мое ухудшилось. Меня стал лечить известный профессор Кальф. Это был пятидесятилетний широкоплечий человек с открытым лицом и твердым взглядом проницательных умных глаз. Он установил, что в глубине глаза сидит маленький металлический осколок. Надо делать операцию и извлекать его, но состояние глаза таково, что сейчас этого делать нельзя. Нужно время, чтобы укрепить глаз.

Весь апрель я был в очень напряженном состоянии. Чем-то все это кончится? Я каждое утро смотрел из окна во двор. Хорошо видел весь госпитальный сад и аллею каштанов. Там начинался городской парк. Особенно я любовался белой сиренью, распустившейся под окном.

Но скоро зрение ухудшилось настолько, что я уже не мог различать каштаны. А потом с трудом мог рассмотреть только половину нашего сада.

Однажды утром я долго боялся раскрыть глаза. Мне показалось, что я вижу еще хуже. Я бросился к окну. Теперь удалось различить только ближний к окну куст сирени. Да и то он виден был неясно. Почти не спал ночь. А утром уже не видел и куста сирени. Различал, как в тумане, только рамы окна.

Меня охватил ужас. На фронте я не боялся смерти. Но полностью потерять зрение было страшно.

25 апреля, когда подошел к окну, я ничего не смог увидеть. Первая мысль была: еще темно - ночь. Но скоро я услышал, как по палате ходят раненые, разговаривают. Посмотрел в сторону окна и его не различил. Кругом сплошная темнота.

Пришла няня, поставила завтрак на тумбочку. Тут я понял, что темно не потому, что ночь, а потому, что я ослеп.

Набросил халат на плечи, старался держаться спокойно, но на душе было печально.

Подошла медсестра.

- Здравствуй, Алеша. Ты что такой печальный?

- Я ничего не вижу.

В палате все затихли.

Анна Григорьевна, узнав об этом, тут же позвонила профессору Кальфу. Он сразу же приехал в госпиталь.

Кальф внимательно осмотрел мой глаз. Потом долго беседовал со мной.

- Не волнуйся. Пока у тебя есть проекция света, не все потеряно. Зрение можно вернуть. Поезжай лучше к родителям. В домашних условиях ты скорее окрепнешь. Потом можно будет сделать операцию. Я ее сделаю лично.

Я был очень благодарен за большое внимание ко мне и профессору Кальфу, и доктору Хорошиной, но в душе не верил, что зрение мне удастся вернуть. Мне вспомнились добрые слова Тоси Михайловой: в Одессе академик Филатов восстановит тебе зрение, а в Москве изобрели активные протезы рук. Но...

Мне страшно захотелось написать письмо Тосе, любимому командиру Виктору Калганову, школьному другу Тенгизу Гелашвили. Однако я не мог этого сделать. Адрес Тоси оказался потерянным. Где сейчас находится Калганов, я не знал, и адреса части Тенгиза у меня тоже не было.

Мой друг Ваня Бойчак хорошо понимал мое состояние и всячески стремился подбодрить меня.

В конце мая меня демобилизовали и в сопровождении моего друга Григория Григоровича я поехал домой.

Хорошо было оказаться в родных стенах, но моему состоянию никто не завидовал. У меня нашлись два верных опекуна: пионеры Гриша Ав,алиани и Эдик Оганезов, жившие в нашем дворе. Они были большими болельщиками футбола, ходили на каждый матч. Я слушал репортажи у радиоприемника, а они рассказывали еще все, до мельчайших деталей, что происходило на поле. Но меня интересовал не только спорт, но и вся жизнь страны.

Скоро демобилизовался мой друг Тенгиз Гелашвили. Он поступил в Тбилисский государственный университет на факультет журналистики.

Каждый день после лекций Тенгиз заходил ко мне, рассказывал о студенческой жизни. Пересказывал лекции, которые он прослушал. Мой друг настойчиво советовал мне написать книгу о пережитом на Дунае, об освободительном походе Советской Армии. Я объяснил ему, что сперва надо найти боевых друзей, узнать их дальнейшую судьбу и только потом браться за книгу. Такой поиск потребует много сил и времени. Тенгиз был полностью согласен со мной. И мы вместе строили планы, как приступить к этому поиску. Все это отвлекало меня от мрачных мыслей, вселяло уверенность в то, что я смогу приносить людям хоть какую-то пользу. Часто меня навещала и Нина Мукерия, ставшая студенткой Тбилисского медицинского института.

Каждый раз, когда она приходила, я очень волновался, а потом становилось грустно. На фронте я каждый день вспоминал Нину, мечтал о нашей встрече. А вот теперь она находилась рядом, а была так недосягаема для меня. Мои физические недуги, если и не отталкивали девушку, навсегда встали между нами.

Часто приходили ко мне домой и ухаживали за мной мои одноклассники Этери Коршиа, Белла Шокиели, Мадонна Вардосанидзе да и другие. В окружении школьных друзей я чувствовал настоящую заботу и душевную теплоту.

Чаще всего в это время меня занимала одна мысль: как написать книгу о виденном и пережитом на фронте. Далеко не все относились к этой идее доброжелательно. Находились и такие, кто не верил, а некоторые даже просто смеялись.

Был у меня дядя, человек недалекий и очень самоуверенный. Я много времени проводил на кровати с закрытыми глазами. Однажды пришел дядя и спросил у мамы:

- Он что, и день и ночь у тебя спит?

- Алеша так думает. Он собирается написать книгу о боях на Дунае.

Дядя захохотал и сквозь смех спросил:

- А что он может написать такого, чтобы удивить мир?

Мы с дядей были оба грузины, но говорили на разных языках. Я не собирался никого удивлять. Я только хотел написать о виденном и пережитом, о моих отважных товарищах, о тех, кого уже нет среди нас. Ради этого можно было выдержать все тяжелые испытания.

Несмотря на старания лучших врачей Грузии, восстановить мое зрение не удавалось. В 1948 году я приехал в Москву с надеждой поправить здоровье. Меня консультировал известный профессор Ченцов. Он сказал то же:

- Сейчас делать операцию нельзя. Надо сперва укрепить глаз, а на это потребуется два-три года. Я советую на это время лечь в лечебный интернат в местечке Данки.

Другого выхода у меня не было.

В двенадцати километрах от города Серпухова на берегу озера раскинулось это местечко. Лечебный интернат расположился в нескольких зданиях. Здесь находились инвалиды Великой Отечественной войны, проходившие длительное лечение. Постепенно я знакомился с моими новыми товарищами по палате. Утром они ходили на процедуры, принимали лекарства, после обеда отдыхали, гуляли на свежем воздухе. А вечером шли в клуб смотреть фильмы.

Все это было неплохо, но в мои двадцать два года этого казалось мало. К тому же в кино мне нечего было делать. Я жаждал дела, большого, интересного, способного захватить меня целиком. И все чаще обращался к давней мечте: написать книгу о себе и о своих товарищах - дунайских разведчиках. Хорошо понимал, что к делу надо приступить немедленно, пока еще свежи воспоминания, свежи события военных лет.

Мне одному найти разбросанных по всему Союзу дунайцев было не под силу. Нужна была активная помощь пионеров и комсомольцев. Поэтому для начала надо было установить связь с местной школой. Очень волновал вопрос: а как отнесутся к моей просьбе ученики и учителя Данковской школы? Решил произвести разведку.

Санитаркой в нашем корпусе работала тридцатипятилетняя Тоня Бяхова, скромная и трудолюбивая женщина. В годы войны ее муж рядовой Михаил Бяхов погиб в боях с фашистами, У нее росла дочь, пионерка четвертого класса.

В майский праздник ко мне в палату пришла маленькая девочка Валя с красным галстуком на груди. Тоня оставила дочь в нашей палате, а сама ушла работать в отделение. Я долго говорил с девочкой, расспрашивал о школьных делах, а потом объяснил ей, что хочу записать свои воспоминания о Великой Отечественной войне. Но для этого надо вести большой поиск героев боев. А одному мне этого не сделать...

- Дядя Алеша, я каждый день буду ходить к вам в палату и делать все, что нужно для поиска.

Мы договорились встретиться на следующий день, и я, сказать по правде, с большим нетерпением ждал возвращения Вали.

Валя не заставила себя ждать. Но она не вошла, а влетела в нашу палату. Уже по этому я понял, что она вернулась с хорошими вестями.

- Дядя Алеша, наша Данковская школа берет шефство над вами.

Пионерка Валя Бяхова стала первой, кто начал помогать мне в поисках фронтовых товарищей. (Сейчас Валя стала Валентиной Ивановной Санкиной, она работает в одной из московских больниц.)

Приближался День Победы. Утром в мою палату пришли четыре пионерки. Это были Валя Бяхова, Нина Троицкая, Рая Кулешова и Валя Соколова. Они принесли мне цветы, поздравили с праздником. Медсестра легко и быстро стала надевать протезы рук, затем - форму моряка. Девочки внимательно следили за ее действиями, а позднее они уже могли самостоятельно одевать меня.

В сопровождении четырех пионерок я пошел на торжественное заседание в Данковскую школу. Так началась наша работа. Был создан отряд "Поиск". Начались долгие и нелегкие поиски боевых друзей, потом отряд перерос в клуб интернациональной дружбы. А отдельные собранные материалы превратились в рукопись книги.

С первых же дней я встретил горячую поддержку со стороны учителей Данковской средней школы и городского комитета комсомола города Серпухова. Очень одобрительно отнесся к моей работе и секретарь партийной организации лечебного интерната Николай Александрович Державин, сам в прошлом участник Великой Отечественной войны.

Скоро меня перевели в маленькую палату, где можно было работать, не мешая товарищам. Каждый день четверо школьников приходили ко мне. Их ласково называли юными разведчиками. Мы садились за стол и работали несколько часов. Писали письма и запросы во все концы страны. Писали в адресные столы, в отделения милиции, в отделы кадров различных предприятий, в сельские Советы, в военные комиссариаты. А когда приходилось разыскивать девушек - то и в загсы, так как фамилии у многих из них переменились.

Поиск оказался значительно сложнее, чем я раньше думал. Многие дунайцы после войны изменили место жительства и переехали в другие города. Адресные столы требовали прислать полные данные о тех, кого мы разыскивали. А где их было взять? Еще трудней оказался поиск за рубежом. Мои письма шли очень долго. На некоторые вообще не приходило ответа.

Но первые трудности не охладили нашего пыла. Хотя результаты полутора лет поисков были очень скромными, однако мы приобрели полезный опыт в нашей работе.

И я, и все юные разведчики считали, что, если нам удастся найти Виктора Калганова, наша работа пойдет значительно быстрее. Мы перепробовали все средства. Но узнали лишь то, что он продолжает службу на флоте. Оставалось одно - самим поехать в Управление кадров Министерства Военно-Морского Флота и найти адрес моего командира. Это решение мы постарались воплотить в жизнь. Наступила зима, ожидались сильные морозы. Один ехать в Москву я не мог. Меня вызвалась сопровождать комсомолка Саша Авилова из нашей Данковской средней школы.

Тогда путь до Москвы из Данков был нелегким. Автобусов не было. По лесной дороге проезжали разве что случайные машины. Надеяться, что кто-то довезет 12 километров до Серпухова, не приходилось.

От Серпухова до вокзала было еще три километра.

Я обо всем этом сказал Саше. Она по-военному ответила:

- Если нужно, значит, поедем.

В Москве нам негде было остановиться, поэтому после выполнения своего дела надо было сразу же возвращаться обратно. Мы решили с Сашей выехать в Москву около 24 часов 29 декабря, чтобы к вечеру следующего дня успеть вернуться.

По радио передавали, что ожидается усиление мороза до 40 градусов. Но и это нас не остановило. Саша помогла мне надеть бушлат и хромовые ботинки. Так довольно легко одетые мы вышли из интерната. Мороз обжигал наши лица. На дороге было много снега. Но мы шли и пели. В лесу попытались сократить дорогу, заблудились и только к б часам утра добрались сначала до Серпухова, потом до Москвы. В зале ожидания все сидели в зимней одежде. С удивлением смотрели на нас москвичи. Слишком легко мы с Сашей были одеты. Но мы приближались к заветной цели и мало чувствовали холод. Наконец добрались до здания Министерства Военно-Морского Флота. Дежурный офицер в бюро пропусков дал нам телефон отдела кадров. Саша уже приготовилась записать адрес Калганова. Я по телефону объяснил, по какому делу оказался в Москве, но в ответ услышал:

- Справки по таким вопросам мы по телефону не даем.

Пропуска нам не выписали, и мы безрезультатно вернулись в Данки.

Летом 1950 года в палату положили восемнадцатилетнего комсомольца испанца Карла Асина. Во время гражданской войны в Испании маленький Карл пострадал при налете фашистских самолетов. Бомба оторвала ему ногу ниже колена и повредила руку. Карл вместе с другими испанскими детьми был эвакуирован в Советский Союз. Они жили в интернате в Калужской области. После окончания средней школы старые раны стали давать о себе знать. Так Карл оказался у нас в лечебном интернате.

Человек по натуре живой и общительный, Карл скоро подружился с красными следопытами Данковской школы. Он стал охотно помогать нам в наших поисках. Через два года, когда болезнь отступила, Карл переехал в Москву, женился на русской девушке Маше Осиповой.

Их квартира на Преображенской площади скоро стала филиалом нашего поискового штаба...

Десять лет продолжался поиск, но я никак не мог найти своего командира Виктора Калганова, хотя для этого перепробовал все средства. Кто-то посоветовал мне обратиться в картотеку Управления кадров Военно-Морского Флота. На этот раз мне повезло. Сотрудница Полина Ивановна Киреева очень внимательно отнеслась к моей просьбе и сообщила:

- Ваш командир Виктор Калганов служит на Краснознаменном Балтийском флоте, живет в Ленинграде. Запишите его адрес.

Эта весть была для меня большой радостью. Я написал ему длинное письмо и вместе со своими разведчиками стал с нетерпением ожидать ответа. Но миновала неделя, вторая, прошел месяц, а Калганов молчал.

Я и мои помощники очень переживали. Я уж было подумал: "Неужели он, став большим начальником, загордился и забыл своего подчиненного?" Не хотелось этому верить. Но чего не бывает в жизни?

К счастью, мои догадки были ошибочными. Флотский офицер просто находился в дальнем походе. Но как только он вернулся с моря, сразу написал мне письмо на десяти страницах. Мои разведчики скоро узнали об этом. В палату ко мне пришли пятнадцать человек. Вслух стали читать очень теплое письмо Калганова. Он подробно писал о своей судьбе, очень переживал за меня, полностью одобрил нашу поисковую работу.

Дня через три вечером, когда мы с разведчиками писали очередное письмо-запрос, дверь в нашу палату распахнулась, и кто-то незнакомый вошел к нам. Ребята сразу притихли. Он подошел ко мне, крепко обнял и расцеловал. Я не мог понять, кто это, пока не услышал знакомый голос:

- Здравствуй, Алеша!

По голосу я сразу узнал своего командира. Он сел рядом со мною и обнял.

Мне сразу припомнилась наша последняя встреча в Будапеште. Тогда мой командир, весь израненный, лежал на больничной койке, а мы с Мари пришли навестить его. Сейчас мы поменялись ролями.

Виктор Андреевич долго беседовал со мной и школьниками. Он хвалил их за шефскую помощь, за большую работу в отряде "Поиск". Калганов заинтересовался, как идет лечение моего глаза. Вести были невеселые. Профессор Ченцов пять лет готовил меня к операции, но сам неожиданно умер. Теперь за такую операцию никто не брался.

Калганов уехал на следующий день, тепло попрощался с нами. Он предпринял много хлопот, чтобы помочь мне в лечении глаза, но это ни к чему не привело. Хотя глазное давление стало нормальным, но к этому времени исчезла проекция света, что делало безнадежной любую операцию.

Виктор Андреевич еще несколько раз навещал меня, часто присылал хорошие, добрые письма.

Продолжительное время наш отряд разыскивал героиню боев на Дунае Катю Михайлову. После войны она демобилизовалась и вернулась в родной Ленинград. Успешно закончила медицинский институт, получила назначение в подмосковный город Электросталь. Ее мужем стал бывший фронтовик, инженер-конструктор. Мы искали Михайлову, а нашли Екатерину Илларионовну Демину.

Как только Демина получила мое письмо, немедленно приехала в Данки. Екатерина Илларионовна хороший специалист своего дела, она удостоена высокой чести - была делегатом XXV съезда партии.

В лечебном интернате меня навестили многие дунайцы. Здесь были Павел Кирсанов, Иван Кочкин, Игорь Золотов, Григорий Григорович, Семен Клоповский, Алексей Гура, Василий Глоба,

Григорий Коцарь, Венедикт Андреев, Анатолий Семенов, Шота Мжаванадзе, Александр Извеков, Галя Любимова и другие дунайцы-ветераны.

Работа клуба "Поиск" продолжалась. По примеру Данковской школы в школах района были созданы подобные отряды, школьные музеи боевой славы. Эта хорошая традиция стала распространяться и на другие школы Московской области. Конечно, этому сильно способствовали печать, радио, телевидение. Очерки, написанные по нашим материалам, охотно стали печатать городская газета "Коммунист", областная газета "Ленинское знамя" и газета "Московский комсомолец".

Потом о дунайцах появились очерки в центральных газетах и журналах. Нас пригласили на Центральное телевидение. В этой передаче принял участие бывший командующий Дунайской флотилией вице-адмирал Георгий Никитович Холостяков, начальник штаба флотилии Аркадий Владимирович Свердлов, командир отряда разведчиков Виктор Андреевич Калганов и я.

Были у нас выступления по радио. Особенно много откликов пришло от радиослушателей-школьников, когда мы рассказали о клубе интернациональной дружбы и отряде "Поиск". Мы с трудом успевали отвечать на бесчисленное количество писем. Появилось много новых друзей. Мы охотно делились своим опытом поисковой работы.

Дунайцев стали приглашать во многие места. Мы неоднократно выступали в Московском государственном университете, в других вузах столицы, на заводах и стройках. Теплую встречу дунайцам устроили в Ленинграде. А в подмосковном городе Электростали в честь дунайцев посадили в городском парке большую аллею. К нам приезжали не только советские журналисты, но и корреспонденты из братских социалистических стран. Их тоже интересовали подробности боевых действий на Дунае. В Болгарии, Югославии, Венгрии были опубликованы серии очерков о боевых делах советских моряков.

Наши следопыты часто стали выступать на пионерских слетах. Я работал охотно и много и совершенно не думал о возможных последствиях. Годы проходили в работе. И длительное напряжение вскоре сказалось.

11 октября 1961 года я поднялся, как обычно, сам надел спортивные брюки и пижаму. Обратил внимание, что радио в палате молчит. Включил репродуктор на полную громкость, но ничего не услышал. Ко мне вызвали врача. Но никакие процедуры больше не помогли. Я ничего не слышал. Это был новый удар. Я никак не ожидал его. Поэтому на больничной койке сидел задумчивый и грустный. Мои разведчики пришли работать, как и всегда. Они что-то по очереди кричали мне в ухо. Но я ничего не мог разобрать. Я только чувствовал движение воздуха возле моего лица. Об этом я и сказал им.

Мои помощники не растерялись и нашли способ общения. На моем лбу они пальцем стали писать буквы. Я разобрал слова: "Вы не волнуйтесь, завтра вас отвезут в Москву в госпиталь, там восстановят слух".

Я грустно улыбнулся.

Все попытки московских специалистов вернуть слух не увенчались успехом. Единственное, что могли сделать в Москве, - это снабдить меня слуховым аппаратом, с помощью которого я стал слышать.

Слуховой аппарат размером всего со спичечный коробок. Я слышал голос человека не прямо, а как по радио. Иногда не разбирал отдельных слов и переспрашивал.

Да, моя жизнь снова усложнилась. Раньше я свободно слышал людей, любил по радио перенестись в концертный зал или на стадион, познакомиться с последними известиями. Все это доставляло мне большую радость. Но с потерей слуха я лишился и этого.

Но вокруг меня все время были школьники. Я должен был показать им пример мужества и выносливости. Пришлось преодолеть еще один трудный барьер.

Я вместе с ребятами снова принялся за рукопись "Записок дунайского разведчика".

Мы смогли восстановить подробности боев за освобождение Венгрии. Венгерское радио передало мой материал о тех днях. После этого к нам в школу пошел целый поток писем из Венгрии.

Установилась хорошая традиция: каждый год в мае к национальному празднику югославского народа - празднику молодежи готовить передачу для Югославии. К нам все чаще стали приезжать корреспонденты. На магнитофон они записывали выступления пионеров и школьников Данковской средней школы.

Красные следопыты разыскали более 200 участников боев на Дунае. 24 июля 1967 года состоялся самый большой сбор дунайцев в Москве в Измайловском парке. Около 200 ветеранов приехали на него. На встречу собралось около 1000 молодых москвичей. Трудно передать словами, как были обрадованы таким приемом ветераны войны.

Советский комитет ветеранов войны наградил отряд "Поиск" Данковской средней школы почетным вымпелом, а меня - дипломом 1-й степени за долголетнюю военно-патриотическую работу с молодежью.

Красные следопыты Данковской средней школы провели несколько успешных поисков совместно с зарубежными школьниками социалистических стран. В венгерской пионерской газете "Пайташ" опубликовали очерк "Будайский полк". В нем же было обращение к венгерским школьникам помочь найти боевых друзей из добровольческого Будайского полка. На эту просьбу откликнулись многие венгерские ребята. В пришедших письмах школьники благодарили советских воинов-освободителей за помощь в освобождении их страны и заверяли, что охотно помогут -в поисках. Они сдержали свое слово.

Начальник штаба отряда "Поиск" Наташа Калинина только успевала знакомиться с приходившими из Венгрии письмами.

Уже первое донесение от венгерских пионеров из города Будапешта сообщало очень интересные для нас сведения: командиру Будайского полка подполковнику Оскару Варихази было присвоено воинское звание генерал-майора. В 1949 году он стал командовать Первой дивизией венгерской Народной армии. Он умер после тяжелой болезни в возрасте 52 лет.

Венгерские школьники сообщали, что жена и сын генерала живут в Будапеште. Скоро в Данки пришло письмо от. них.

Когда наши школьники читали это письмо, я снова с большим уважением вспомнил Оскара Варихази, подлинного друга советского народа.

Во втором письме из Будапешта тоже были интересные сведения. В нем говорилось: "Командир штурмового отряда прапорщик Альберт Кёссеги после войны демобилизовался из армии. В настоящее время он работает в Будапеште начальником планового отдела на заводе".

Скоро он сам прислал нам дружеское письмо, рассказывал о своей послевоенной судьбе, вспомнил, как мы вместе ходили на штурм Королевского дворца, интересно и ярко рассказал о современном Будапеште. Он приглашал меня и наших следопытов в Будапешт.

Поиски в Венгрии продолжались. Наташа Калинина принесла новую весточку от красного следопыта Золтана. Армана.

Он писал: "Ваш боевой друг сержант Будайского полка Янош Секереш жив, вы скоро получите от него письмо".

Действительно, через два дня пришла весточка от Яноша. Он рассказал о своей дальнейшей судьбе, о том, как лечился после тяжелого ранения в советском госпитале в Будапеште. После войны вернулся на последний курс Будапештского института физкультуры, затем стал работать преподавателем физкультуры в гимназии под Будапештом.

Янош писал, что воины Будайского полка очень переживают, что моя судьба сложилась так нелегко. В конверт Янош вложил первые весенние фиалки из своего сада. Эти цветы очень тронули меня.

Поступило новое письмо. "Единственная девушка-воин Будайского полка Дерескаль Шандорнэ живет и работает в Будапеште". Там же сообщался ее адрес.

В своем ответе Дерескаль писала, что она вышла замуж. За боевые подвиги во время освобождения Будапешта Президиум Верховного Совета СССР наградил ее орденом Красной Звезды.

Нужно сказать, что за время этого поиска особенно отличились венгерские красные следопыты Ева Фольди, Золтан Арман из Будапешта, Банфи Иштван из Северной Венгрии. Очень активно участвовали в поиске и комсомольцы под руководством своей учительницы Мари Секереш.

Весьма успешным оказался поиск в Болгарии. Правда, вначале все шло медленно. Пришлось прибегнуть к испытанному приему: напечатать очерк в пионерской газете и обратиться к школьникам с просьбой о помощи. На это обращение быстро откликнулись наши болгарские друзья. Болгарские красные следопыты под руководством учительницы Павлины Мильковой из средней школы имени Христо Ботева из города Никопола энергично включились в поиск.

Первым разыскали Демьяна Берникова, комиссара революционного полка гарнизона этого города. После службы в болгарской Народной армии Демьян Берняков стал заместителем директора Национального оперного театра имени Ивана Вазова. Живет он в Софии, написал книгу. Она приобрела большую популярность в Болгарии. Иван Денев тоже после демобилизации поселился в Софии, работает в научно-исследовательском институте. Начальник народной милиции Николай Коцаров после войны переехал в город Плевен, многие годы работал в областном исполнительном комитете. Сейчас он ушел на пенсию.

Офицер Георгий Тараканов, который дал нам, советским морякам, ценные сведения о расположении минных полей на Дунае, и его друг Василий Николов командир катера, оба живут в городе Никополе.

Долго не удавалось найти следы болгарского коммуниста Бориса Воинова из города Рущук, который во время войны укрывал у себя четырех советских военнопленных. После опубликования моего очерка в газете "Отечественный фронт" нашелся и он.

Я получил от него письмо, а потом он прилетел на встречу к нам в Дакки. После войны Борис Воинов из Рущука (ныне город Русе) переехал в Софию, окончил академию, стал партийным работником. Борис Воинов привез из Болгарии памятный сувенир - шкатулку, выполненную руками болгарских мастеров. Она сейчас экспонируется в школьном музее Данковской школы.

Удачным оказался поиск и в Югославии. Наши следопыты совместно с отрядом югославских пионеров под руководством учителя Бранко Симечака начали поиск. Одним из первых откликнулся Владимир Жоржевич. Он сообщил, что его брат Любиша Жоржевич, который служил у нас в разведке, после войны умер от ран. Сам Владимир долго работал на Дунае лоцманом и лишь недавно ушел на пенсию. Владимир прислал нам большой альбом с видами современного Белграда. Написал и Будемир Петрович. Он вспомнил совместные боевые действия на Дунае, сообщил, что возрожденный Белград стал очень красивым городом. В конце письма с гордостью сообщил, что его дочь, которую я видел маленькой девочкой, стала известной югославской киноактрисой.

К тридцатилетию освобождения города Илока я получил из Югославии приглашение приехать на торжественный юбилей. Мне было ясно, что это теплое приглашение относится не столько ко мне лично, как ко всем морякам флотилии, участвовавшим в освобождении этого города. Я очень хотел побывать на могиле своих друзей, но состояние здоровья не позволило воспользоваться этим приглашением.

Несколько раньше ко мне пришло исключительно дружеское письмо редактора югославского детского журнала "Пионерская заградка" Миколы Сегеди. Он сообщал, что после войны останки героев илокского десанта перенесли в Илок на братское кладбище советских воинов. За могилой с большим уважением и любовью ухаживает молодежь города.

Сам Микола Сегеди участвовал в освобождении этого города, был там тяжело ранен. Узнав о гибели Виталия Запсельского, он лично написал подробное письмо в Ворошиловград его матери Марии Ивановне, чтобы хоть как-то смягчить материнскую боль.

Вскоре Мария Ивановна написала мне. Она попросила передать сердечное спасибо югославскому другу за его душевное письмо. "Я горжусь, что сын мой был защитником нашей Родины и отдал жизнь за свободу югославского народа. Я получила еще одно письмо от югославских пионеров из города Илока. Они написали: "Мы, югославские пионеры, счастливы, что живем в мирное время. Мы никогда не забудем, какой дорогой ценой заплатили советские воины за наше счастье, которые отдали свою жизнь за свободу югославского народа. В нашем школьном музее висят большие фотографии героев илокского десанта, а в альбоме помещены их биографии. Мы ухаживаем за могилой героев".

Вместе с письмом из Илока пришла фотография. Пионеры этого города возлагают цветы на могилу погибших воинов.

Радостно знать, что подвиг наших погибших товарищей не забыт в братской Югославии, что в традициях братской дружбы растет и воспитывается югославская молодежь.

Теперь самое время рассказать о судьбе героев этой книжки. По всей стране разбросало бывших разведчиков. Ближе всех от меня оказалась Екатерина Илларионовна Демина (Катя Михайлова). Она живет и работает в Москве.

Старшина 2-й статьи Василий Глоба - бригадир вагранщиков на одном из заводов Днепропетровска. Григорий Коцарь работает на криворожском руднике. Алексей Гура закончил академию, стал партийным работником, живет и трудится в Бердянске. Пожалуй, дальше всех от Дуная осел Венедикт Андреев. Он житель города Кургана. Командир отряда дунайских разведчиков Виктор Андреевич Калганов последние годы служил на Балтике. После увольнения в запас переехал в Севастополь. Недавно он умер. Сказались старые раны. Нет в живых и Вани Бойчака. Он был журналистом, работал на Украине. Жизнь Григория Григоровича до сих пор связана с морем. Он плавает на океанском лайнере, живет в Одессе. Иван Кочкин после войны закончил институт. Сейчас он преподает в городе Копейске.

Проходят годы, а поиск дунайцев продолжается. Когда работа над рукописью была закончена, в Данки прислали из Болгарии газету "Дунайский фар" - орган дунайских речников. В ней сообщалась судьба мичмана Николы Давидова, того самого, кто передал советскому разведчику карту минных полей на Дунае. К сожалению, самого Николы Давидова уже нет в живых. Он скончался от ран в конце войны.

...Несколько лет назад (в 1978 году) Данковская средняя школа торжественно отметила тридцатилетний юбилей отряда "Поиск" и клуба интернациональной дружбы. Всесоюзное радио организовало специальную передачу, посвященную юбилею старейшего поискового отряда. А 9 Мая в зале школы собралось много гостей: работники горкома комсомола, курсанты Московского высшего командного пограничного училища, солдаты и офицеры Московского гарнизона, ветераны войны и труда и, конечно, школьники. На первых рядах разместились первые "разведчики", те, кто когда-то начал поиск. За эти годы они стали учителями и колхозниками, медиками, рабочими, студентами.

Торжественное собрание открыл директор школы Виктор Иванович Королев. В тот день было много интересных выступлений. Приносили и читали поздравительные телеграммы, а я сидел в президиуме и вспоминал, как тридцать пять лет назад начиналась наша работа.

Она позволила написать эту небольшую книжку в память о подвигах товарищей-разведчиков, выполнивших в борьбе с врагом на Дунае свой воинский долг.

И тут же припомнились стихи нашего черноморского поэта-фронтовика Григория Поженяна. Поэту очень точно удалось сказать о тех, кто воевал. Поэтому свою книжку мне бы хотелось закончить строчками из его стихотворения:

...Почестей мы не просили,

Не ждали наград за дела.

Нам общая слава России

Солдатской наградой была.

Да много ли надо солдату,

Что знал и печаль и успех:

По трудному счастью на брата,

Да Красное знамя - на всех!

Говоря о фронтовиках, пожалуй, лучше этого и не скажешь.

Необходимое послесловие

У читателя, конечно, может возникнуть вопрос: а как же все-таки шла работа над этой рукописью?

Сам Алексей Александрович об этом рассказывает так: "После многих лет поиска и сбора материалов сфрмировалась общая идея будущей книги. В то время моих первых маленьких помощниц сменила восьмиклассница Лена Янушкина.

С ней мы разработали подробный план рукописи, с ней под мою диктовку начали запись первой главы. Все шло хорошо, но неожиданно в нашем интернате объявили карантин. Теперь никто посторонний не мог пройти в мою палату. Я был очень огорчен. Но Лена нашла выход. Однажды в открытую форточку она бросила ветку. Ветка задела меня, и я понял, что кто-то стоит у окна. Я вставил слуховой аппарат и открыл окно.

"Добрый вечер, Алексей Александрович, - услышал я голос Лены. - Я пришла к вам работать".

И она удобно устроилась на подоконнике.

Это меня очень тронуло. Ежедневно два часа мы проводили над рукописью. Но уже наступила осень. Дни становились все холоднее. А потом выпал снег. Лена приходила каждый день. Карантин затянулся. Лена на своем подоконнике простудилась и заболела. А когда поправилась, снова пришла в интернат. Так продолжалось несколько месяцев. Тогда Лена училась в десятом классе. Потом она закончила школу, но осталась работать в ней же лаборанткой. Так два года она записывала мои воспоминания. Потом Лена поступила в институт, и работу продолжила Наташа Калинина. В интернат ей приходилось ходить издалека. Эстафету она передала Гале Рязанцевой. Ей пришлось еще труднее. В это время у меня резко ухудшился слух. Чтобы я мог разобрать вопрос, Галя два раза повторяла каждое слово. Она и завершила работу над рукописью. А всего, чтобы написать ее, понадобилось пять лет".

Помощники Алексея Александровича жили не только в Данках. Ленинградская школьница Инна Иванова несколько лет подряд в Центральной военно-морской библиотеке просматривала газеты "Дунаец" и "Черноморец", выверяла даты боев, названия мест, имена и отчества дунайских героев.

У Алексея Александровича сотни таких помощников. Но и он помогает другим.

Письма в Данки дунайскому разведчику приходят часто. Следопыты подсчитали: они идут из 400 городов, сел, деревень. Вот о чем в своем письме рассказывает военный летчик старший лейтенант Александр Котвицкий: "Я летаю на реактивном истребителе. Недавно попал в сложную ситуацию, самолет удалось посадить. В тяжелом состоянии меня доставили в госпиталь. Болезнь затянулась. Я очень переживал, думал, что больше не смогу летать. Но однажды вспомнил, что есть такой человек - Алексей Чхеидзе. Это ободрило меня. Я выдержал все трудности и сейчас снова летаю на военном самолете..."

А вот выдержка из письма Героя Советского Союза Михаила Владимировича Ашика, о котором в своей книге упоминает А. Чхеидзе: "Не перестаю удивляться твоему упорству, терпению и трудолюбию твоих помощников. Твоя книга не только о подвигах на войне, эта книга каждой строчкой будет свидетельствовать о подвиге твоем в мирное время. То, что ты сделал, создав эту книгу, будет приравнено к самым высоким свершениям человеческого духа..."

И еще: "Было бы правильно, если б ты отважился написать о своей послевоенной жизни, о тех хороших людях, которые рядом с тобой. Поверь, эта сторона жизни фронтовиков, оказавшихся в подобном тебе положении, почти неизвестна людям. Тут такая литературная целина, такая масса никем не описанных фактов, такие судьбы и такие характеры, описать которые может только сам переживший все это. Верно пишут: есть люди, для которых война не кончилась. Ты остался под ее обжигающим ветром, ты все еще доблестно сражаешься... Уважающий тебя и восхищающийся тобою Михаил Ашик".

За последние годы все больше людей узнают о послевоенном подвиге дунайского разведчика. Стоило в "Неделе" появиться очерку о Чхеидзе "Как Павка Корчагин...", откликнулся поэт И. Светличный. Он написал песню "Красные следопыты", композитор Л. Нагорная - музыку. Создан сценарий документального фильма о дунайском разведчике "Чем ценится подвиг". В Болгарии планируется создание другого документального фильма - о фронтовом братстве советских и болгарских воинов. В центре его - судьба Алексея Чхеидзе.

Потребовалось дунайскому разведчику поехать из Данков в Тбилиси - нашлась женщина, которая взяла на работе отпуск и отправилась сопровождать инвалида.

За смелость и отвагу на фронте, за плодотворную многолетнюю работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи Алексей Александрович Чхеидзе занесен в книгу Почета Центрального Комитета ЛКСМ Грузии. ЦК ВЛКСМ наградил его почетным знаком "Воинская доблесть".

...И вот прошло полтора года с тех пор, как вышло первое издание этой книги. Она не осталась не замеченной читателями. Об этом говорят рецензии в газетах и журналах, это подтверждают тысячи писем читателей, которые пришли к автору.

Нельзя без волнения читать эту почту, вызванную желанием хотя бы добрым словом помочь мужественному человеку, сказать ему от всего сердца спасибо за то большое дело, которое он продолжает делать.

Письма идут самые разнообразные - от десятилетних школьников, от студентов, воинов, восьмидесятилетних пенсионеров. Пишут даже из колоний правонарушителей.

Вот несколько выдержек из почты Алексея Александровича: "Ваша книга просто необыкновенна. Я ее выучил на память. Она удивила тем, что вы, Алексей Александрович, не упали духом, а начали жизнь заново. Преклоняюсь перед Вами. После Вашей книги у меня началась совсем новая жизнь.

Девятиклассник Олег Данилюк из Приморска".

"Мне трудно понять, откуда у Вас столько мужества и упорства. Я знал людей, которые власть над собой теряли, лишившись руки или ноки. Кланяюсь Вам низко со слезами на глазах. Завтра в техникуме у меня лекция. Я буду рассказывать своим студентам о Вас.

Полковник Б. М. Исаев".

"Комсомольская организация нашей роты единодушно включила Вас в наш состав. Еще мы учредили вымпел Вашего имени. Теперь им будем награждать лучшее подразделение. Надеемся, что на все это Вы дадите свое согласие.

Пенза. Молодые воины".

"Желательно, чтобы издательство увеличило тираж книги. Чтобы каждый пионер, школьник, комсомолец прочел эти кровью написанные Ваши записки..."

Из письма учителей-пенсионеров города Калинина "Я читал Вашу книгу в присутствии жены, детей, внучки. Слезы текли ручьями. Пятилетняя внучка Аленка спросила: "Дедушка, кто тебя обидел?" Прежде всего примите поклон за Ваше мужество, за Ваш неоценимый труд в воспитании молодого поколения. Книга Ваша не просто художественное произведение, это неоценимый учебник жизни. Еще раз спасибо за внимание к инвалидам войны. Можно ли к Вам приехать и навестить Вас? Не посчитаюсь ни с какими трудностями, если смогу быть для Вас чем-то полезен".

Из письма И. Ф. Блоха из Днепродзержинска "Читал Вашу книгу и спешу написать Вам добрые слова: солдатское спасибо за терпение, упорство, трудолюбие, прекрасную душу, за память о погибших товарищах. Книга прекрасная, скромная, правдивая. Они имеет огромное воспитательное значение, сближает нашу многонациональную молодежь".

Из письма участника Великой Отечественной войны капитана С. А. Мирзояна "В нашей группе студент Боймаков Абдулло написал реферат о Вашей книге. Мы обсуждали его реферат, были очень взволнованы Вашим подвигом, Вашим мужеством и героизмом. Всего Вам хорошего. Приезжайте в наш солнечный Таджикистан".

Из письма студентов мединститута из Душанбе ".Книгу я читала своим ученикам 4-го "Б" класса. Она произвела сильное впечатление на ребят. Я хотела купить 40 книг, но, к сожалению, в Москве ее нигде достать нельзя. "Записки дунайского разведчика" - очень нужная книга для подрастающего поколения. Ее надо издать массовым тиражом".

Из письма учительницы 78-й московской школы Л. Духашиной "Вашу книгу коллектив читал во всех классах. Учащиеся восхищались подвигами воинов Великой Отечественной войны. Ваша книга помогает воспитывать наших учеников".

Из письма заслуженной учительницы Хивит Атикиловой из Дербента "Вчера я уложила спать свою маленькую дочь, а сама читала Вашу книгу до 7 утра. Прочла три раза. Была сильно взволнована, поплакала, но это слезы гордости за Вас, за то, что в таком состоянии остались человеком и продолжаете бороться за жизнь".

Из письма Алены Власовой из села Архипова Тюменской области "Спасибо Вам за то, что Вы есть, что Вас не сломили ни железо, ни сталь. Низко кланяюсь Вам и безмерно рад за Вас, что Вы победили смерть. Так и держите! В моих глазах Вы - человек, который заслуживает всяческую благодарность от нашего общества.

Капитан ВВС Е. Жуков".

"Спасибо Вам за интересную книгу. Было бы хорошо, если б по ней создали художественный телефильм, а то не все смогли прочесть ее.

Комсомолка Валентина Беседа из Комсомольска-на-Амуре".

"Вчера на работу принесли Вашу книгу (я работаю в детской поликлинике). Она сразу привлекла внимание. Читали ее все вместе, выкраивая свободную минутку. И у каждого она задела какую-нибудь струну души. Алексей, вы создали книгу, которая не оставляет равнодушными даже молодых, не видавших войны.

Ирина Литвиненко и ее сослуживцы из Харькова".

"Трудно поверить, что такие мужественные люди живут среди нас. Откуда эта сила? Откуда всепобеждающая любовь к жизни? Нашей дочери сейчас полтора года. Когда она подрастет, очень хочется, чтобы и она прочла эту книгу.

Семья Кудрявцевых из Ангарска".

"Мне, человеку только вступающему в жизнь, хочется равняться на таких людей, как Вы. В нашей школе книгу прочли многие. И обязательно будем ее читать на внеклассных Часах. У Вас есть чему поучиться. Вы, как Павка Корчагин, не сдались перед трудностями, а остались борцом.

Комсомолка 10-го класса Оксана Бабийчук, г. Кировоград".

"Не отрываясь прочел Вашу книгу. Она помогает воспитывать молодое поколение, тем более что книга - итог огромного труда Вашего и Ваших молодых помощников. Примите с берегов Невы, с борта прославленного крейсера "Аврора" мой братский привет. Хочется, чтобы Вы вновь почувствовали наше морское братство.

С уважением и любовью член экипажа "Аврора" капитан 1-го ранга Бартев".

"Не нахожу слов, чтобы отблагодарить тебя за все, что ты сделал. Сердечное спасибо за книгу, статьи в газетах и журналах. Я часто задумываюсь, где ты проявил больше героизма - там, на фронте, или теперь, в мирные дни, продолжая работу в таком состоянии. И прихожу к выводу, что эти подвиги равноценны.

Участница боев на Дунае Екатерина Илларионовна Демина (Михайлова)".

"Книгу я прочла своим ученикам начальной школы. Они слушали с замиранием сердца. Уверен, что Ваша книга поможет воспитывать у детей любовь к Родине, уважение к ее защитникам.

Учительница Рита Гогоненко из Ростовской области".

"Мы пенсионеры. Мне - 75 лет, мужу - 81. Мы с большим вниманием и интересом прочли Вашу книгу. Преклоняемся и восхищаемся подвигом, который Вы совершили в годы войны и продолжаете совершать сейчас.

Семья Птачек из города Куйбышева".

"У нас состоялась читательская конференция по Вашей книге. Были приглашены ветераны войны и труда и молодежь. У многих на глазах были слезы. После конференции интерес к книге еще больше возрос. Она ни дня не стоит на полке в библиотеке. Примите от нас самые добрые пожелания.

Коллектив рабочих из города Жданова".

"Вы, наверное, получаете много писем от разных людей. Но вряд ли были письма из исправительно-трудовой колонии. Хочется спросить Вас прямо. После войны Вы оказались в таком тяжелом положении. Откуда у Вас взялось столько душевной силы? Ведь, потеряв слух, да еще и зрение, не каждый сможет продолжать жизнь. Да, мы знаем, что Вы окружены заботой следопытов. Огромное спасибо им за то, что не оставили человека в беде.

Александр Б. Владимир П".

"Алексей Александрович, мы восхищены и преклоняемся перед Вашей стойкостью и мужеством. Мы будем очень рады, если скоро прочтем книгу о Вашей жизни и деятельности после войны. Пожалуйста, напишите такую книгу. Ведь Ваша жизнь постоянная борьба, постоянный подвиг. Скоро закончится наша практика, и мы получим дипломы товароведов книги. Как будущие специалисты, хотим сказать, что Ваша книга необходима людям. Вы делаете огромное и нужное дело, так не останавливайтесь на половине пути.

Учащиеся Московского книготоргового техникума М. Шведова, Л. Киреева, Н. Полянская".

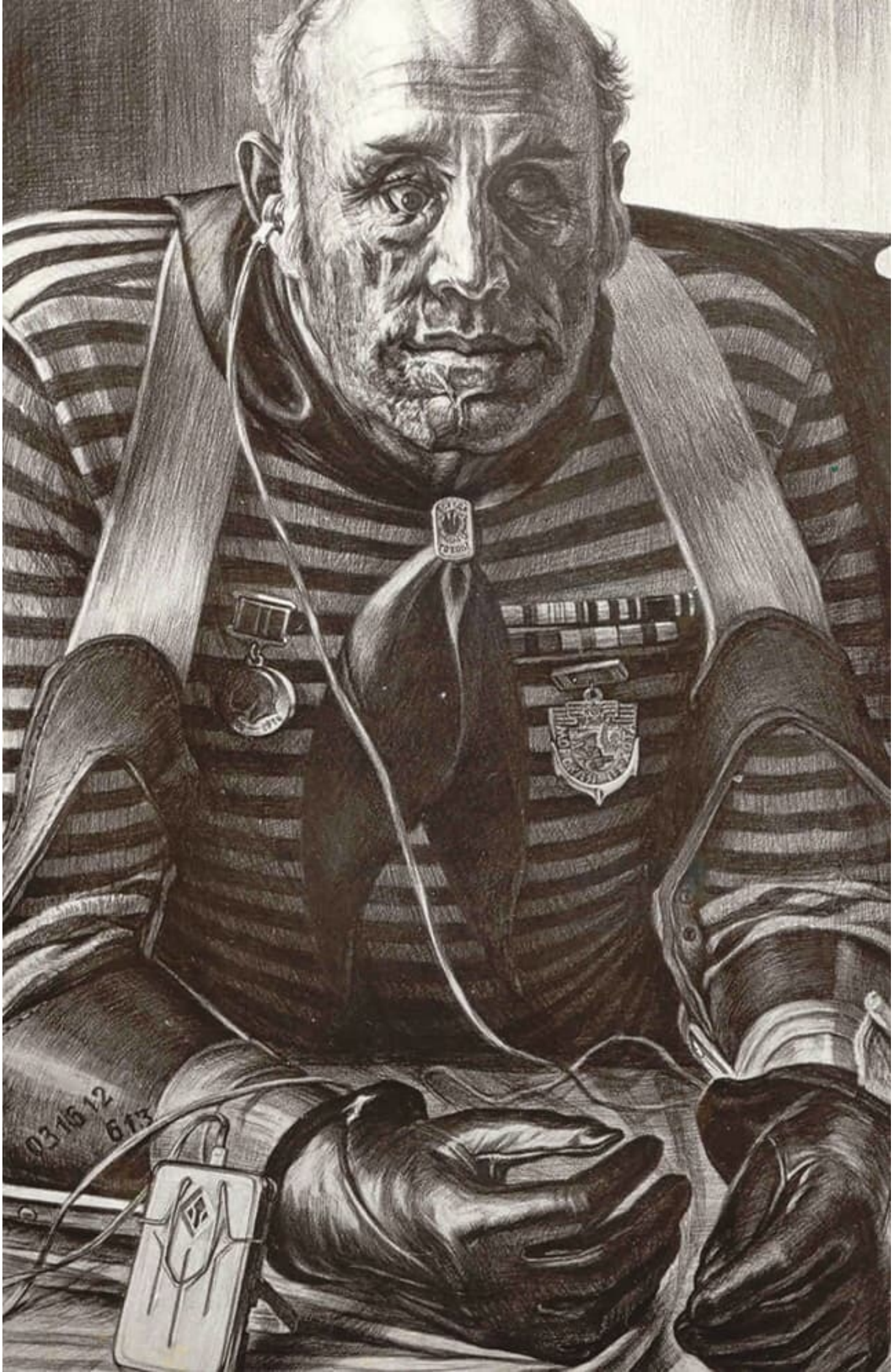
Письма, письма, письма... И везде сердечные благодарности, восхищение мужеством и стойкостью, добрые пожелания ветерану.

Скажем правду: за это время работать Алексею Александровичу стало труднее. Полностью отказал слух. Теперь в беседе с ним пальцем на лбу пишут буквы. Например: напишут первые две буквы "Пи", а он уже догадывается: "Письмо". Иногда ошибается, тогда приходится писать дальше.

За это время книга "Записки дунайского разведчика" вышла в Тбилиси на грузинском языке. На литературном конкурсе имени Островского книга отмечена почетным дипломом. Советский комитет ветеранов войны за многолетнюю работу с молодежью, за ее военно-патриотическое воспитание наградил А. А. Чхеидзе Почетной грамотой.

В заключение хочется пожелать ветерану краснофлотского здоровья, как говорили в годы его молодости. Ну а выдержки, упорства и стальной воли ему не занимать.

Сообщаем адрес А. А. Чхеидзе:

142274, Московская обл., г. Серпухов, местечко Данки, интернат. Корпус 1.

Ю. ЧЕРНОВ